

Александр Андреевич Сахаров
Воспоминания стопроцентного эсперантиста

Оглавление

- П Р Е Д И С Л О В И Е
- В В Е Д Е Н И Е
- МОЯ УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ ПРОПАГАНДА ЭСПЕРАНТО
- ПОЕЗДКА НА ЭСПЕРАНТСКИЙ КОНГРЕСС
- МОЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА ДЛЯ ЭСПЕРАНТО
- Я СТАНОВЛЮСЬ СТОПРОЦЕНТНЫМ ЭСПЕРАНТИСТОМ
- 1907 г.
- ОСНОВАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ
- 1909 г.
- МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЭСПЕРАНТО
- 1911 г.
- 1912 г.
- 1913 г.
- ОТКРЫТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ЭСПЕРАНТО
- 1914 г.
- 1915 г.
- ЗАКРЫТИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ КУРСОВ И КНИЖНОГО МАГАЗИНА
- 1915 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)
- 1916 г.
- 1917 г.
- 1918 г.
- РЕКВИЗИЦИЯ КВАРТИРЫ
- 1919 г.
- 1920 г.
- 1921 г.
- ПОСЛЕ 1921 г.

П Р Е Д И С Л О В И Е

Я долго жил в этом мире. Много видел, многое слышал, многое испытал. Чтобы рассказать обо всём прожитом, мне нужно было бы написать много книг. Достаточно сказать, что за свою жизнь я был свидетелем пяти войн — русско-турецкой 1876-77 гг., русско-японской 1904-05 гг., мировой 1914-17 гг., гражданской 1917-21 гг., второй мировой 1941-43 гг., - и прожил три русские революции — одну в 1905 г. и две в 1917 г.

Но из всех периодов моей жизни самым интересным для меня остался период между 1903 и 1920 годами, когда я был стопроцентным эсперантистом. Именно об этом периоде пойдёт речь в моих воспоминаниях. Описать его я полагаю своим долгом, во-первых, чтобы передать единомышленникам часть своего опыта, как для подражания, так и для избежания ошибок в будущем, а, во-вторых, для публичного выражения благодарности многим моим

сотрудникам. Кроме того, к этому меня побуждает следующее обстоятельство. В 1922 г. в моей квартире случился пожар, во время которого сгорело и погибло много документов, которые могли бы осветить многие факты того периода эсперантского движения. Следовательно, мои воспоминания могут в ряде случаев заменить эти документы. Далее, пожар и революция "разрубили" многие финансовые обязательства, которые в нормальных условиях могли бы быть ликвидированы совершенно иным способом. Наконец, ведь каждое новое сочинение в нашей литературе является продолжением той эсперантской работы, которой я посвятил лучшие годы своей жизни.

Если эта моя последняя работа принесёт кому-нибудь пользу или удовольствие, она будет полностью вознаграждена.

Очень может быть, что некоторые мои сотрудники не найдут своих имён в моих воспоминаниях. Пусть они простят меня и верят, что это случилось только из-за ограниченности человеческой памяти и уже упомянутых катастроф, в которых погибли многие документы.

ВВЕДЕНИЕ

Согласием даже малые государства усиливаются,
а несогласием и большие губятся.
Латинское изречение

Я родился 7/20 апреля 1865 г. в Поволжье, в деревне Кудеиха Симбирской губернии. В 1875 г. я поступил в среднюю школу, где должен был изучать помимо других наук латинский, греческий и французский языки. Особенно много времени мне приходилось уделять латинскому языку, преподаватель которого был чрезвычайно ревностным, аккуратным и требовательным человеком. В начальных классах латинский и греческий преподавались ежедневно, и так как я был одним из прилежных учеников, то усвоил довольно солидный запас слов и грамматических правил из этих языков. Также старательно я учил французский язык, который хотел освоить непременно в совершенстве. Поэтому помимо заданных в школе переводил и другие французские тексты. К сожалению, у учителя французского была какая-то болезнь горла, и он говорил хриплым голосом, из-за чего моё французское произношение было весьма несовершенным, особенно в части носовых звуков и букв "u" и "h".

Тщательно подсчитав впоследствии число часов, затраченных на изучение этих языков и других наук, я обнаружил, что изучение языков отняло у меня 55% всего учебного времени согласно программе.

В 1885 г. я успешно сдал выпускной экзамен в Симбирской классической гимназии и получил так называемый "аттестат зрелости". Этот документ давал мне право без последующего экзамена стать студентом какого-нибудь университета. В августе 1885 г. я выбрал математический факультет Казанского (ближайшего) университета. Здесь я намеревался подготовиться к педагогической работе, но случилось следующее.

В 1887 г. студенты всех российских университетов восстали против сурового политического режима, который практиковала администрация царя Александра III. Студенческая забастовка была и в Казанском университете. Как и многие другие студенты, я принял участие в этой забастовке. Из-за неё университет был на некоторое время закрыт. Несколько студентов, особенно из числа наиболее активных забастовщиков, было исключено из университета, а другие получили различные наказания. Между прочим, во время этой забастовки был исключён и выслан из Казани студент Владимир Ульянов, который позже взял псевдоним "Ленин" и сыграл столь важную роль в истории нашей страны и даже всего мира. Лично я не был исключён, но получил строгий выговор и характеристику "политически неблагонадёжного гражданина". Хотя мне разрешили закончить полный курс университета, для меня закрылся путь к профессии педагога.

Итак, после сдачи в 1890 г. государственного экзамена, мне нужно было поискать какую-нибудь должность, не связанную с педагогикой. После года безработного положения я по случаю получил канцелярскую должность в симбирском финансовом учреждении "Казённая палата". Проведя там два года, я получил должность финансового инспектора в районе города Ардатова. Эта должность не требовала слишком много работы и в то же время хорошо оплачивалась и была довольно независимой. Из-за отсутствия в городе каких-либо публичных развлечений я имел возможность много времени посвящать духовным занятиям.

Так я прожил десять лет, когда в 1903 г. неожиданно получил письмо от университетского друга Сергея Ф. Полянского, с которым мы студентами жили какое-то время в Казани в одной комнате. Письмо было написано на каком-то незнакомом мне языке, хотя в учебных заведениях я изучал латинский, греческий, французский, немецкий и немного английский. И странно, не зная языка, на котором оно было написано, я понял почти всё письмо.

В последних строчках письма было сказано, что оно написано на языке Esperanto, и был дан адрес, по которому можно получить грамматику и словари этого языка (Варшава, д-р Заменгоф). По этому адресу я написал д-ру Заменгофу письмо с просьбой прислать необходимые для изучения языка материалы. Вскоре я получил от него наложенным платежом Первую книгу Эсперанто, содержащую 16 правил грамматики, краткий эсперанто-русский словарь и короткий пропагандистский текст об Эсперанто. В бандероли я нашёл также русско-эсперантский словарь, написанный автором языка, несколько эсперантских брошюр для чтения и один номер болгарской эсперантской газеты "Рондиранто" (идуший в кругу). Получив книги, я положил их в шкаф до лучших времён, но, как часто бывает, другие дела заставили меня забыть о них. Только через несколько месяцев, во время беседы в каком-то обществе об изучении разных языков, я вспомнил о полученных книгах и извлёк их из шкафа.

Вскоре мне предстояла железнодорожная поездка в Казань. Чтоб развлечься в ходе 10-часовой поездки, я положил учебник Эсперанто в карман и за время

пути изучил всю грамматику. Это было начало моего занятия языком Эсперанто.

Должен сказать, что я всегда мечтал о поездке за границу, чтоб сравнить тамошнюю жизнь с нашей, но не отваживался осуществить эту мечту, так как не мог бегло говорить ни на одном чужом языке, хотя теоретически знал многие. Это стимулировало мой интерес к идее универсального языка и подготовило хорошую почву для семени, брошенному моим другом Полянским. Поэтому, вернувшись из Казани, я продолжил занятия Эсперанто.

Я начал переводить на русский присланный д-ром Заменгофом роман Лермонтова "Герой нашего времени", переведённый на Эсперанто Кази-Гиреем, сравнивая свой перевод с оригиналом. Лёгкость перевода сильно воодушевила меня и вскоре я написал д-ру Заменгофу, чтоб он записал меня в издающийся им список адресов эсперантистов и попросил дать мне несколько грамматических пояснений, которые не нашёл в его первом учебнике, например, об ударении в словах с полугласными и о порядке слов в Эсперанто. Он любезно ответил на мои вопросы. Представляю гигантский объём его работы, если он отвечал на все подобные вопросы.

Когда появилась очередная серия "Адрэсарой" (список адресов), я нашёл в ней своё имя, вписанное под N 10167 в серии XXV новых эсперантистов, присоединившихся к сообществу с 1 января 1904 по 1 января 1905 г. Этот список и адреса, что были напечатаны в полученных мною учебных материалах и журналах, связали меня с "эсперантским миром", который, увы, тогда был слишком тесным.

Я связался с тогдашним центром эсперантской пропаганды в России — петербургским обществом "Эспэро" (надежда) — и через него подписался на несколько эсперантских изданий. В первое время мне сильно помог журнал "Руслянда эспэрантисто" (российский эсперантист), печатавший параллельные тексты на двух языках — Эсперанто и русском. Для неопытного эсперантиста такая параллельность очень полезна: она невольно втягивает читателя в понимание текстов и постепенно придаёт ему желаемый опыт.

Но отечественные эсперантские издания обычно мало интересуют эсперантистов, их больше привлекают заграничные издания: ведь цель международного языка — сделать понятными иностранцев, ибо соотечественников люди хорошо понимают на своём национальном языке. Для удовлетворения этого стремления я подписался на "Лумтуро" (маяк) из Америки, "Ла суно хиспана" (солнце Испании), "Тра ла мондо" (по миру), "Ле эспэрантист" и некоторые другие издания, выходившие в то время.

Но вообще 1904 год не был благоприятным для занятий языком Эсперанто в России. В январе того года началась русско-японская война, привлекавшая всеобщее внимание. Как известно, та война не вплела лавров в венец русской армии. Из-за отдалённости поля войны от российских центров и неподготовленности, поражения следовали за поражениями. Это очень нервировало русский народ и возбуждало в нём революционное настроение,

тем более, что войну затеяла небольшая кучка капиталистов и придворных русского царя. На многих фабриках и в поместьях начались забастовки и восстания. Большая часть русских журналистов заняла оппозиционное положение по отношению к правительству и резко критиковала его действия.

Причины военных неудач люди видели только в политике правительства и царском абсолютизме. В своей массе народ настойчиво требовал изменения системы правления. Народный гнев, не находя свободного выхода, проявлялся в восстаниях или покушениях на наиболее жестоких и ненавистных членов правительства. Политические убийства министров следовали одно за другим, особенно министров внутренних дел, в руках которых находилась политическая полиция. Таким образом пали министры Боголепов, Плеве и другие. Царское правительство находилось в сильном замешательстве и не знало, по какому пути нужно пойти, чтобы успокоить страну: то оно предлагало несколько либеральных реформ, то выпускало строгие декреты.

Такое внутреннее положение в стране продолжалось и в 1905 г. Революционность народа особенно возросла после 9 (22) января 1905 г. когда по приказу царя была расстреляна мирная демонстрация петербургских рабочих, направлявшаяся к царю просить необходимых социальных реформ.

Напуганный террористическими актами и общим недовольством всего русского народа правительственной политикой царь решил созвать народное представительное собрание, наделённое только рекомендательными правами. Но дальнейшие поражения в войне — падение Порт-Артура, гибель русского военного флота в Цусиме, — так возбудили народ, что он путём всеобщей стачки в сентябре и октябре потребовал, чтобы царь согласился на настоящее представительное народное собрание с законодательным правом и подотчётным правительством. Царь притворно уступил и объявил известный манифест от 17 октября 1905 г. о различных свободах. Это несколько уредило народный гнев, но не полностью.

В декабре в Москве вновь разразилось вооружённое восстание. Но оно было в несколько дней подавлено царскими войсками, его главные руководители были либо расстреляны, либо бежали, и самодержавный царский режим вновь восторжествовал, сохранив лишь несколько уступок народным требованиям. Этим закончилась так называемая 1-я русская революция. До и в ходе неё Россия представляла из себя кипящий котёл, в котором политические страсти заставили умолкнуть все другие интересы. На некоторое время был забыт и Эсперанто.

Но после всякой бури приходят освежение и оживление. Душевное волнение, вызванное революцией и войной, сменила тоска по спокойной жизни. Японская война завершилась Портсмутским миром, а политические стремления — Государственной Думой. Народ вернулся к обычным делам.

Как реакция на пережитые ужасы, огромную симпатию получили идеи братства народов и вообще мирного сосуществования. Такое душевное состояние было весьма благоприятно для Эсперанто. С другой стороны, в

августе 1905 г. в Булонь-сюр-Мер во Франции состоялся первый Всемирный Эсперантский Конгресс, который показал полную пригодность Эсперанто для международных отношений. Все эсперантские издания, которые я тогда получал, привели самые хвалебные отчёты о конгрессе не только с языковой точки зрения, но также с международной стороны. Тысяча участников конгресса провела на нём самые приятные дни своей жизни. Все чувствовали себя членами единой семьи.

Чтение таких отчётов очень гармонировало с общим настроением русского народа в то время и побудило меня написать книгу, которой позже я дал название "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополей"(на пути к братству народов). У этой книги была такая история.

В октябре 1905 г. я получил месячный отпуск по болезни и выехал на лечение в Казань. Чтоб не скучать, я захватил с собой книгу Л.Заменгофа "Фундаментал крэстоматио" (фундаментальная хрестоматия). В ходе чтения меня весьма заинтересовала статья "Эсэнцо кай эстонтэцо дэ ла идео дэ Лингво Интэрнациа" (сущность и будущее Международного языка, и я решил перевести её на русский и при случае издать.

Но я ничего не понимал в издательских делах. Я полагал, что этим могут заниматься только большие капиталисты и очень опытные специалисты. Переведя статью из хрестоматии Заменгофа, я предложил её к печати нескольким издателям, но они ничего не слышали об Эсперанто и, естественно, отказались. Однако, располагая свободным временем, я стал разузнавать в типографиях и книжных магазинах, может ли частное лицо издать своё сочинение. Обнаружилось, что "не так страшен чёрт, как его малюют".

С удивлением я узнал, что издательская стоимость книги (печать, бумага и авторское вознаграждение) составляет только одну треть номинальной цены, вторую треть издатель отдаёт магазину, который книгу продаёт, а последняя треть служит платой за работу издателя и компенсацией разных расходов: складских, рекламных, транспортных, по найму и т.д. Теперь я стал думать об издании переведённой статьи за свой счёт. Суммы, которые сообщили мне в своих расчётах владельцы типографий, не превышали моей трёхмесячной зарплаты, и дело было решено.

МОЯ УСТНАЯ И ПИСЬМЕННАЯ ПРОПАГАНДА ЭСПЕРАНТО

Идея международного языка воодушевляла меня всё больше и больше. Я стал не только глубже изучать Эсперанто, много читая и много переводя на него, но начал всеми средствами пропагандировать его среди знакомых устно и письменно, а среди незнакомых — печатно, в газетах.

В 1905 г. в казанской газете "Волжский вестник" за 17 декабря была напечатана моя первая пропагандистская статья под названием "На пути к братству народов", в которой я привлекательно описал первый Всемирный Эсперантский Конгресс в Булонь-сюр-Мер, царивший там энтузиазм и устную понятность Эсперанто, ясно проявившуюся в ходе конгресса. Газета

согласилась напечатать эту статью, т. к. идеи примирения людей после смятений 1904 и 1905 годов витали в воздухе и побуждали прессу отражать их на своих страницах. Вскоре, 23 апреля 190 г., в симбирской газете "Симбирские вести" появилась вторая пропагандистская статья под названием "Ярмо классицизма в школах и эсперантизм", в которой я привёл сведения о нашем языке и дал адреса, по которым можно запросить учебники.

Этим душевным настроем русской публики я объясняю также появление в это время в ежемесячном толстом журнале "Вестник науки" прекрасной статьи об этом же самом конгрессе нашего талантливом варшавском писателе Льва Бельмонта. Эта же статья в переводе на Эсперанто, выполненном способным петербургским единомышленником Вс. Лойко, была напечатана в эсперанто-русском журнале "Русланда эспэрантисто". Прекрасное описание дней конгресса, полное энтузиазма, ещё более зарядило меня идеей эсперантизма. Статья так мне понравилась, что я решил издать и её, как отличный материал для пропаганды нашего языка.

Итак, в мой план вошло издание уже двух статей — Л.Заменгофа в моём переводе на русский и Л.Бельмонта в переводе Вс. Лойко. К этим статьям я решил добавить ещё мою пацифистскую статью "Элемэнтай дэ кунфратиджо дэ пополой" (элементы братства народов), написанную под впечатлением русско-японской войны и напечатанную на Эсперанто в апрельском номере "Русланда эспэрантисто", кстати, эта статья была переведена на немецкий проф. П.Христаллером и напечатана в немецкой пацифистской газете. Три статьи на Эсперанто и русском языке, объединённые в одной книге, по моему мнению, представили бы из себя превосходный пропагандистский материал в среде пацифистов нашей страны, а если бы я добавил к ним краткую грамматику Эсперанто и два кратких словаря (эсперанто-русский и русско-эсперантский), книга пригодилась бы и как средство пропаганды и как первый учебник нашего языка.

Извещая о своём плане автора Эсперанто, я попросил у него разрешения использовать 16 его основных правил и краткие словари в качестве материала для книги, каковое он любезно дал. Авторские разрешения любезно дали также Лев Бельмонт и Вс. Лойко. Таким образом, осталась финансовая сторона дела, но это не представляло большой трудности. Я получал 150 рублей в месяц при ценах на хлеб 10 коп. за кг, на мясо — 25 коп. за кг, на яйца — 10–12 коп. за десяток и т. д. Будучи холостяком я имел после всех необходимых расходов ежемесячный остаток в размере одной трети зарплаты. Естественно, эти остатки были взяты за основу издательского капитала.

Но где печатать книгу? В нашем городе была одна типография, но у неё не было латинского шрифта. В самом близком большом городе Казани было много типографий, но ни одна из них не имела букв с надстрочными знаками.

К счастью, там нашёлся один владелец типографии И.Н.Харитонов, который после некоторых колебаний решил выплавить такие буквы при условии, что я

привлеку в его типографию и других заказчиков. Контракт был заключён и таким образом в Казани была основана первая эсперантская типография.

В середине 1906 г. я передал рукопись в набор. Политическая обстановка в России тогда весьма благоприятствовала печатному делу. После манифеста от 17 октября 1905 г. россияне получили очень большую свободу книгопечатания. Для напечатания книги не требовалась предварительная цензура рукописей и типографии могли печатать любые тексты. Только после печатания и брошюровки всего книжного тиража типография должна была представить местному цензору несколько экземпляров. Если он в течение нескольких часов не отдавал запретительный приказ, типография имела право передать весь выпуск заказчику. Так как цензор не мог в течение нескольких часов внимательно прочесть всю книгу, часто случалось, что в книге попадались такие статьи, которые, с точки зрения правительства, должны были рассматриваться как опасные для общественного порядка или морали. Тогда книгу арестовывали в том месте, где она находилась в момент ареста, а издатели и авторы привлекались согласно закону к суду. Таким образом, для напечатания книги мне не требовалось просить, как прежде, специальное разрешение цензора, и её сразу же начали набирать.

К сожалению, в типографии Харитонова не было наборщиков, знавших Эсперанто; из-за этого гранки поступали ко мне с таким числом опечаток, что я вынужден был возвращать их по нескольку раз. Только четвёртая или пятая корректура оказалась пригодной к окончательной печати.

ПОЕЗДКА НА ЭСПЕРАНТСКИЙ КОНГРЕСС

В том же 1906 году, в августе, должен был состояться второй эсперантский конгресс в Женеве, в Швейцарии. Я решил обязательно побывать на этом конгрессе. Для этого надо было получить отпуск у своего руководства и заграничный паспорт — у губернского руководства. Так как после революционных дней 1905 г. все служащие в России были довольно напуганы и легко разрешали всё, о чём просили граждане, я без труда получил проездные документы.

Теперь мне надо было усиленно заняться упражнениями в Эсперанто, чтоб быть способным использовать его в поездке. К сожалению, в то время в Ардатове никто не желал учить этот язык, на котором "никто не говорит и не существует литературы". Поэтому мне следовало глубоко его изучить в одиночестве. С этой целью я выписал почти все эсперантские периодические издания и книги. Читая их, я хорошо освоил эсперантский стиль; а для устных упражнений, ввиду отсутствия живых объектов, начал переводить на Эсперанто разные русские тексты. Чем более я этим занимался, тем более совершенствовался в Эсперанто. Но это — не устная речь. Увы, нигде в нашем районе я не мог найти эсперантиста, с которым мог бы испытать свои разговорные способности. И с такой неуверенностью надо было ехать за границу.

В выписанном мною иллюстрированном издании "Тра ла мондо" я прочёл, что в немецком городе Франкфурт-на-Майне имеется хорошая эсперантская группа, и там же были напечатаны адреса некоторых единомышленников. Так как путь в Женеву пролегал через Варшаву и Германию, я взял такой транзитный билет, чтоб можно было посетить за несколько дней город нашего маэстро и упомянутый Франкфурт.

В Варшаве я хотел посетить маэстро Заменгофа, но, к сожалению, он ещё раньше выехал на конгресс. Поэтому, проведя в городе несколько часов, я продолжил путешествие далее — прямо до Франкфурта. Здесь я к счастью нашёл единомышленников, о которых так долго тосковал, и в первый раз заговорил на Эсперанто с людьми, которые не разговаривали на моём родном языке и чей язык я тоже не понимал.

Первый визит я нанёс г-ну Файерабенду: у меня был его служебный адрес. Перед визитом я чувствовал себя так, словно шёл на экзамен. Я боялся, что вот сейчас произойдёт большой скандал: ни я его не пойму, ни он меня. С этим чувством я вхожу в контору, где он работал, и прошу швейцара вызвать господина в коридор. Через несколько мгновений из комнаты прямо ко мне выходит господин и спрашивает по-немецки, кто его ищет. Я на Эсперанто спрашиваю, он ли г-н Файерабенд, и, получив утвердительный ответ, начинаю медленно объяснять на нашем языке цель своего визита, предупреждая, что говорю на Эсперанто впервые, и прошу его говорить как можно медленнее. Вижу, что он меня понимает и даёт ответы, вполне сообразные моим вопросам. Это меня ободряет и побуждает нас к беседе. Но так как это был не домашний визит, вскоре я должен был его завершить. Прощаясь, г-н Файерабенд дал мне адрес заместителя председателя местной эсперанто-группы г-на Бартеля.

Я направился к нему и нашёл у него добросердечный приём. Вскоре прибывает туда другой иностранец, французский профессор-эсперантист Делиньи, автор эсперанто-французской грамматики, и между нами сразу устанавливаются самые добросердечные родственные отношения. Мы все ощущаем себя настоящими братьями, членами единой идейной семьи.

Из жилища г-на Бартеля мы пошли в одну из французских кофейных, где Бартель собирался дать урок Эсперанто; там мы встретили немецких единомышленников Зайделя, Кюлера и других. Ввиду присутствия на встрече двух иностранных эсперантистов, все говорили только на Эсперанто и я всё понимал. Точно так же понимали и меня, когда я пробовал говорить на Эсперанто. Я чувствовал себя самым счастливым человеком в мире, и в моей памяти в этот вечер очень часто всплывала архимедова "Эврика!", посредством которой он выражал своё ликование по поводу открытия известного закона гидравлики. Такое же настроение было у меня и на следующий день, когда я вместе с нежным и достойным любви г-ом Делиньи ходил осматривать достопримечательности Франкфурта.

С г-ном Делиньи я провёл почти целый день, и целый день мы разговаривали только на Эсперанто. Этот день был для меня полезнейшим практическим

уроком нашего языка, а на следующий день я выехал из Франкфурта на женеvский конгресс уже со спокойным сознанием того, что моё участие в работе конгресса не будет иметь только "физический" характер.

О своих переживаниях во время конгресса я довольно детально написал в журнале "Русланда эсперантисто" в статье "Дуа Унивэрсала Конгрэсо Эсперантиста" (второй всемирный эсперантский конгресс). В ходе и после конгресса были устроены две превосходные экскурсии в Веве и по всей Швейцарии. Сам конгресс и экскурсии прошли на удивление блестяще. После конгресса я стал преданным членом эсперантской семьи, ибо по истечении 6 дней, проведённых в этом "семейном кругу", я уже мог довольно непринуждённо говорить на Эсперанто и приобрёл много друзей, с которыми позже имел длительные дружеские и деловые связи.

Из России на конгрессе было только девять человек: д-р Беин (Кабе), д-р Лев Заменгоф, Науман, Венюков, Табенский, автор нашего языка Л.Л.Заменгоф, студент Хельсингфорского института Агтила, Евстифеев и я.

Мой энтузиазм в результате участия в конгрессе вырос до такого уровня, что я как бы помешался, одолеваемый одной постоянной идеей — идеей одного общего языка для человечества. Продолжая после Женевы своё путешествие через Париж, я всё рассматривал только сквозь призму этой идеи, каждого встречного человека воспринимая только в качестве подлежащего эсперантизации, а каждый объект — в качестве долженствующего стать инструментом пропаганды.

В Париже я снял комнату в маленьком отеле, или, вернее, пансионе "Борисфен", хозяин которого был эсперантистом. Благодаря его любезной помощи я быстро сориентировался в большом городе.

Париж в то время играл роль центра Эсперанто-движения. Нигде не было так много эсперантистов, как в столице Франции. Они жили весьма энергичной эсперантской жизнью, очень часто собирались для практических бесед на Эсперанто в разных местах города, устраивали театральные представления и т.д. Там же находились главные эсперантские издательства: "Ашетт и Ко.", "Прэса Социэто Эсперантиста" (эсперантское общество печати), Центральный офис, "Либрэри Эсперанто" (книжный магазин "Эсперанто") Варнье и т.д. Будучи в этот раз в Париже около недели, я имел возможность посетить тамошние учреждения и многие собрания. Таким способом я вошёл в курс центрального эсперантского движения и познал его пружины. Вновь повторяю, что в то время я всецело находился в тумане эсперантской идеи. Она заслонила собой достопримечательности знаменитого города и я осмотрел только наиважнейшие из них.

Поскольку свободное время заканчивалось, я не мог дольше оставаться в Париже, тем более, что согласно моему транзитному билету мне предстояло ещё побывать в Италии и Австрии. Поэтому я сел в поезд и безостановочно проехал Швейцарию, Симплонский туннель и Северную Италию. В Милане, где я пробыл один день, я посетил Всемирную выставку. Из Милана я проехал в

Венецию, чтоб за один день осмотреть знаменитые каналы, площадь Святого Марка, морской берег острова Лидо, и ночью я уже ехал через Австрию. В этой стране у меня была только однодневная остановка в Вене, и после ночного переезда я прибыл на русскую границу.

После отбытия из Парижа за всю дорогу к дому я не встретил ни одного эсперантиста. Уже привыкнув к "семейной жизни" в ходе женеvского конгресса и в Париже, на последнем этапе путешествия я чувствовал себя сиротой в чужой среде; это повергло меня в очень плохое настроение и поездка через эти страны и города не доставила мне никакого удовольствия. Особенно угнетало незнание языков, на которых говорили жители пересекаемых стран, и это ещё более усилило томление по единому, всеобщему языку для человечества. Во мне начала прорастать мысль, не могу ли я отдать все свои силы для осуществления этой идеи. Я очень сожалел, что не обладаю таким капиталом, который позволил бы мне не служить и заняться самым любимым делом.

Сначала я прогнал эту мысль, как нелепость, и волей-неволей приступил к своим служебным функциям. К счастью, они не были очень сложными и у меня доставало свободного времени для работы над любимой идеей. Эту работу я проводил в трёх направлениях: устная и письменная пропаганда, литература и личное изучение.

МОЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА ДЛЯ ЭСПЕРАНТО

После возвращения в свой город и рассказов о пользе, которую я получил в ходе путешествия, жители города уже не относились к Эсперанто столь скептически, а иногда и насмешливо, как раньше, и многие из них выразили желание учить наш язык. Я воспользовался таким настроением и организовал официально зарегистрированное согласно тогдашним российским законам эсперантское общество. Официальное положение общества дало ему право организовать эсперантские курсы для своих членов. Руководить курсами поручили мне. Таким образом впервые в Симбирской губернии была привита веточка Эсперанто.

Дело было совершенно новое, и прежде, чем разрешить открытие общества, районная и губернская администрации пережили немало забот. Они боялись, не кроется ли под будто бы мирным обществом некий революционный заговор. Но, с другой стороны, недавно вышел октябрьский манифест о разных свободах и, между прочим, обществах. В конце концов общество зарегистрировали и курсы заработали: на них записалось около 20 человек. Вскоре весь город и район довольно хорошо узнали об Эсперанто.

Но разносторонность языка искала разнообразных полей для посева. Таковыми могли быть круги читателей периодических изданий. Ещё до конгресса я начал сотрудничать с журналом "Русланда эсперантисто" — органом общества "Эспэро" в Петербурге. Теперь я ещё более оживил это сотрудничество и мои статьи появлялись в нём всё чаще. Сразу по возвращении из зарубежной поездки я опубликовал отчёт о женеvском конгрессе и открытии

эсперантского общества в Ардатове. Но для пропаганды идеи более важную роль играют общественно-политические издания. Поэтому я попробовал привлечь большую русскую газету "Русское слово", но успеха не имел. Тогда я связался с провинциальной газетой "Симбирские вести". Она охотно напечатала несколько извлечений из отчёта о женевском конгрессе, переведённых мною на русский язык (экскурсия в Веве в NN 290,292 за июль 1906 г.), а затем несколько специальных пропагандистских статей об Эсперанто. Таким образом пропагандой был охвачен довольно большой приволжский район. Об Эсперанто стали говорить, беседовать, спорить.

Чем больше я занимался Эсперанто, тем более привлекательным для меня он становился. Я выписывал почти все выходившие тогда периодические издания и покупал все издающиеся книги, но этого казалось мало. Я полагал, что Эсперанто распространяется не сообразно своей ценности и надеялся, что когда выйдет из печати в Казани моя книга, наше дело двинется вперёд быстрее. В декабре 1906 г. я получил первые экземпляры книги по почте. Книга выглядела довольно красиво, а цена её не была высокой (60 коп.). Я ощущал родительскую радость при виде первенца.

Первые десятки экземпляров книги я быстро распространил, где даря, где продавая, но затем передо мною встал весьма острый вопрос: что я буду делать с остальными 4900 экземплярами. Ведь я жил в маленьком городе и не имел никакого опыта в издательских делах. С другой стороны, я не был свободным человеком, ибо являлся государственным служащим. Складывалась довольно трагическая ситуация. К счастью, моя "семья" состояла из одного человека и рядом не было никого, кто бы каждый день "пилил" меня за безумное дело. Поэтому я имел возможность вывернуться из этой ситуации более спокойно.

Я поехал в Казань. Разыскав там нескольких профессиональных издателей, я получил от них много полезных советов по распродаже изданных книг. По их советам я раздал несколько сотен книг на комиссионную торговлю в местных книжных магазинах и сделал объявления в печати о появлении новой книги. Одновременно я отпечатал несколько тысяч больших пропагандистских плакатов об Эсперанто, которые затем были расклеены на стенах в Казани и разосланы по адресам, интересным с точки зрения пропаганды нашей идеи и продажи моей книги. Однако после всего сделанного в моём распоряжении ещё оставалось более 4000 экземпляров книги, которые печатник настойчиво просил забрать с его склада. Предстояло забрать и хранить в Ардатове примерно 500 кг книг. Как можно видеть, теперь появился новый фактор, связывавший меня с Эсперанто.

Издание книги и чрезмерное воодушевление, связанное с Эсперанто, перевернули всю мою жизнь. Во мне зародилась мысль о таком устройстве жизни, при котором работа была бы удовольствием, а не нагрузкой. Я очень сожалел о том, что Эсперанто ещё не столь силён, чтоб мог прокормить своих работников. Если бы он достиг такой степени распространения, мы могли бы иметь многих сотрудников — единомышленников, которые бы полностью и с

любовью отдавали силы для расцвета любимой идеи. Но в настоящее время мы видим многих наших талантливых и активных людей, которые ради собственного прокорма растрачивают силы и время на таких работах, которые зачастую вызывают у них только отвращение.

Эти мысли всё больше и больше укреплялись в моём мозгу. И наконец я стал всерьёз задумываться об оставлении финансовой работы, тем более, что моё руководство, видя моё чрезмерное увлечение Эсперанто, неоднократно намекало на сомнительную пользу этого увлечения для служебных обязанностей. Кроме того, в политической жизни после революции 1905 г. восторжествовала реакция, которая с подозрением относилась ко всякой деятельности, не укладывавшейся в рамки обычной жизни.

В то же время мне страстно хотелось побывать на третьем Всемирном Эсперантском Конгрессе, намеченном на август 1907 г. в английском городе Кембридж. Подсчитав всё, что я мог бы выручить, распродав своё имущество, я нашёл, что буду обладать суммой приблизительно в 7000 золотых рублей. Если бы я вложил эту сумму в эсперанто-движение, смогла бы она прокормить меня и ещё несколько человек — постоянных работников? Существуют же эсперантские книжные магазины в Париже и Берлине. Почему же подобный магазин не мог бы существовать в России? И не могла бы моя книга стать основой такого магазина?

Зародившаяся мысль росла всё больше и больше. Одновременно, сделанные объявления о моей книге в разных русских и эсперантских изданиях вызвали довольно много писем с просьбами информации об Эсперанто и заказами на книгу. Это меня сильно ободрило и подтолкнуло дальше мысли в этом направлении. В конце концов "жребий был брошен", и я решил оставить хорошо оплачиваемую должность и отдать все силы Эсперанто.

С 1907 г. я начал понемногу распродавать имущество и готовиться к переезду в какой-нибудь большой город — либо в Петербург (ныне Ленинград), либо в Москву. Чтобы получить второй загранпаспорт и не слишком резко обрывать своё должностное положение, я устроил дело следующим образом. В марте или апреле я объявил своему руководству, что в связи с состоянием здоровья я намереваюсь оставить службу, и попросил дать отпуск на август и сентябрь, а с октября считать меня уволившимся. Получив испрашиваемый отпуск, а по нему — загранпаспорт, я мог сказать: "Рубикон перейдён".

Я СТАНОВЛЮСЬ СТОПРОЦЕНТНЫМ ЭСПЕРАНТИСТОМ

Для меня началась новая жизненная эпоха. Мне тогда было уже 42 года и я пошёл по совершенно неизученному пути. Перед собой я видел только зелёную звезду, указывающую направление. Упаковав нераспроданное имущество (в том числе две большие кипы книг "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой") и передав его на сохранение своему хорошему знакомому, в июле 1907 г. я сел на поезд и во второй раз выехал за границу, на кембриджский конгресс. На этот раз

я составил для себя более определённый план. Главной целью путешествия стало изучение зарубежной техники книгоиздания и торговли и, при случае, обсуждение с французскими, английскими, немецкими и другими эсперантскими издателями взаимопоставок книг, если я где-либо в России создам специальный эсперантский книжный магазин.

Я выбрал путь в Кембридж через Берлин, Амстердам, Гаагу, далее пароходом через морской пролив. В Берлине на этот раз я провёл только два дня и посетил магазин Мюллера и Бореля, где познакомился с несколькими сотрудниками газеты "Германа Эспэрантисто" (немецкий эсперантист), в том числе с господами Ю.Борель и Лише. Проезжая Амстердам, я задержался в нём только на один день.

В этом городе меня несколько удивила странная привычка жителей свистеть, идя по улице. Как-то я встретил даже группы из нескольких десятков человек, которые сообща насвистывали разные мелодии. Меня также удивила узость городских улиц.

Из эсперантистов я обнаружил здесь только г-на Биок, который любезно объяснил мне дальнейший путь в Кембридж.

Как и в прошлом году, в Кембридже я нашёл подлинный семейный круг. На вокзале нас встретили местные эсперантисты, которые любезно приняли нас и наши чемоданы и сопровождали до приёмной конгресса. Здесь мы получили конгрессные документы и адреса отелей, которые зарезервировали за нами предварительно оплаченные комнаты. Я получил комнату с полным пансионом в семье, где всю конгрессную неделю провёл с незабываемым удовольствием. У семьи было несколько комнат, которые она уступила участникам конгресса. Местный конгрессный комитет намеренно устроил дело так, чтоб в каждом снятом жилище поселить непременно разнонациональных участников. В нашем доме комнаты получили француз, испанец, англичанин...

Англичанин был посредником между нами и неговорящими на Эсперанто хозяевами а также, в необходимых случаях, помогал нам в англоговорящем городе. Поэтому в языковом отношении мы себя чувствовали как дома.

Конгресс в целом был организован прекрасно. Его организаторы — Болингброк-Мади, Поллен и Каннинхэм — сделали всё возможное, чтоб он был авторитетным, поучительным и приятным. Я не пишу о нём много, ибо желающие могут прочесть о нём в любом из отчётов, которые были напечатаны во всех эсперантских периодических изданиях того времени. Лично я сделал о нём довольно подробный отчёт в "Русланда Эспэрантисто" (см. NN 8,11–12 за 1907 г.).

После конгресса была экскурсия через весь остров к его западному побережью, где находится курорт Лландудно. В ходе экскурсии, в которой приняло участие 60 человек, мы посетили известный университет Оксфорта, могилу Шекспира и многие другие достопримечательности страны. По возвращении в Кембридж мы большой группой поехали в Лондон: там мы также нашли свою семью.

Получив комнату в семье лондонского единомышленника, мы провели в этом огромном городе с полным комфортом 5 дней, сопровождаемые всюду нашим любезным хозяином. Без него, не зная английского языка, мы могли бы утонуть в гигантском семимиллионном городе. За несколько дней, проведённых в Лондоне, я сумел посетить знаменитую Лондонскую библиотеку, Королевский музей, парламент, Тауэрский мост, многие исторические монументы, Сити, Гайд-парк с его митингами, порт на Темзе и т.д. Я видел роскошные дворцы в центре и нищенское жильё в рабочих кварталах. Лондонские единомышленники устроили для нас хороший приём от себя, а в конце — торжественный приём в ратуше Гилд-холл в честь нашего маэстро д-ра Заменгофа, в присутствии лондонского градоначальника сэра Т.Векей Стронг.

Далее мой путь лежал через Париж. Сердечно поблагодарив нашего хозяина, любезно проводившего нас до ближайшей станции, я и мои спутники взошли с лондонского берега моря на корабль, переплыли через пролив Ла-Манш на французский берег и оттуда по железной дороге поехали в Париж. Здесь я во второй раз получил комнату в эсперантском отеле "Борисфен". Так как мой отпуск уже закончился, я считал себя свободным от службы и потому мог жить в Париже сколько хотел. Я решил провести в этом городе один месяц и, найдя комнату с полным пансионом в доме, взятом в наём француженкой, долго жившей в России и хорошо говорящей по-русски, переселился в новое жилище.

Я использовал этот месяц для написания отчёта о кембриджском конгрессе и хорошего знакомства с эсперантскими издательскими и торговыми предприятиями. В магазине Ашетт эсперантским отделом заведовал наш единомышленник Дофин. Одновременно он был корректором эсперантской газеты "Ла Ревуо" (обозрение) и эсперантских изданий магазина. Когда я рассказал ему о намерении основать в России специальный книжный магазин, он очень тепло одобрил мою идею и любезно раскрыл многие детали, о которых должен знать каждый книжник. С его помощью я согласовал с администрацией магазина условия получения изданий. Затем я посетил типографию Прэса Социэто Эспэрантиста на ул. Лацепед, 33. Здесь я познакомился с господами Вера, Кар и другими руководителями. Все они также одобрили мою идею и обещали поддержку. В Центральном офисе я смог увидеть все книги и периодические издания на Эсперанто, появившиеся к тому времени. Руководитель офиса г-н Габ. Шавэ рассказал мне о состоянии Эсперанто-движения в мире и весьма ободрил меня, когда я рассказал ему о своём намерении.

Под конец я посетил книжный магазин Варнье. Уже издавека я увидел на доме, в котором он находился, большую вывеску "Либрэри Эспэранто". Сам магазин выглядел так же, как любой магазин среднего размера, причём владелец знал, как его оборудовать, чтоб он служил витриной нашего уже совсем не шуточного движения. Владелец издал довольно симпатичный каталог, в котором были перечислены по странам почти все выпущенные книги, эсперантские музыкальные произведения и многие пропагандистские

материалы. В общем магазин производил очень хорошее впечатление и мог служить образцом для подобных предприятий в других странах. В нём я также получил несколько хороших уроков и договорился о будущих деловых связях при возможном основании эсперантского магазина в России.

В этот раз я пробыл в Париже один месяц. Побывав в разных музеях, садах, библиотеках, эсперантских учреждениях и на встречах, я не заметил, как месяц пролетел. Моё намерение основать в России книжный магазин, который стал бы центром эсперантской пропаганды в нашей стране, окончательно вызрело.

Обратный путь я выбрал через Брюссель в Бельгии и Берлин в Германии. В Брюсселе я побывал на одной встрече эсперантистов, в нескольких музеях, в знаменитом Дворце юстиции, был даже на одном судебном процессе, и через два дня уже выехал в Берлин. Здесь я провёл неделю, т.к. в немецкой столице эсперантское движение было довольно сильным. Но в городе больше всего меня интересовало специальное эсперантское издательство Мюллера и Бореля. Активную роль в издательстве играли братья Ян и Юлий Борели. Помимо эсперантских книг они редактировали и издавали одну из лучших эсперантских газет "Германа Эспэрантисто". Когда я рассказал им о своём намерении основать книжный магазин в России, они очень тепло одобрили идею и дали много полезных советов по руководству магазином. С ними у меня впоследствии было много хороших общих дел.

Кажется в Берлине у меня зародилась первая мысль об основании также эсперантского журнала, ибо во многих случаях я замечал, что соединение журнала с книгоизданием даёт наилучшие гарантии крепкого положения обоих предприятий.

Новая идея о журнале заставила задуматься о сотрудниках. Главными литературными силами тогда обладали Варшава, Петербург и Москва. Но несколько знаменитостей жило также в провинции. Среди них мне очень нравился своими поэтическими произведениями В.Н.Девятнин, который жил в Вильно. Так как этот город расположен почти на пути из Берлина в Москву, я решил сделать в нём короткую остановку с целью навестить нашего поэта. В то время он служил помощником вильненского полицмейстера и вынужден был много разъезжать.

К счастью я застал его дома. Он принял меня радостно, тем более, что я возвращался с конгресса и привёз много эсперантских новостей. Будучи по натуре необыкновенным мечтателем и энтузиастом, он ещё более воспламенился, столкнувшись с единомышленником, который представлял из себя после конгресса воплощённую идею одного общего языка. Мы с ним долго разговаривали на эсперантские темы и он рассказал мне о многих интересных эпизодах своей эсперантской жизни, ибо он был одним из самых старых адептов Эсперанто.

Между прочим он показал мне рукопись своего перевода поэмы Пушкина "Руслан и Людмила". Прочтя несколько страниц, я восхитился красотой стихотворного перевода. Из дальнейшей беседы я узнал, что автор предлагал

свою рукопись нескольким издателям, но они побоялись рискнуть. Кроме того, в 1900–1908 гг. ещё не было обычая выплачивать эсперантским авторам гонорар за сочинение, но из слов жены хозяина я заключил, что финансовое состояние его семьи не слишком блестящее... Мы долго обдумывали, как бы напечатать произведение, мечтая о том времени, когда эсперантисты смогут жить с помощью Эсперанто и для Эсперанто, и наконец решили, что если мой проект основания книжного магазина и журнала осуществится, то я воспользуюсь этим переводом в качестве материала для литературного отдела журнала или издам его отдельно, заплатив переводчику в качестве гонорара 300 рублей.

Проведя в Вильно только один день, я выехал оттуда прямо к Ардатов, чтоб окончательно завершить служебные и личные дела. Когда прежде я мечтал о своём книжном магазине, всё представлялось мне в розовом свете. Но вот наступил момент, когда мне нужно было проститься с друзьями и изменить привычки, постепенно сформировавшиеся за 15 лет жизни в этом маленьком, но хорошо расположенном городке. Больно жгало сердце! Жалость и будто даже раскаяние охватили меня при расставании с хорошо оплачиваемой должностью и спокойной жизнью. В какой-то момент я ощутил страх перед начинаемой новой и совершенно неизученной жизнью. Но прочь все колебания и робость! Жребий брошен и поздно уже раскаиваться в том, что окончательно совершено. "Смело вперёд!" — зовёт наш гимн.

Из Ардатова я направился сначала в Симбирск, чтоб уладить дела, связанные с отставкой, а затем — в Казань. В Казани тогда сформировался очень хороший эсперантский кружок, основу которого составили д-р Лубенецкий и студенты Казанского университета Благовидов, Михалёв, Огородников, Рукавицын, Ухтомский. Кружок сумел вовлечь в наше движение приват-доцента Казанского университета историка Н.Ивановского и профессора-юриста Елистратова, которые активно участвовали в культурной общественной работе в Казани и руководили Народным университетом. Моё посещение Казани после Кембриджского конгресса побудило их организовать в Народном университете публичную лекцию о международном языке, в добавление к которой я сделал доклад о моей поездке на конгресс и личном опыте в связи с той пользой, которую может дать Эсперанто при заграничных поездках.

Лекцию прослушало несколько сотен человек, о ней на следующий день местные газеты напечатали благоприятные отзывы. В одной газете — "Казанский вечер" — о лекции был дан большой отчёт. Прочитую только несколько строк из него: "После лекции проф. Ивановского перед слушателями появился известный русский эсперантист А.А.Сахаров, участник двух последних эсперантских конгрессов в Женеве и Кембридже. Он обрисовал краткую историю рождения Эсперанто и его распространения. В заключение он произнёс маленькую речь на Эсперанто и продекламировал на этом языке стихотворение Лермонтова "Ангел". Лекция имела большой успех. Её прослушало ок.400 человек. Многие очень заинтересовались языком и

выразили желание поближе с ним познакомиться. Желательно, чтоб подобные лекции устраивались и в других народных университетах..."

Здесь я должен посвятить несколько строк одному из членов названного кружка — студенту П.Михалёву. Из всех кружковцев он был особенно вдохновлён Эсперанто и этот язык стал для него как бы "идеей фикс". Ему очень понравилось содержание моей книги "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой" и он сделал мне такое предложение: в ближайшие каникулы он совершит специальное пропагандистское путешествие на пароходе по Поволжью, компенсируя расходы на дорогу продажей книги. Конечно я одобрил его проект: это напомнило мне деяния первых апостолов и проповедников христианской религии. Я с удовольствием согласился дать ему на продажу партию книг и он летом 1907 г. совершил довольно большое путешествие по Волге и Каме, проповедуя нашу идею на пароходе и в домах тех городов, которые он посетил. В общем проповедь встретила благоприятный приём, хотя иногда он слышал весьма резкие и грубые отповеди. Но в последних случаях он всегда утешался тем, что проповедники иных идей часто жертвовали даже своей жизнью. Ну, об этом апостоле я расскажу ещё в другом месте.

В Казани я пробыл неделю, часто посещая собрания кружка и обдумывая свой план основания магазина и журнала. Сначала я даже думал основать их в этом городе, тем более, что в Казани уже была эсперантская типография, где я напечатал свою книгу. Но, с другой стороны, этот город был очень далёк от географического и административного центра страны. Естественно, моё внимание обратилось к Петербургу и Москве. Но в Петербурге уже была одна эсперантская организация — общество "Эспэро" с журналом "Русланда Эспэрантисто". Основание новых предприятий могли бы расценить как конкуренцию. Итак, осталась Москва и я поехал туда.

В Москве я обнаружил три группы, желающие руководить эсперантским движением. Во-первых, совершенно изолированно стоял старый эсперантист А.И.Прагер, пропагандировавший Эсперанто в первые годы его существования. Будучи по природе предпринимателем, коммерсантом, технарём, он желал приложить Эсперанто к практике. Имея отношение к печати и фотографии, он иногда издавал пропагандистские материалы, которые не способны были удовлетворить все культурные запросы. Кроме того, в своей пропагандистской деятельности он всегда старался показать, что он является главным руководителем эсперантского движения не только в Москве, но почти во всей России. Такой характер его деятельности не очень нравился другим эсперантистам Москвы, особенно студенческой молодёжи, и многие из них относились к нему не только неуважительно, но даже враждебно, говоря, что он своей коммерческой рекламой только компрометирует нашу идею.

Другую группу представлял студент Московского университета Титов. Обладая организаторскими и предпринимательскими способностями, он первым создал официальное Московское общество эсперантистов и устраивал на своей квартире периодические разговорные собрания московских

эсперантистов. Став председателем Общества, он пожелал играть роль главного руководителя эсперантского движения в Москве и из-за своей амбициозности также не наслаждался благосклонностью московских единомышленников.

Наконец третью группу представляло истинное ядро московских эсперантистов: в неё вошли студент Московского университета Рич. Менцель, его брат и сестра, землемер Г.И.Смирнов с женой, Ст. Шабуневич, студент Ступин, преподавательница Габрик и другие. В квартире Менцеля находились секретариат и библиотека Общества, там же члены Общества собирались на еженедельные собрания и устраивались курсы языка. Среди них руководящая роль принадлежала Р.Менцелю. Будучи весьма способным эсперантистом и настойчивым человеком, он поддерживал в Обществе порядок и всегда настаивал, чтобы во время собраний все непременно говорили на Эсперанто. Его требования поддерживали супруги Смирновы, Шабуневич, Габрик, д-р Шидловский. Благодаря им в Москве сформировалась довольно большая группа людей, способных бегло говорить на Эсперанто. Общество навещал также приват-доцент университета Н.А.Кабанов, теоретически весьма подготовленный эсперантист, уже принимавший участие в качестве автора в работе ряда эсперантских газет.

Мои первые шаги в Москве имели целью найти все деятельные силы местных эсперантистов и познакомиться с ними. Благодаря моей книге и моему сотрудничеству с "Русланда Эспэрантисто" меня встретили как известного эсперантиста. Когда в некую среду попадает новый человек, каждая партия желает привлечь его к себе и новичку требуется большой такт, чтоб не сделать ложный шаг, способный поссорить его с несколькими группами. Поскольку главной целью моего приезда был поиск литературных сил для задуманных журнала и магазина, мне надлежало проявить огромную дипломатичность, чтоб уже с самого начала не приобрести врагов и противников.

Во-первых, я объявил, что оставил свою работу, чтоб всецело посвятить себя Эсперанто, и ещё не решил, какое место выберу: то ли Казань, то ли Москву, то ли Петербург. В Москву я прибыл для зондажа почвы для моей будущей работы. Об этом свидетельствовало моё временное проживание в "меблированной комнате", главными обитателями которой были студенты. В то же время я не скрывал своих планов основать магазин и журнал.

При этом я заметил, что между многими московскими и петербургскими эсперантистами существует некий антагонизм: москвичи не удовлетворены недостаточно деятельным руководством петербуржцами нашим движением, их неаккуратностью в издании журнала и т.д. Для москвичей было бы привлекательней, если бы какая-нибудь эсперантская газета или журнал издавались бы в Москве, но для этого у них отсутствовали необходимые денежные средства и солидарность. Поскольку я стоял вне партий и обладал многим, чего у них не было, их мысли обратились на меня и многие даже открыто приглашали меня остаться в Москве и организовать здесь журнал и магазин.

Но в Москве не было эсперантской типографии. Я обошёл многих печатников с предложением заказать эсперантские буквы с надстрочными знаками, но они не желали много говорить об этом: ведь об Эсперанто они почти ничего не слышали.

Проведя в Москве месяц и хорошо изучив интересующую меня конъюнктуру, я решил посетить ещё Петербург — главный тогдашний центр Эсперанто-движения, чтоб собственными глазами увидеть причины неудовлетворённости. Об этой поездке я должен написать подробнее.

Редакция и правление петербургского общества "Эспэро" находились в частной квартире д-ра Аснаса, являвшегося редактором "Руслянда Эспэрантисто" и председателем Общества. В его же ходостяцкой квартире собирались петербургские единомышленники. Как провинциал, я думал, что редакция журнала представляет из себя нечто импозантное, и был очень удивлён, найдя её в маленькой частной квартире на совсем невидной петербургской улице Подъяческой. В "редакции" я нашёл только владельца квартиры и гостя из Владикавказа — эсперантиста д-ра Науменко. С последним мы вошли в "святое место" почти одновременно. Оба мы прибыли сюда, чтоб получить более или менее детальную информацию о положении Эсперанто в России.

Д-р Аснас был очень откровенен в этом вопросе и его первыми словами были такие: "Вы, провинциалы, читая в эсперантских газетах только о более или менее важных событиях нашего движения, воображаете, что оно представляет из себя нечто грандиозное. Но вот поглядите: в этой комнатухе вы видите весь архив редакции и Общества. А кто работает? Почти я один. Мне помогает только г-н Радван-Рыпинский, но, будучи служащим полиции и получая мизерное вознаграждение, он не может много сделать, хотя и обладает удивительным упорством в работе и может иногда работать целыми ночами".

Из других сотрудников он назвал студентов Вс. Лойко и Саковича. Первый из них был очень способным и даже талантливым эсперантистом, но он в это время отсутствовал в Петербурге. Г-н Сакович только начинал свою литературную карьеру.

Когда я рассказал редактору, что оставил платную должность, чтоб жить только для и с помощью Эсперанто, он удивился моему странному поступку и сделал большие глаза и крайне сочувственную мину. Продолжая беседу, он дал почти всем петербургским единомышленникам такие убийственные характеристики, что мы с Науменко вышли из его квартиры совершенно обескураженными.

Нас пригласили на ближайшее разговорное собрание и мы договорились прийти вместе. Однако этот второй визит нас очень мало утешил. Мы встретили там около десятка человек, которые совсем мало говорили на Эсперанто и предпочитали по-русски "колоть" друг друга. В этот вечер мы познакомились с г-ами Радван-Рыпинским, Саковичем, Валковым, Майновым и некоторыми другими сотрудниками г-на Аснаса.

Г-н Радван-Рыпинский производил впечатление "достойного уважения труженика", не получившего большого образования. Это проявилось между прочим в позже появившихся его сочинениях — "Эспэранта граматико" и "Плена руса-эспэранта вортаро" (полный русско-эсперантский словарь). Благодаря его словарю многие русские эсперантисты, использовавшие его, писали: "Киом да костас тиу чи либро?" (сколько стоит эта книга?), так как в его словаре русское слово "сколько" переведено на Эсперанто как "Киом да"

Г-н Майнов был эсперантистом "из первой тысячи", но довольно плохим "общественником". Весь вечер он лишь "колол" и "сарказмил". Г-н Валков, автор русского "Эспэранта шлосило" (ключ Эсперанто) был человеком добродушным, но очень болезненным и потому мало трудоспособным.

Вот каковы литературные силы, на которых лежала задача выпуска эсперантского журнала и руководства Эсперанто-движением в России. Сам редактор — г-н Аснес — не был литератором и мог только управлять изданием. Мы, провинциалы, шли на собрание, чтобы усилить свой энтузиазм, а уходили с противоположными чувствами.

1907 г.

Лично для меня эта поездка стала решающей: не Петербург, а Москва должна стать городом предстоящей работы. Проведя в Петербурге около двух недель, я вернулся в Москву с тем, чтоб крепче обосноваться.

Московские эсперантисты встретили моё возвращение с видимым удовлетворением. Мы вместе стали планировать издание эсперантского журнала. Образовался временный редакционный комитет, в который вошли я, Р.Г.Менцель, д-р Кабанов, Г.И.Смирнов и А.Ступин. Был подготовлен материал для первого номера. Поскольку в Москве не было эсперантской типографии, мы решили печатать журнал в Казани, выбрав в качестве представителя редакции в этом городе студента Казанского университета В.И.Огородникова. Казанскому губернатору направили письменную просьбу разрешить издание журнала. Я был уверен, что разрешение будет непременно дано.

Но проходят недели, а он всё откладывает свой ответ. В то же время среди членов редакционного комитета проявились некоторые противоречивые идеи и стили, ибо комитет формировался довольно поспешно. Наконец из Казани прибыл ответ, что губернатор не может разрешить издание в Казани эсперантского журнала. О мотивах отказа губернатор не сообщил. Что же делать? С одной стороны отсутствует единодушие в редакционном комитете, с другой — административный отказ разрушил мой план издания журнала, как недостаточно зрело прорисованный. Безусловно я мог опротестовать отказ губернатора, но я видел, что печатание журнала не в том городе, где размещается редакция, было бы делом очень неподходящим, и я решил на этот раз начатое предприятие совершенно остановить.

Одновременно я начал хлопоты по основанию эсперантского книжного магазина. Для этого мне нужно было найти помещение и получить разрешение

московского полицмейстера. Мне бы хотелось, чтоб помещение магазина находилось на первом этаже, имело бы выходящее на улицу смотровое окно, располагало бы несколькими комнатами для меня лично и не было бы слишком дорогим. Однако ничего похожего не находилось.

Наконец, после нескольких месяцев безуспешных поисков, я нашёл помещение из четырёх комнат на третьем этаже в Козихинском переулке, находящемся не слишком далеко от центра, и переселился туда из меблированных комнат, где жил до того. В одной из четырёх комнат я разместил шкаф для книг и заложил основу эсперантского магазина. Вскоре я благополучно получил разрешение на устройство магазина в моём новом жилище и тут же написал в Берлин на фирму Мюллера и Бореля, чтоб мне прислали партию эсперантских книг. Затем я выписал из Ардатова хранившиеся там ящики с имуществом и мебель и, в том числе, ящики с моей книгой "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой".

Когда я получил книги из Берлина и Ардатова, а затем и собственные издания нашего маэстро, я ощутил себя достаточно подготовленным, чтоб открыть магазин. Я заказал две вывески — одну на русском языке и одну на Эсперанто — со словами "Книжный магазин "Эсперанто" и повесил их у подъезда дома, в котором снимал помещение. Но первым посетителем, которого привлекли вывески, был не покупатель, а полицейский блюститель закона.

Выяснилось, что для устройства вывесок нужно получить особое разрешение полиции, а прежде представить план дома и места, где вывески будут укреплены, и рисунки в соответствующем масштабе. К счастью, агент полиции был не слишком суров и, приняв во внимание мою неопытность, удовлетворился назначением срока для выполнения названных формальностей. Я конечно всё сделал и вопрос был закрыт.

Поскольку в той части города, где я основал свой магазин, жили по преимуществу студенты университета, то они и образовали первый круг покупателей. В первые дни магазин посещало 2–3 человека, спрашивавших что такое Эсперанто, какую пользу даёт его изучение, насколько он распространён и т. д. На каждого из них мне нужно было потратить порядочно времени, чтобы заинтересовать в нашей идее и побудить купить учебник. Это показало, что главной ролью магазина будет не торговля книгами, а пропаганда нашей идеи. Продажа книг будет только способствовать пропаганде Эсперанто, давая некоторые средства на оплату работы лиц, которые будут заняты в магазине.

Сразу после открытия магазина я отпечатал большой плакат, разъясняющий цель вспомогательного международного языка и указывающий адрес нового магазина. Плакат был разослан по адресам, которые у меня уже были, и раздавался посетителям магазина и Московского общества эсперантистов. Наиболее усердные получатели использовали плакаты для развешивания в школах, университете и т. д. Одновременно были даны объявления в газетах. Таким путём была образована первичная клиентура магазина. Известный

профессор-хирург Московского университета Дьяков прочёл одно из таких объявлений и лично посетил открывшийся магазин.

В это время покупали в основном учебники, словари и книги для чтения. Это были семена, которые при благоприятных условиях дали впоследствии плоды. Понятно, что многие из этих семян падали на бесплодную почву, но некоторые породили прекрасных эсперантистов.

Главной основой магазина была книга "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой". Выше я уже говорил, что после издания книги я с большим усилием смог из всего выпуска пристроить несколько сотен экземпляров. Более четырёх тысяч лежали на сохранении в Ардатове. По номинальной цене это составляло капитал в сумме приблизительно 2500 рублей (золотых). Я прикинул, что если из этого количества за год будет продана только половина, то вырученная сумма покроет стоимость помещения (500 рублей в год) и позволит пригласить одного платного помощника. К счастью, книга имела довольно большой успех, ибо давала не только материал для начального изучения Эсперанто, но содержала и интересные пропагандистские статьи, как например, изумительное описание первого Всемирного конгресса, данное Львом Бельмонтом. Кроме того, два параллельных текста в книге удивительно сильно помогали упражняться в Эсперанто в первое время его изучения. Прочтя эту книгу, многие стали ревностными приверженцами нашего языка и приходили покупать другие материалы для изучения языка и литературу на нём.

Для удовлетворения этих требований я получил нужный запас книг от издательских фирм "Мюллер и Борель", "Ашетт", "Прэса Социэто Эспэрантиста", от самого маэстро и Щавинского. Так как я разослал довольно много объявлений в провинции, вскоре я стал получать от провинциальных эсперантистов поздравления и подбадривающие письма с книжными заказами. Ободряюще отнеслось к моему предприятию и Московское общество эсперантистов.

Здесь я должен обратить внимание на то, что в официальных вещах я никогда не использовал своё имя — ни в вывесках, ни в каталогах. Все знали, что в Москве существует книжный магазин "Эсперанто", но кому он принадлежит — знали немногие. Я всегда хорошо помнил слова петербургского знакомого, о котором писал выше, д-ра Науменко: "Мы можем много работать для Эсперанто, можем много его пропагандировать, организовывать разные связанные с ним предприятия, но никогда не должны выпячиваться, иначе приобретём только врагов." Этот совет очень помогал мне во всей последующей деятельности. Я использовал своё имя только когда нужно было проштамповать денежные документы или выдать денежные гарантии. Для публики я был только заведующим книжным магазином.

Но возвращусь к главной теме. Кроме писем из провинции вскоре я стал получать и визитёров. Из них в моей памяти очень запечатлелась барышня Анна Шарапова. Не могу удержаться, чтоб не описать более детально её визит. Как-то, через несколько недель после открытия магазина, в 9 утра звонит и

входит в моё жилище низкорослая, седая и розовощёкая женщина с несколькими сумками. Поздоровавшись и узнав, что я являюсь основателем магазина, она скороговоркой на хорошем Эсперанто представилась в качестве проголодавшейся по Эсперанто провинциальной эсперантисткой, живущей в костромских лесах и прибывшей сюда для утоления своего эсперантского голода. Сделав такое предисловие, она без остановки стала рассказывать свою биографию и разные детали своей жизни. Когда она входила, я завтракал и пил чай и пригласил её присоединиться. Она присела к столу, но сказала, что есть и пить она может и дома, а на Эсперанто она почти ни с кем не говорила, поэтому предпочитает сейчас говорить, а не заниматься такой прозой, как еда. Итак, она говорила и говорила. Я был восхищён такой хорошей и беглой речью и энтузиазмом, который она демонстрировала. Она показала содержимое своих сумок: там были пропагандистские материалы по Эсперанто, толстовству и вегетарианству; эти три идеи полностью владели душой моей визитёрши и она рьяно пропагандировала их при каждом удобном случае. Поэтому у неё была масса материала для разговора.

В этом духе проходят час, два, три часа, но она говорит и говорит. Пытаюсь воспользоваться краткими паузами, чтоб вставить несколько слов, но она повышает голос и снова возобновляет свою речь. Моё восхищение начинает постепенно уменьшаться. Мозг и уши очевидно уже устали от чрезмерного количества воспринятых слов. Пришло время обеда. Воспользовавшись паузой, приглашаю её пообедать. Она полусоглашается, но продолжает говорить. Подаётся обед и приборы кладутся также перед ней. На обед она реагирует так же, как на завтрак. Я обедаю как бы под музыку. Обед закончился. Водопад слов продолжается.

Приходит время вечернего чая. Она принимает в нём такое же участие, как в завтраке и обеде. В голове и ушах ощущение колокольного звона десяти колоколов. Наступает шесть часов вечера, твёрдо говорю своей гостье, что сегодня в Эсперанто-обществе у нас интересная встреча и я приглашаю её туда. Она с удовольствием принимает приглашение, собирает сумки и мы идём. На улице она продолжает говорить; не заметив тротуарного столбика, спотыкается, рассыпает сумки, я ей помогаю — собираю вещи; идём дальше.

Наконец мы приходим в Общество и я передаю свою гостью другим любителям беглой эсперантской речи. После десятичасового выслушивания я наконец почувствовал себя свободно. В этот раз я был до такой степени насыщен эсперантским языком, что в следующие два дня я избегал всего эсперантского.

Какой-то философ сказал: "Всё познаётся опытом". Впоследствии я очень часто контактировал с этой гостьей, но уже знал её характер и она уже никогда так не утомляла меня. Когда я видел, что она желает со мной говорить, я просто предупреждал её, что очень занят и могу уделить ей только 10–15 минут, в течение которых она должна высказать все свои мысли. Такое поведение иногда её сердило, но этого требовало благо нашего движения. К счастью, подобные

посетители магазина были исключением, но немного таких время от времени появлялось. И всегда требовался большой такт, чтоб сохранить своё время и не обидеть их.

Мой книжный магазин в Козихинском переулке просуществовал 5 или 6 месяцев. Это время показало, что в период развития магазин может работать безубыточно, если используется один невысокооплачиваемый наёмный работник и если магазин занимает недорогое помещение. Для этого необходим ежемесячный доход порядка 200 золотых рублей. Когда магазин находился в Козихинском переулке, он уже имел ежемесячный доход порядка 150 руб., из которых оставалось на возмещение расходов магазина около 60 руб. С коммерческой точки зрения этот результат означал чисто убыточное предприятие, но с идейной точки зрения он был многообещающим. Он, так сказать, окрылял предпринимателя. Я уже стал мечтать об открытии магазина в специальном помещении на какой-нибудь главной улице. И вскоре представился очень благоприятный случай.

ОСНОВАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА НА ТВЕРСКОЙ УЛИЦЕ

На одной из главных московских улиц, Тверской, на первом этаже дома 26 был книжный магазин с вывеской "Братство". Наружная стена была выкрашена в зелёный цвет. Когда я искал помещение в первый раз, этот магазин привлёк моё внимание как вывеской, так и цветом, и каждый раз, проходя мимо, я думал, что его внешний вид очень привлечёт эсперантистов. И вот в мае 1908 г. я увидел на нём приклеенную бумагу с объявлением о том, что помещение собираются передавать. Я тут же зашёл и узнал, что магазин ликвидируется, а помещение может быть сдано за 60 рублей в месяц. Оно состояло из одной светлой комнаты, два окна которой смотрели на улицу, и одной тёмной комнаты под склад. На уличной стене можно повесить экспозиционную доску или шкафчик, удобные для обзора и чтения. Магазин оснащён полками и прилавками. Одним словом, он предоставлял всё, чего я желал и в чём нуждался. Редко находится такой случай.

В это время из Казани ко мне приехал студент Павел Михалёв, о котором я уже писал. Он захотел своими глазами увидеть основанный мною книжный магазин. Возвратившись домой, я сразу рассказал ему о сдающемся помещении и своей мечте основать более привлекательный магазин. Он с воодушевлением воспринял мою мечту и возвёл её в квадрат. Мы произвели подсчёт возможных доходов и расходов и пришли к заключению, что если мы снимем новое помещение, то сможем существовать, не банкротясь, по крайней мере два года, занимаясь продажей только моей книги "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой", грамматик и словарей нашего маэстро. Зато пропаганда нашей идеи на новом месте пойдёт на удивление успешно.

Мой гость пообещал помочь в устройстве магазина пока он в Москве. Я предложил ему переехать из Казани навсегда, учиться в Московском университете и одновременно работать в магазине за ту зарплату, которую

безопасно для себя может платить магазин из своих доходов, но его семейные обстоятельства не позволяли осуществить такую комбинацию. Несмотря на это мы решили снять помещение и перевести туда торговлю из Козихинского переулка. Решено — сделано. Вдвоём мы перенесли весь книжный магазин на новое место, заказали большую вывеску, закрепили её на фронтоне дома так, чтобы каждый прохожий мог её видеть, подготовили витринный шкафик с разными пропагандистскими материалами и открыли магазин.

Новое положение магазина сразу дало новый эффект. Возле нашей витрины всегда останавливались любопытствующие, которые читали об Эсперанто, его значении и распространении. Прочтя, они заходили в магазин и покупали разные учебники. Но многочисленные свободные полки производили на посетителей неприятное впечатление. Нашего запаса книг для заполнения полок уже не хватало. К счастью, сдатчик магазина издавал русские книги, которые почти никто не желал покупать, и книги лежали у него в большом количестве. Мы предложили ему разложить книги на свободных полках нашего магазина. Он охотно согласился и таким путём магазин приобрёл вид вполне основательного предприятия.

Пока Михалёв жил в Москве мы дежурили в магазине по очереди. Но он не мог долго здесь оставаться. Надо было подумать о замене. К счастью, магазин посетил другой студент-эсперантист Д.П.Романович. Он учился в Московском университете, но его пристрастие к Эсперанто превосходило склонность к глубокому изучению университетских наук и, кроме того, он нуждался в приработке. Поговорив с ним несколько раз, я убедился в том, что он был очень подходящей заменой для Михалёва. Я сделал ему предложение и он охотно согласился. Это было в мае 1908 г. Сама судьба послала мне такого человека. Рвение к Эсперанто соединялось в нём с большой аккуратностью, честностью, спокойствием характера, деликатностью в отношении к посетителям, нетребовательностью в отношении к житейским удобствам и другими хорошими качествами. Кроме того он был горячим филателистом.

Михалёв проработал в магазине около двух недель. Видя, что магазин стал уже довольно хорошо работать, он с сожалением отбыл в свою Казань. Его задачу воспринял Д.П.Романович. Он быстро сориентировался в новом положении и магазин получил в его лице прекрасного заведующего. Своё жилище он оборудовал в тёмной комнате и таким образом не оставлял магазин без присмотра даже в нерабочие часы, в то время как я продолжал жить в квартире в Козихинском переулке.

Теперь я бывал в магазине в часы его работы. Мы разделили обязанности таким образом, что я заботился главным образом о снабжении магазина книгами и другими товарами; на мне также лежали связи с разными учреждениями — почтой, полицией, банками, таможенными и т.д. А Романович принимал покупателей, отправлял заказанные книги в провинцию, заботился о ведении торговых книг и т.д. Само собой, что в необходимых случаях мои

функции исполнял он, а его я. Постепенно наш магазин стал в Москве главным местом информации и пропаганды Эсперанто.

Важно было и то, что магазин был открыт все дни (кроме праздников). Он работал в тесном контакте с Московским обществом эсперантистов, во взаимной поддержке друг друга. Всех, кто покупал книги, мы направляли в Общество послушать там живой язык Эсперанто, брать книги из библиотеки Общества или пойти учиться на курсы, которые время от времени организовывало Общество. Со своей стороны Общество посылало своих посетителей в магазин за покупками нужных книг. К счастью, между нами не было никакой конкуренции.

В то время Обществом руководили Р.Менцель и супруги Смирновы. В квартире Менцеля в определённые дни собирались для упражнений в языке московские единомышленники. Этим эсперантистам магазин особенно благодарен за свой первый успех. Удивительно то, что хотя магазин принадлежал частному лицу, большая часть эсперантистов рассматривала его как общую собственность и искренне желала ему процветания, способствуя этому по мере сил. Во многом магазин обязан умелому руководству Д.П.Романовича. Он сумел быстро собрать вокруг магазина постоянных посетителей, которые рассматривали магазин как свой дом, непринуждённо посещали его для получения новостей об Эсперанто-движении, а иногда и для разрешения своих языковых сомнений.

Особенно часто магазин посещали студенты Московского университета, так как магазин располагался недалеко от него. Почти ежедневно в магазине бывали студенты Жаворонков, Шабарин, Оттесен, Боднарский, Айспурит, Пудовкин, Теличев, Мерковский, гимназисты Суткевич, Демидюк. Из этого круга позже вышли наши лучшие пропагандисты и сочинители. Но не только молодёжь посещала магазин. Иногда в него заходили вполне зрелые люди, даже старики. Благодаря этому магазину хорошими эсперантистами стали профессор Московского университета Р.Ф.Брандт, профессор И.И.Жегалкин и многие другие.

А как развивался сам магазин? Пока он находился в Козихинском переулке я уже смог установить связи со всеми важнейшими издательскими фирмами, с нашим маэстро, с автором-издателем полной эсперанто-русской грамматики Т.А.Щавинским и некоторыми другими. Когда мы переехали в новое помещение, у нас уже был достаточный запас разных учебников и литературных сочинений. Стало необходимым издать каталог, ибо из провинции очень часто спрашивали, что мы можем им дать. И вот летом мы уже смогли выпустить 4-страничный каталог с 20 наименованиями учебников, 12 наименованиями словарей, 56 наименованиями литературных произведений и 21 наименованием эсперантских периодических изданий, абонементную плату за которые мог принять магазин. Это уже был большой шаг Эсперанто в России.

До сих пор эсперантские сочинения поставлялись русским эсперантистам главным образом петербургским обществом "Эсперо". Но оно было лишь

посредником между заказчиками и заграничными фирмами, передавая исполнение заказов самим издательским фирмам. Иногда такие функции исполняло также Московское общество эсперантистов. Но так как у них не было постоянных работников, эта задача создавала им только трудности и неприятности. Поэтому они охотно уступили это дело магазину за некоторую компенсацию. Таким образом магазин с самого начала не встретил какой-либо конкуренции и это сильно облегчило его работу: он мог все свои силы свободно использовать на собственное укрепление.

Основание магазина не было приятным, если можно так сказать, только одному единомышленнику Л.Т.Титову, бывшему председателю Московского общества эсперантистов. Но о нём я напишу немного позже, когда буду говорить об издательской стороне деятельности магазина, а сейчас вернусь к рассказу о жизни магазина после его переселения на Тверскую и прихода в него Д.П.Романовича. Видя, что он очень быстро понял начальную технику работы магазина, я мог доверить магазин только его управлению. В июле этого года мне нужно было срочно выехать из Москвы на месяц из-за тяжёлой болезни отца. В моё отсутствие в магазине оставался один Д.П.Романович. Ему пришлось одновременно выполнять несколько обязанностей: продавать книги посетителям, отправлять книги по почте, получать на почте присланные деньги, отвечать на письма и т.д. И он смог всё выполнить довольно успешно. Но когда он уходил, к примеру, на почту, ему приходилось запира́ть магазин. Это немного вредило делу. Однако, когда я вернулся в Москву, я нашёл всё в порядке, хотя мы оба увидели, что вдвоём мы не можем хорошо справляться с делом, ибо нужен третий сотрудник — мальчик или кто-либо ещё. Какое-то время нам помогал студент И.В.Мерковский, но вскоре он уехал из Москвы. Мы искали мальчика. Его нам порекомендовал по протекции известный русский писатель Гиляровский.

Но рекомендация оказалась неудачной. Мальчик проявил себя и неспособным и ленивым. Мы вскоре вынуждены были его уволить. Тогда мы решили выбирать иначе. Мы поместили в большой газете "Русское слово" объявление о том, что книжный магазин "Эсперанто" ищет способного мальчика, окончившего школу первой ступени с отличием. Поскольку в то время работу искали очень многие, объявление привело к нам множество желающих. Из них мы выбрали нескольких, которые по внешнему виду и ответам показались наиболее подходящими, и произвели для них конкурсный экзамен по русскому языку и арифметике. Лучше всех выдержал экзамен 13-15-летний мальчик Иван Седунов и он был принят.

Такой способ выбора мальчиков оказался лучше, чем по протекции. Мальчик проявил себя весьма способным и через несколько месяцев уже мог понимать Эсперанто и даже немного говорить на нём. Доходы магазина выросли настолько, что можно было платить зарплату троим — мне, Романовичу и мальчику. Конечно зарплата была небольшая, но всё же мы не умирали с голоду:

мальчик получал как и прочие подобные работники, а я и Романович старались сдобривать недостаточное питание идейными размышлениями.

Магазин мог существовать за счёт скидок, получаемых от издателей, а главным образом за счёт дохода от продажи моей книги "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой". Но эта книга не могла долго поддерживать магазин, так как, во-первых, количество экземпляров не было бесконечным, а, во-вторых, покупатели всегда требуют разнообразия. Хотя издательства и издатели-авторы давали довольно большую скидку в 33–40 %, а автор Эсперанто — даже 50 %, из-за небольшого общего объёма продаж книг даже такая скидка не могла покрыть всех расходов магазина и мы волей-неволей пришли к мысли о собственных изданиях, которые обычно дают 60–70 % от номинальной цены. Такая большая доля получается по следующему расчёту. Обычно издатель устанавливает номинальную цену издаваемой книги путём умножения на три стоимости потребной на книгу бумаги, суммы расходов на печать и авторский гонорар. Так он поступает потому, что должен выделить из номинальной цены книги одну треть магазину, который продаёт книгу, а оставшаяся треть идёт на оплату работы, склада, транспорта, на налоги, ренту и прочие расходы издателя. Следовательно, если магазин сам издаёт какую-нибудь книгу, для него книга стоит только одну треть, а доходы от издания становятся общими с доходами магазина. Поэтому продажа своих изданий всегда более прибыльна для магазина.

Но что издать? Конечно было бы желательно издать какой-нибудь эсперантский учебник или словарь, ибо их покупают чаще всего; кроме того их обложки всегда являются прекрасной рекламой для разных изданий магазина. Наши мысли шли в этом направлении. Но на этом пути встретилось следующее обстоятельство.

Как я уже говорил, возвращаясь с кембриджского конгресса я посетил нашего единомышленника-сочинителя В.Н.Девятнина. К тому времени он уже издал два тома своих сочинений. В ходе моего визита он показал мне стихотворный перевод поэмы Пушкина "Руслан и Людмила", а я обещал издать этот перевод, если создам эсперантский книжный магазин или журнал. Прибыв в Москву, я продолжил переписку с В.Н.Девятниным. Иногда мои письма содержали слишком много эсперантского энтузиазма, который всегда находил благоприятный отклик у нашего поэта. Под влиянием таких писем он вообразил, что теперь Эсперанто уже настолько силён, что можно жить не только для него, но и за счёт него.

В то время он занимал должность станового пристава и обязан был выполнять тысячу разных полицейских дел в своём районе. Такую должность мог занимать любой человек, но только не поэт. Естественно, что все мысли нашего поэта направлялись к тому, каким образом стряхнуть с себя эту "приятную" должность. Кроме того, эта работа недостаточно хорошо оплачивалась, а это вынуждало служащего к большой экономности, чтобы не выйти за рамки бюджета, особенно если его семья состоит из 4–5 человек. Но

обычно требование экономности не любимо поэтами. Это замечание целиком относилось и к В.Н.Девятнину. Кредиторы атаковали его со всех сторон и он не знал, как выплатить долги.

Он надеялся улучшить своё финансовое положение с помощью эсперантских сочинений, но в то время почти никто из издателей не платил гонорары эсперантским авторам. Учитывая безнадёжное финансовое состояние единомышленника, я всем сердцем желал ему помочь и обещал выплатить какой-то гонорар, если издам его сочинение. Но он уже 27-го ноября 1907 г. послал мне рукопись и письмо, в котором было: "Извольте её просмотреть и, если есть возможность, вышлите мне как можно скорее обещанные деньги, ибо сейчас я нахожусь в таком тяжёлом материальном состоянии, что совершенно не знаю, что делать...Извините за бесцеремонность, но поверьте, что только ужасные обстоятельства вынуждают меня так поступать..." Ну, что делать? Я выслал ему 300 рублей и, чтоб совсем не лишиться средств, волей-неволей решил похлопотать об издании его перевода.

Вот почему наша издательская деятельность началась не с учебников, как того требовали насущные интересы магазина, а с литературного произведения. Поскольку в Москве не было типографии с эсперантскими буквами, я заключил контракт с Казанской типографией, в которой была напечатана моя первая книга. Набирать они начали в середине января 1908 г. Печатание шло очень медленно, ибо все корректуры из типографии направлялись в Москву, затем — в вильненскую губернию. Кроме того, гранки изобиловали опечатками, поскольку наборщики не знали Эсперанто, и нужно было править их по многу раз.

6-го ноября 1908 г. В.Н.Девятнин написал мне: "Сегодня я отослал г-ну Харитонову (печатнику) ещё один лист своего третьего тома (страницы 113–128), который очевидно скоро уже будет готов." Набор рукописи, получение авторского гонорара до выхода книги, открытие магазина на Тверской улице Москвы и некоторые мои вдохновенные письма к В.Н.Девятнину так подействовали на мечтательную голову нашего поэта, что он вероятно вообразил, что Эсперанто уже завоевал мир. Он начал серьёзно думать, что пришло время, когда уже можно оставить разные мерзкие дела, какими, например, занимался он, и жить только с помощью Эсперанто. По крайней мере все его письма ко мне в январе 1908 г. были полны, с одной стороны, жалобами на свою нужду, а, с другой стороны, преувеличенными надеждами на Эсперанто. К примеру, когда я написал ему в одном из своих писем, что, если он случайно будет в Москве, то может не искать гостиницу, а погостить у меня, он ответил в письме от 2-го июня 1908 г.: "Сердечное спасибо за Ваше любезное приглашение приехать к Вам в Москву. Если только разрешит моё начальство, я в конце лета непременно приеду и может быть к этому времени у Вас будет возможность найти мне какое-нибудь частное занятие, которое позволило бы мне совсем бросить свою теперешнюю проклятую службу и поселиться с Вами в Москве, чтобы я мог более плодотворно работать на наше святое дело." А в

другом письме, от 6/V-1908 г., он пишет вслед за разными просьбами: "Хотелось бы попросить Вас ещё за самого себя, но я не отваживаюсь злоупотребить Вашим терпением, хотя с большим удовольствием приехал бы в Москву, если бы только нашёл возможность получить там должность, которая давала бы мне хотя бы 150 рублей в месяц."

Должен здесь заметить, что в 1908 г. зарплату в 150 рублей в месяц получали только служащие высокого ранга, а средние получали 40-50-60 рублей. Конечно я не мог удовлетворить его пожелание и в письмах неоднократно предупреждал его об этом. Но Москва была для него магнитом, который притягивал неудержимо. И вот 10 ноября 1908 г. он пишет: "Мне предложили выбор: совсем оставить Эсперанто или службу в полиции... Чтобы выиграть время, я пока ничего не ответил, но понятно, что Эсперанто я не оставляю. Следовательно я должен оставить службу в полиции. Поэтому я вновь осмеливаюсь побеспокоить Вас просьбой: найдите какую-нибудь работу человеку, гонимому из-за нашей святой идеи!.. Я готов ко всему, кроме служения в полиции... Помня Ваше дружеское приглашение, оставив свою проклятую службу я приеду в Москву лично к Вам, а пока прошу Вас что-нибудь для меня подыскать... Жизнь в этой мерзкой Вильненской губернии мне ужасно надоела."

Это письмо создало для меня огромное затруднение: с одной стороны, человек тонет и сознание требует помочь ему, с другой стороны, — я в Москве человек новый, у меня мало знакомых, моё имущественное положение столь же прочно, как весенний снег... Я не знал, что делать: магазин абсолютно не в состоянии оплачивать такого сотрудника, которому обязательно нужен 150-рублёвый заработок; все, кого я спрашивал о какой-нибудь должности для Девятнина, давали только отрицательные ответы. Я с огорчением написал ему об этом и посоветовал не торопиться с увольнением. Но мой совет отложил решение только на несколько месяцев, о чём я напишу позже.

Возвращусь к своему магазину, как он жил во втором полугодии своего существования. Хотя клиентура с каждым днём увеличивалась, мы видели, что только собственный журнал может полностью укрепить дело. Я решил обязательно выпускать журнал в Москве, если получу официальное разрешение. С этой целью я посетил много типографий, предлагая им приобрести эсперантские буквы. Все большие типографии не хотели даже слышать этого, но я нашёл наконец одного владельца маленькой типографии вблизи магазина, который согласился заказать вдобавок к имевшимся латинским буквам недостающие буквы с надстрочными знаками, если я пообещаю печатать в его типографии не только журнал, но и книги. Я пообещал и стал хлопотать об официальном разрешении издавать в Москве эсперантский журнал под названием "Ла Ондо дэ Эспэранто" (волна Эсперанто). Но и в этот раз, как прежде в Казани, я получил отрицательный ответ. Отказ мотивировался отсутствием в Москве цензоров, знающих язык Эсперанто. Поскольку я твёрдо решил издавать журнал, то послал в Министерство внутренних дел в Петербурге протест на отказ, написав, что состав государственного учреждения

не может ограничивать права граждан, что по октябрьскому манифесту 1905 г. я имею право издавать любой журнал и настаиваю на осуществлении своего права. Вскоре московский полицмейстер получил телеграмму министра, обязывающую удовлетворить мою просьбу насчёт журнала, если было отказано только из-за недостатка цензоров. Свидетельство о разрешении было выдано.

1909 г.

Теперь мне надо было позаботиться о реализации своего права. Принимая во внимание опыт безуспешной попытки издавать журнал в прошлом году, я решил, что редакционный комитет журнала никак не может быть многолюдным. Мы ведь в прошлом году только о названии журнала спорили несколько заседаний. Чтобы не повторить ту же историю, я пригласил для работы в редакции только одного человека — секретаря Московского общества эсперантистов Р.Е.Менцеля. Хотя он ещё был юношей и учился в Московском университете, но будучи по природе очень серьёзным и хорошо знающим, кроме Эсперанто, несколько других языков, из которых немецкий был для него вторым родным языком, он представлялся самым хорошим кандидатом на должность секретаря редакции. На моё предложение занять этот пост он охотно согласился и таким образом редакция нового журнала была образована.

Вместе мы начали готовить материал для первого номера. К сожалению, нам не хватало времени, чтоб выпустить его в январе. Поскольку первый номер журнала играет решающую роль в привлечении абонентов, он должен быть выпущен с наибольшей заботой. Получив разрешение издавать "Ла Ондо дэ Эспэранто", я сразу написал в Варшаву д-ру Казимиру Беину, уже прославившемуся в эсперантском литературном мире благодаря многим прекрасным переводам, прося его об участии в новом журнале. Он любезно согласился на это и по моей рекомендации перевёл для журнала довольно интересный и остроумный рассказ Е.Чирикова "В тюрьме". Этот рассказ мы напечатали в качестве фельетона в трёх первых номерах журнала и одновременно издали его отдельной книжкой тиражом 10000 экземпляров по фиксированной цене 10 коп. Эта книжка стала первым изданием московского книжного магазина "Эсперанто".

Чтоб немного приободрить эсперантских сочинителей, магазин даже выплатил переводчику гонорар: он не был большим, но имел моральное значение. Кроме этого фельетона, профессор Московского университета Роман Брандт дал для первого номера большую пропагандистскую статью. Она была напечатана на двух языках — эсперанто и русском. Сам я написал вступительную статью, а Менцель дал материал для хроники Эсперанто-движения в России и за границей. Таким образом первый номер был заполнен.

Чтоб облегчить его набор, я попросил владельца типографии Холчева выбрать из наборщиков самых хороших рабочих и послать их ко мне для изучения Эсперанто. Приглашение приняли четверо рабочих: девушки

Киселёва, Полякова, Бубнова и юноша Зеленов. Эта группа после дала двух прекрасных эсперантских наборщиков — Киселёву и Полякову.

В феврале 1909 г. журнал был набран и отпечатан в количестве 10 тыс. экземпляров. Мы придали ему формат ежедневных газет, надеясь таким образом привлечь внимание публики к Эсперанто. Была зафиксирована минимальная цена журнала: 1 рубль за год и 10 коп. за отдельный номер при ежемесячном выпуске. Для рекламы журнала я раздал его всем московским газетным киоскам и разослал бесплатно всем эсперантистам России, чьи адреса у нас были, а также всем эсперантским периодическим изданиям. Но, увы! Когда я после собрал все непроданные журналы, то обнаружил, что по всей Москве было продано только 20 экземпляров, а владельцы киосков просили меня больше не загроужать их такой невыгодной продукцией.

Но номера, разосланные эсперантистам, дали очень большой результат: мы получили много похвальных отзывов, зачастую слишком восторженных, и довольно много подписчиков. Цитирую здесь некоторые отзывы...

16/III-1909 г. наш маэстро написал: "С большой радостью получил первый номер Вашего журнала "Ла Ондо дэ Эспэранто". В то время, как даже самые малые народы имеют свой эсперантский орган, большой русскоговорящий народ в последнее время оставался совсем без органа; поэтому появление Вашего журнала, который кладёт конец этой странной и достойной сожаления ситуации, несомненно радостно приветствуется всеми нашими друзьями. Желаю Вашему журналу процветания и надеюсь, что Ваши энергия и упорство вскоре добудут журналу доверие и уважение всех эсперантистов и, прежде всего, сотрудничество и поддержку всех русских эсперантистов. Ваш Л.Заменгоф."

21/III-1909 г. один из пионеров Эсперанто-движения в России д-р Островский написал из Женевы: "Очень благодарю Вас за любезную присылку № 1 "Ла Ондо дэ Эспэранто" и от всего сердца желаю журналу успешной и долгой жизни. С радостью вижу новые русские орудия борьбы за нашу дорогую идею, свободно возникающие теперь на пути, впервые проложенном моим скромным журналом "Эспэранто" после больших и дорогостоящих хлопот. К несчастью, мой журнал вскоре был предательски умерщвлён "внутренним врагом". Это принесло мне большие моральные страдания, но меня утешает мысль, что я облегчил путь другим единомышленникам, которые продолжают дело без помех русского правительства, которое до меня не разрешало эсперантский журнал даже нашему дорогому маэстро д-ру Заменгофу."

9/II-1909 г. написал также один из наших пионеров И.Ширяев (инициатор энциклопедии Эсперанто): "Из объявлений в "Биржевых ведомостях" № 27 я с огромной радостью узнал, что наконец мы, русские, снова имеем наш собственный национальный орган "Ла Ондо дэ Эспэранто"; пусть он живёт и приносит хорошие плоды."

Подобные письма в большом количестве мы получили из России и из-за границы. Из них мы увидели, что стоим на прочном фундаменте. Не напрасно

столь тепло приветствовали появление журнала наши старые и новые единомышленники. Вскоре после его появления, 8-го марта 1909 г., в № 55 самой распространённой в России газеты "Русское слово" была напечатана большая статья под заглавием "Эсперантисты", которая начиналась словами: "Только что в Москве вышел первый номер эсперантского журнала "Волна Эсперанто". Далее почти на целой колонке давалось много сведений о распространении нашего языка. В общем статья была написана в очень благосклонном тоне по отношению к нашему языку и имела очень важное значение для пропаганды языка — ведь эта газета имела более миллиона подписчиков. Мы подсчитали, что только одна эта статья покрыла весь убыток, который дал "Ля Ондо дэ Эспэранто" в первый год издания.

Разосланные в большом количестве экземпляры журнала привлекли к нам множество корреспондентов из провинции. Для 2-го номера редакция получила уже достаточно материалов для хроники Эсперанто-движения в стране. Вместе с подпиской на "Ла Ондо дэ Эспэранто" прибывали заказы на книги, т. к. в каждом номере журнала назывались книги, которые можно было получить из московского магазина "Эсперанто". Следовательно, эти два предприятия взаимно поддерживали друг друга.

Когда я теперь вспоминаю то время, я удивляюсь единодушию, с которым встретили наш журнал. Когда появляется какой-нибудь национальный журнал, обычно в начальный период он должен много бороться за существование. Прежде всего его атакуют другие журналы, видящие в нём своего соперника, конкурента. Если бы в то время в России было много эсперантских журналов, возможно наш журнал постигла бы такая же участь. Вспомните, сколько атаковали парижский эсперантский журнал "Ла Ревуо" (обозрение), когда его выпустил профессор Ш.Бурле. К счастью для "Ла Ондо дэ Эспэранто", в то время журнальное дело в России переживало большой кризис. Почему так случилось? Для выяснения этого нужно совершить краткий экскурс в историю эсперантской прессы нашей страны.

Если вы читаете историю Эсперанто первых лет после его возникновения, вы узнаете, что русская цензура не желала разрешать издание эсперантской газеты или журнала, опасаясь революционной пропаганды. Впервые она разрешила это в 1905 г. д-ру Островскому, который, живя в Ялте (в Крыму), сумел отпечатать в Петербурге только один номер своего журнала "Эспэранто".

В процитированном выше письме д-р Островский писал, что журнал был предательски умерщвлён "внутренним врагом". Во время моего посещения Петербурга д-р Аснес немного приоткрыл мне эту историю. Прибыв в Петербург, чтоб похлопотать об издании эсперантского журнала, д-р Островский некоторое время жил у своего родственника д-ра Аснеса, вместе с которым работал над осуществлением этой идеи. Д-р Островский был старым эсперантистом, весьма поднаторевшим в языке, а д-р Аснес, как житель Петербурга и хороший организатор, был ему хорошим помощником в этом деле. Когда было получено разрешение на издание журнала и была организована

эсперантская типография, встал вопрос о том, кто будет издателем и редактором. Поскольку Аснес не чувствовал себя достаточно сильным в Эсперанто, он естественно должен был согласиться с тем, чтоб редактором стал Островский, тем более, что Островский дал нужные для печатания деньги. Журнал вышел. Но что делать дальше? Где-то надо устроить контору для приёма подписки, рассылки журнала, переговоров с типографией и т.д. Одним словом, встал ряд практических вопросов, которые нашими мечтателями абсолютно не предвиделись и не учитывались.

В результате д-р Аснес решил: пусть д-р Островский поступает как хочет, а он, Аснес, вместе с несколькими петербургскими единомышленниками будет издавать свой собственный журнал. И они стали издавать "Русланда Эспэрантисто". Это дало д-ру Островскому повод обвинить д-ра Аснеса в предательских действиях. Конечно после этого Островский вынужден был совершенно прекратить выпуск своего журнала и в России в 1905 г. остался единственный журнал "Русланда Эспэрантисто", первый номер которого появился в апреле. Журнал был назван органом общества "Эсперо" и в качестве редактора подписал его Аснес.

Но любое издание требует денег. Видимо д-р Аснес совершенно не был склонен тратить на это собственные деньги, как делал д-р Островский для "Эспэранто", а, с другой стороны, касса общества "Эсперо" не была очень богатой. Из-за этого и из-за недостатка литературных сил, готовых безвозмездно сотрудничать с журналом, он выпускался очень неаккуратно. В 1905 г. вышло только 6 номеров. Кроме того раскол между Островским и Аснесом не остался секретом для эсперантского мира и многие нашли в этой истории виноватым г-на Аснеса и были даже склонны к его бойкоту.

Главными сотрудниками Аснеса являлись Е.Радван-Рыпинский и Вс. Лойко. Е.Радван-Рыпинский был служащим петербургской полиции и хотя владел дипломом "профессора Эсперанто", присуждённым ему в письме французского общества за пропаганду Эсперанто, в общем не был достаточно образованным человеком. Не зная иностранных языков, он часто дословно переводил тексты и из-за этого его эсперантские статьи изобиловали русизмами и для иностранных эсперантистов зачастую были не совсем понятными. Однако он был на удивление трудолюбивым человеком и ревностным эсперантистом. Он выполнял много "канцелярской" работы в обществе "Эсперо" и в редакции журнала "Русланда Эспэрантисто", но не мог быть примерным эсперантским стилистом.

Более интеллигентным и искусным сотрудником был студент Петербургского университета Всеволод Лойко, сын одного из пионеров Эсперанто Лойко, жившего в Минске. Но он был ещё слишком молод и очень занят университетской учёбой.

Эти трое составили редакцию и контору журнала. Естественно, что все они, будучи одновременно загруженными своими обязанностями — врача, канцеляриста и студента, — не в состоянии были аккуратно исполнять всё, чего

требовало от них издание журнала и руководство обществом "Эсперо". Вот почему в октябре 1907 г. д-р Аснес пишет мне: "Из Вашего письма я заключаю, что Вы оставили службу в Ардатове. Моё предположение верно или нет? Если да, то что же Вы думаете делать? Вы получите должность в Петербурге? Для нас, петербургских эсперантистов, это было бы очень важным, ибо мы сейчас очень озабочены будущими делами... У нас в Петербурге недостаёт умных людей."

В том же письме Аснес сообщил, что он договорился с издателем и редактором ежемесячного журнала "Вестник Знания" В.В.Битнером об издании эсперантского журнала "Эспэро", который будет бесплатным приложением для подписчиков русского журнала и чья цена для неподписчиков будет 4 рубля, а для членов эсперантских организаций — 3 рубля. "Я решил, — пишет он, — сотрудничать в "Эспэро", а "Русланда Эспэрантисто" издавать только в качестве органа эсперантских групп и обществ, если они того пожелают... Вы хорошо понимаете, что моё решение справедливо (безошибочно?): именно с помощью "Вестника Знания" мы распространим Эсперанто в России, а не с помощью "Русланда Эспэрантисто", который несмотря на все хлопоты и заботы имеет меньше 300 подписчиков."

В ходе моего визита в Петербург в декабре 1907 г., о котором я писал выше, я видел г-на Битнера, жаловавшегося, что д-р Аснес действует по отношению к нему недостаточно искренне: то он соглашается закрыть "Русланда Эспэрантисто", то желает продолжить его издание. А он, Битнер, уже везде объявил об издании "Эспэро"; если "Русланда Эспэрантисто" не будет закрыт, то он боится большого провала из-за нехватки сотрудников и материала, несмотря на то, что все статьи, которые будут печататься в "Эспэро", будут оплачиваемы. Из дальнейшего разговора на эту тему с Аснесом я понял, что он желает сидеть сразу на двух стульях: быть главным редактором "Эспэро" и, на всякий случай, не закрывать "Русланда Эспэрантисто".

Поскольку я увидел, что в это дело вмешался денежный интерес (т.е. оплачиваемая работа в "Эспэро") и Аснес поступает не вполне искренне, я решил держаться в стороне от отношений между Битнером, Аснесом и другими сотрудниками "Русланда Эспэрантисто" и возвратился в Москву для работы с московскими эсперантистами. Из Москвы я написал Аснесу, что намереваюсь издавать в Москве новый эсперантский журнал в форме ежедневных газет для того, чтоб он не был конкурентом предполагаемого "Эспэро" и "Русланда Эспэрантисто".

Мне неизвестны дальнейшие детали урегулирования отношений между Аснесом и Битнером, но в 1908 г. журнал "Русланда Эспэрантисто" в прежней форме уже не выходил. Появился только один номер в формате ежедневной газеты; в качестве редактора подписал его В.Лойко. Вместо ежемесячного "Русланда Эспэрантисто" появился эсперантский журнал "Эспэро" как приложение к русскому журналу Битнера "Вестник Знания".

1-й номер "Эспэро" представлял из себя довольно толстый выпуск из 48 страниц, набранных петитом, с двумя параллельными текстами: на русском и на эсперанто. О программе журнала Битнер писал (дословно): "Ближайшей нашей программой является прежде всего, конечно, пропаганда идей мира, культурного единения народов и поднятия духовного уровня каждой нации до такой высоты, когда сами собой уничтожатся царствующие между ними враждебные отношения на почве взаимного соперничества, которые заменит сознание всеобщего братства на началах истинного демократизма."

К сожалению, программа мира уже в 1-м номере не гармонировала с его содержанием. В нём были напечатаны статьи в защиту атеизма, общественно спорные статьи и даже лично оскорбительные. Среди последних особенно плохое впечатление оставляла статья некоего П.Хайды, в которой наш великий писатель и апостол мира Л.Н.Толстой был выписан весьма некрасивыми красками. Я послал редакторам "Эспэро" довольно большую статью, критикующую статью Хайды, но редакция "Эспэро" отказалась её напечатать. После этого я уже ничего не посылал для этого журнала. Взамен я начал хлопотать об издании эсперантского журнала в Москве, намереваясь печатать его в Казани. А когда казанский губернатор не разрешил печатать журнал в Казани, я выпустил его в Москве, как о том сказано выше.

Журнал "Эспэро" существовал только один 1908-й год. Прекратив его издание, Битнер написал довольно резкую статью в адрес лиц, составлявших редакцию журнала. Чтоб можно было судить о характере этой статьи, процитирую только следующие первые строчки: "Грустно бывает видеть человека, которому после целого ряда бесплодных усилий приходится сознаваться в своей несостоятельности, в своей ошибке... Ещё печальнее, однако, положение того, кто сознаёт жизненность самого дела, его величие, громадное общественное, даже общечеловеческое значение и принуждён отказаться от работы на этом поприще только потому, что оно попало в руки самозванцев, способных лишь погубить саму идею, а не двинуть её вперёд... Читателям уже известно, что из-за мелких интриг, которые тотчас же обнаружались на развалинах "Русланда Эсперантисто", № 1 журнала "Эспэро" мог выйти только со вторым номером "Вестника Знания"..."

Итак, в 1909 г. российские эсперантисты остались без какого-либо эсперанто-русского органа, и когда в феврале вышел "Ла Ондо дэ Эспэранто", его приветствовали как избавителя от неприятной ситуации. Такая обстановка была весьма благоприятна для нового журнала и вскоре он занял очень твёрдое положение.

1-й номер журнала вышел в феврале 1909 г., ибо в январе мы не сумели приготовить всё необходимое для издания. Как я уже говорил ранее, этот номер служил для нас объявлением о новом журнале и магазине и мы щедро разослали его в разные уголки мира. 2-й номер мы печатали уже значительно меньшим тиражом — 3000 экземпляров, ибо мы знали, что ни один эсперантский журнал того времени не имел более 2000 подписчиков. В первые

месяцы по появлении нашего журнала у нас было только несколько сот подписчиков и журнал приносил нам довольно значительный убыток, но это нас совсем не беспокоило, ибо мы видели, что благодаря журналу клиентура магазина заметно выросла. Таким образом эти два предприятия — магазин и журнал — взаимно помогали друг другу и с каждым днём всё сильнее укрепляли своё положение.

Магазину очень сильно помогло появление Полного эсперанто-русского словаря нашего маэстро Л.Л.Заменгофа. До 1908 г. российские эсперантисты, изучая и применяя Эсперанто, пользовались лишь Универсальным словарём д-ра Заменгофа, содержащим только корневые слова, или более полными словарями на французском и немецком языках, что очень сильно мешало распространению нашего языка в России. На это часто жаловались маэстро и он решил сам создать полный эсперанто-русский словарь с производными словами. Переписываясь с ним по этому поводу, я предложил ему продать нам весь тираж издания. Он на это согласился и предоставил нам весьма благоприятные условия по оплате. Таким образом наш магазин стал как бы издателем словаря, что превратило его в Эсперанто-центр всей России.

Одновременно магазин заложил важный камень в свой фундамент путём издания Эсперанто-русской грамматики Кара и Панье, переведённой с французского языка студентом Теличевым и отредактированной мною.

До 1909 г. русские пользовались для обучения только фундаментальной грамматикой Заменгофа, вошедшей в качестве составной части в мою книгу "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой", и Полной грамматикой Щавинского, не содержащей упражнений. Открытие нашего московского магазина и широкая пропаганда Эсперанто побудили в 1908 и 1909 гг. московских эсперантистов д-ра Н.А.Кабанова и студента Титова предпринять издание более полных учебников. Н.А.Кабанов создал два учебника: "Первая эсперантская книга для чтения" и "Полная грамматика языка Эсперанто", которые он выпустил в книжном издательстве "Посредник". А Титов, переведя на русский язык с французского грамматику Кара и Панье, выпустил её как своё собственное сочинение при посредстве магазина "Знание".

Для пропаганды нашего языка оба предприятия несомненно были полезны, но они несколько отвлекали нашу клиентуру и грозили ослабить наш магазин. Конечно мы продавали эти издания в нашем магазине и указывали их в каталоге, но в то же время думали о собственном издании полной грамматики. Поэтому нас очень удовлетворило предложение студента Московского университета Б.Теличева издать его перевод грамматики Кара и Панье, придав ему правильное название. Поскольку учебник был создан авторами специально для французов, мне потребовалось приспособить его для русских, написав несколько страниц разъяснений касательно тех правил языка Эсперанто, которые отличаются от правил русского языка, например, об артикле "ла", о винительном падеже, о сложных формах спряжений и т. д.

Эти разъяснения сделали "французскую" грамматику пригодной для русских читателей и она была встречена пользователями весьма благосклонно. Первое издание имело тираж в 5000 экз.; это количество вполне окупало авторский гонорар и позволяло установить на книгу весьма сходную цену — 20 коп. Книги были распроданы за год и последующие издания мы уже печатали тиражом в 10000 экз. Продажа такого тиража в течение года давала магазину доход, покрывавший зарплату одного мальчика. Таким образом к концу 1909 г. мы обладали уже двумя доходными изданиями: словарём Л.Л.Заменгофа и грамматикой Кара и Панье.

Кроме того у магазина уже было два собственных литературных издания: "В тюрьме" Чирикова в переводе нашего выдающегося переводчика К.Беина и III-й том сочинений Девятнина, который был отпечатан в Казани и выслан в Москву в декабре 1908 г. Получив его из типографии, я очень пожалел, что печатал его за пределами Москвы, ибо меня не удовлетворили ни бумага, ни внешний вид книги. Кроме того авторский гонорар (300 руб.) очень увеличил цену книги (65 коп.); без гонорара книга стоила бы только 35 коп. Из-за этого книга плохо раскупалась и весь тираж (3000 экз.) распродался 20 лет. Такие издания рассматриваются коммерческими издателями как губительные для дела, но мы утешались мыслями, что этим изданием мы достигли двух целей: 1) обогатили нашу литературу и 2) немного помогли нашему тонущему в долгах поэту.

К сожалению, эта помощь была слишком мала. В своих письмах в феврале и марте 1909 г. он мне писал: "С 5 декабря я уволен и с тех пор, не получая жалованья, я истратил 300 рублей из тех денег, которые должен был передать идущему мне на смену; мне дали две недели на возмещение недостачи..." И далее: "Моей измученной душе сейчас так плохо, что мне очень трудно даже думать о чём-нибудь другом, кроме как о том, как я к завтрашнему дню найду нужный рубль, чтоб только быть сытым..."

Создалась воистину трагическая ситуация: с одной стороны — потеря должности, с другой — незаконная растрата государственных средств, громада частных долгов и семья из 5 человек! Я хотел ему помочь всем сердцем, но для этого нужны были весь мой капитал и все новые эсперантские предприятия. Я не мог также найти ему хорошую должность. В таком ужасно неприятном положении я не знал, что делать..., когда в апреле или мае в Москву прибыл сам страдалец.

В Москве жила его свояченица, у которой он нашёл временное пристанище. При первом визите ко мне поэт развернул богатую картину оптимистических грёз по поводу его намерений устроить здесь свою жизнь: он сможет много зарабатывать своей литературной работой в редакциях разных журналов и т. д. Одним словом передо мною сидел типичный поэт с богатой фантазией и пустым карманом. Конечно его фантазии обанкротились после первых же попыток найти какую-нибудь хорошо оплачиваемую работу. К счастью, свояченица, как акушерка, имела в Москве много знакомых. С их помощью она нашла для него должность администратора небольшой гостиницы.

Конечно жалкий заработок был недостаточен, чтоб прокормить его и семью и совершенно не улаживал его жизнь. Чтоб как-то вывести его из этого положения, я предложил следующую комбинацию. В тогдашней эсперантской литературе отсутствовали более или менее большие произведения. Мы мечтали перевести на Эсперанто самое крупное сочинение Л.Н.Толстого "Войну и мир", но для этого очевидно не доставало наших литературных и денежных сил. Поэтому мы решили перевести другое большое трёхтомное сочинение того же автора "Анну Каренину". Работа была поделена между мною, Менцелем и Девятниным: каждый должен был перевести один том.

За свой перевод Девятнин получил авансом 150 рублей. Мы с Девятниным выполнили свою часть работы, а Менцель перевёл только половину и на этом дело окончилось. Вместо плюса работа дала минус. Но всякий раз, когда мы по неопытности что-нибудь теряли, мы всегда утешались нравоучительным изречением: "Каждый урок должен быть оплачен." Ведь вся наша тогдашняя деятельность на эсперантской ниве была непрерывной учёбой: мы учились издавать, учились распространять наши издания, т. е. торговать, мы, наконец, учились сочинять; естественно, наша учёба не всегда была успешной.

Но в общем магазин и журнал заметно прогрессировали. С журналом уже сотрудничала большая часть российских эсперантских сочинителей и пробовали свои силы многие новички нашей литературы.

Среди сотрудников в 1909 г. мы видим профессора филологии Московского университета Р.Ф.Брандта, К.Беина (Кабе), С.Полянского, д-ра К.И.Шидловского, д-ра О.С.Когана, Анну Шарарову, С.Шабуневича, А.Ступина, Г.Смирнова, д-ра Корзлинского, А.Замятина, Т.Щавинского, адвоката Шавковского, С.Обручева, А.Фишера, Н.П.Евстифеева, французского д-ра Шало, В.Девятнина, Эска, М.Шидловскую, д-ра И.Островского, Г.Дешкина, д-ра Вейцлера, В.Огородникова и многих других, которые не желали подписываться своим именем.

С финансовой точки зрения журнал за первый год дал убыток, но, учитывая стоимость помещённых в журнале объявлений о магазине и их пропагандистский эффект, мы уже по истечении года не рассматривали его как нечто убыточное. Что касается работы магазина в этом году, то она очевидно сделала большой шаг вперёд. Вместо 4-страничного каталога в 1908 году, мы издали уже 8-страничный каталог. В него вошли почти все издания главных эсперантских издательств и многие книги, изданные авторами. Доходы магазина были уже таковы, что мы могли совершенно спокойно смотреть в будущее и даже подумывать о приглашении второго мальчика. Оборот магазина увеличивался пропорционально платной рекламе в русских газетах и реклама производилась пропорционально обороту. Оба эти момента были ясно связаны между собою, и с ними, со своей стороны, были связаны пропаганда и распространение нашего языка.

В отношении пропаганды нашего языка магазин действительно был вне упрёков. На рекламу мы денег не жалели. Объявления о магазине печатались во

всех серьёзных русских изданиях: в газетах "Русское слово" и "Русские ведомости", в журнале "Нива" и т.д. Поскольку магазин находился на одной из главных улиц Москвы, его почти ежедневно посещали агенты различных рекламных предприятий, которые, соперничая между собою, предлагали нам наиболее благоприятные условия рекламирования.

Помимо размещения объявлений в прессе, мы печатали их на отдельных листах и расклеивали на стенах и столбах в Москве и на станциях железных дорог... Одним словом, мы заставляли читать, говорить и слушать об Эсперанто везде, где могли. В результате мы со всех сторон получали требования о более детальных сообщениях об Эсперанто и заказы на учебники. Это уже сделало недостаточными силы трёх работников в магазине и мы решили пригласить ещё одного мальчика.

С другой стороны, многие наши объявления в прессе обратили на наш язык внимание корреспондентов разных газет и редакций. Наш магазин очень часто навещали представители изданий, которые просили дать им более или менее обстоятельную информацию о нашем языке, его распространении, литературе и т.д.

Когда какой-нибудь эсперантист посылал в газеты специальную пропагандистскую статью, они обыкновенно её не печатали, ибо автор статьи большей частью не был знаком редакциям и последние опасались стать жертвами мистификации. Совсем иначе они относились к отчётам своих специальных корреспондентов. Особенно трудно было пробить брешь в солидных изданиях с сотнями тысяч и миллионами подписчиков, напр., в "Русском слове", имевшем более миллиона подписчиков, в "Русских ведомостях", "Биржевых ведомостях", в журнале "Нива" и подобных. Мы могли печатать в них только платные объявления, стоившие очень дорого, но всегда дававшие хорошие результаты.

И вот магазин на Тверской улице неожиданно посетил представитель газеты "Русское слово" и попросил дать ему подробные сведения о структуре, существовании, распространении, перспективах и т.д. нашего языка. По ходу беседы выяснилось, что у нас есть общие знакомые, а в результате беседы в этой важной российской газете (№ 259 от 24/X-1909 г.) была напечатана прекрасная статья, весьма благосклонная к Эсперанто.

А вот другой случай. Нашим языком заинтересовался редактор иллюстрированного журнала "Вокруг света" В.А.Попов. Он лично прибыл в магазин и, увидев там множество изданий разных стран мира, обширную переписку на Эсперанто, решил открыть в своём журнале особый эсперантский отдел и пригласил меня в качестве постоянного сотрудника для руководства этим отделом. Для нас это было очень важным, т. к. газету "Русское слово" и журнал "Вокруг света" издавало самое большое в России книжное издательство Сытина.

Своё сотрудничество с этим журналом я использовал для убеждения редакции выпустить в качестве бесплатного приложения к журналу в 1910 г.

эсперантскую грамматику. Сперва редакция намеревалась издать учебник, переведённый с французского, английского или другого языка, но я знал, что над созданием эсперанто-русской грамматики уже давно трудился В.Н.Девятнин. Следовательно теперь представился прекрасный случай совершить одновременно два хороших дела — дать толчок нашему Эсперанто-движению и помочь мятущемуся в финансовых затруднениях, ибо это книжное издательство выплачивало гонорары своим сотрудникам. В результате между Девятниным и издательством был заключён контракт, согласно которому автор уступал права издания грамматики тиражом, равным числу подписчиков журнала "Вокруг света" (ок.25000 экз.), для рассылки подписчикам в качестве бесплатного приложения, и, кроме того, тиражом около 10000 экз. для продажи в многочисленных книжных магазинах издательства.

Это было нашей большой победой. Отныне слово "Эсперанто" печаталось во всех рекламах книжного издательства. В 1910 г. грамматику Эсперанто бесплатно получили все подписчики журнала, а т. к. журнал получали почти все публичные библиотеки, то семена нашего языка упали на очень плодородную почву. С другой стороны, автор грамматики согласно контракту получил около 500 рублей гонорара, что несколько ослабило душившую его петлю долгов.

Выше я упомянул статью об Эсперанто в газете "Русское слово". Но не только эта газета обратила внимание на наше движение. Например, 20 августа того же 1909 г. довольно крупная московская газета "Раннее утро" напечатала одноколонное интервью с редактором журнала "Ла Ондо дэ Эспэранто" А.А.Сахаровым. Приведу маленькую дословную цитату из этой статьи: "Давайте послушаем, что рассказывает один из самых ревностных эсперантистов А.А.Сахаров:

— В настоящее время никакие усилия, наветы и другие подобные действия не могут остановить распространение Эсперанто, который уже проник во все уголки земного шара и заложил крепкий фундамент для своего дальнейшего расцвета."

Такие статьи и многие платные объявления в прессе и на стенах сильно привлекали внимание публики к нашему языку. Об Эсперанто люди читали уже во всех концах России и многие уже стали воспринимать наш язык как распространённый в мире всеобщий язык. Отовсюду мы получали заказы на учебники, словари и книги для чтения. Чтобы удовлетворять потребности, нужно было заказывать заграничные издания большими партиями. Это подбадривало заграничные издательства "Ашетт", "Прэса Социэто Эспэрантиста" в Париже, "Мюллер и Борель" в Берлине, "Брита Эспэранта Асоцио" (британская ассоциация эсперантистов) и многие другие помельче и все они давали нам большие и благоприятные кредиты.

Наш магазин таким образом стал одним из самых важных и надёжных эсперантских книжных предприятий. Известность его особо сильно возросла, когда в сентябре 1909 г. вышло классическое сочинение Тургенева в переводе нашего выдающегося стилиста К.Беина (Кабе). В Москве, для московских

эсперантистов, магазин уже играл роль центрального справочного бюро и клуба, как я о том говорил выше. Сюда приходили не только покупать книги, но и узнать новости эсперантского мира, ибо магазин получал все эсперантские газеты и журналы, которые тогда издавались. А многие посещали магазин, чтобы послушать или попрактиковать устную эсперантскую речь.

Для нескольких человек ежедневное посещение магазина сделалось даже необходимостью. Особенно нравилось посещать магазин студентам Московского университета и технических учебных заведений. Встречаясь здесь, они "индукировали" друг в друге эсперантский "электрический ток"; здесь часто рождались "великие идеи" и планы более действенной пропаганды нашего языка. Затем эти планы детальнее обсуждались в ходе встреч в Московском обществе эсперантистов и окончательно принимали форму публичных докладов, лекций, музыкальных эсперантских вечеров и т.д. Таким образом были проведены пропагандистские вечера и лекции 22/X-1908 г. (был разыгран "Ревизор"), 26/II, 14/III, 16/III, 8/IV, 30/IX, 2/XII и 3/XII-1909 г.

Над устройством вечеров больше всех работали главный уполномоченный УЭАВ России Шабуневич, председатель Московской студенческой группы В.С.Боднарский, д-р Корзлинский и многие другие. Устройство вечеров требовало огромных усилий и хлопот и, чтобы на эту работу подбить, постоянно нужна была некая толкающая сила. Этой силой была единодушная работа московского книжного магазина, журнала "Ла Ондо дэ Эспэранто", Московского общества эсперантистов, делегата УЭА, Московской студенческой группы эсперантистов и Всероссийского общества врачей-эсперантистов, руководимого д-ром К.И.Шидловским. К этим учреждениям вскоре присоединилось ещё одно — Московский Институт Эсперанто.

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЭСПЕРАНТО

Курсы нашего языка были открыты уже во многих городах России, но нигде не были официально признаны, ибо у руководителей не было документов, удостоверяющих способность обучать языку. Требовалось такое учреждение, которое могло бы более или менее официально засвидетельствовать такие способности. Идя навстречу этому требованию, 14 апреля 1909 г. я послал попечителю Московского учебного округа прошение о разрешении основать в Москве частное учебное заведение языка Эсперанто под названием "Московский Институт Эсперанто". Поскольку это было совершенно новое дело, моё прошение рассматривалось в течение семи месяцев и лишь в конце декабря было получено официальное разрешение на учреждение института.

Передо мною встала новая задача: как обеспечить работу института. Так как судьба института была связана с магазином и журналом, я опишу её позже более детально, в хронологическом порядке.

1910-й год мы встретили очень бодро. Мой новогодний обзор нашего движения за прошедший год в "Ла Ондо дэ Эспэранто" был полон самых обнадеживающих перспектив на новый год. В нашем магазине в последнем

квартале 1909 г. кроме меня и Романовича работали уже два мальчика: Ваня Седунов и Алёша Трофимов. Так как Трофимов имел хороший почерк, хорошо считал и вообще был очень аккуратным, я поручил ему бухгалтерию. Кроме того, примерно в сентябре снова остался без работы наш поэт В.Н.Девятнин. Чтобы он не помер с голоду, я временно, до нахождения более или менее хорошо оплачиваемой работы, пригласил его в качестве помощника в магазин и редакцию. Несмотря на плохое финансовое положение он был довольно жизнерадостен и работал с воодушевлением. Но вскоре с ним произошла неприятная история.

В ноябре мне нужно было выехать из Москвы для улаживания дел матери после смерти отца. Я уже купил железнодорожный билет и надеялся, что на время отъезда меня заменит В.Н.Девятнин. Но накануне отъезда, 20/XI-1909 г., я неожиданно получил письмо Девятнина, где он пишет, что арестован судебным следователем и, будучи обвинён в растрате государственных денег во время работы в полиции, должен быть водворён в тюрьму, если никто не даст гарантию, что он обязательно явится в суд. Ну что делать? Во избежание скандала я пошёл к судье и внёс под гарантию 500 руб., надеясь, что мой друг не накажет меня на эту сумму и вовремя явится в суд. Благодаря моей гарантии он освободился и, вероятно совсем позабыв о неприятном происшествии, жизнерадостно продолжал работать в магазине и выпустил декабрьский номер "Ла Ондо дэ Эспэрanto", подписавшись "и.о. редактора", т. е. как исполняющий обязанности редактора. В качестве фельетона он опубликовал в этом номере свой перевод водевиля "Мундир". Как секретарь редакции журнал подписал Р.Менцель.

Возвратившись в Москву, я заметил, что "между ними пробежала чёрная кошка", как говорят на Руси о начинающейся между людьми вражде. Из-за этого Менцель вскоре объявил, что не желает продолжать перевод "Анны Карениной". Таким образом наша совместная работа над переводом закончилась, переведённые второй и третий тома остались неизданными. Этот конфликт оказался первой трещиной в нашей до того безоблачной эсперантской работе. Вскоре последовала вторая.

В 1909 г. в Петербурге на эсперантской ниве главное место занял капитан Постников. Как я говорил раньше, издание эсперанто-русского журнала "Эспэро", которое предпринял журнал "Вестник Знания" Битнера, закончилось в 1908 г. из-за раздоров между сотрудниками "Эспэро". Один из главных среди них д-р Аснес (псевдоним Сенсаев) после этого отошёл от активной работы в обществе "Эспэро", и в течение некоторого времени петербургское общество "Эспэро" влачило жалкое существование. В это время нашим языком увлёкся петербургский офицер русского Генерального штаба капитан А.А.Постников, брат одного из пионеров нашего движения Постникова. Обладая довольно большими душевными и организаторскими способностями, великосветский и очень честолюбивый, он начал свою эсперантскую карьеру с раскольнической деятельности против общества "Эспэро". Поскольку редакция его органа

"Русланда Эспэрантисто" под влиянием революционного движения 1905 г. придала журналу "прореволюционное направление", Постников, как политически благонамеренный офицер высокого ранга, не мог сотрудничать с таким журналом и обществом и в конце 1907 г. начал организовывать в Петербурге новое эсперантское общество "Эспэранто". Его стараниями членами этого общества стали несколько высокопоставленных петербургских чиновников и литератор Васильковский.

Видимо, первоначальным намерением Постникова было основать в Петербурге особо "великосветское эсперантское общество", участвовать в котором не побоялись бы даже высшие чиновники и аристократы. Но он скоро убедился в том, что это намерение неосуществимо, ибо идея международного языка мало интересовала высший свет, ею больше интересовались студенчество и думающие люди среднего класса. Предвидя полное фиаско своего намерения, Постников вскоре, в 1908 г., переговорил с оставшимися членами общества "Эспэро" об объединении в единый союз "Русланда Лиго Эспэрантиста" (русский союз эсперантистов).

17 марта 1909 г. был утверждён устав этого союза, в первом параграфе которого говорилось, что обсуждение политических и религиозных проблем в помещениях Союза не разрешается. Согласно § 3 устава местом действия Союза является вся Российская империя, в границах которой Союз может открывать свои отделения. По § 6 членский взнос равен от 3 до 10 рублей, а пожизненные члены платят единовременно 100 рублей. Получив одобрение устава, Постников снял помещение под контору Союза в центре Петербурга на Невском проспекте и начал "объединять" русских эсперантистов.

С этой целью он вернул к жизни почивший журнал "Русланда Эспэрантисто" и в марте 1909 г. выпустил 1-й номер, где в статье "Эспэрантиста мовадо эн Русуйо" (эсперантское движение в России) о моём московском книжном магазине не было сказано ни слова. На обложке журнала было объявлено, что он является "центральным органом русских эсперантистов". В качестве издателя журнал подписал А.А.Постников, а в качестве редактора — П.Е.Васильковский. Во втором номере местом приёма подписки в Москве было объявлено "Либроэльдонэйо Эспэранто" (книжное издательство "Эсперанто") на Валовой, 513 (Титов). В 1909 г. Постников таким манером издал 4 номера и ни в одном из них не упомянул работу московских эсперантистов, словно бы они совершенно ничего не делали. А во втором номере журнала вовсе неожиданно появился призыв Центрального комитета Российского союза эсперантистов организовать 1-й конгресс русских эсперантистов в декабре 1909 г., когда ещё ничего не было подготовлено.

Такое поведение Постникова по отношению к московским эсперантистам совсем не способствовало объединению русских эсперантистов и зачастую действовало весьма раздражающе на наиболее чувствительных единомышленников. Лично я в магазине и вообще в ходе своей эсперантской деятельности встречал очень много фантазёров и прожектёров, потому

относился к деятельности Постникова довольно спокойно, но некоторые московские единомышленники абсолютно не выносили его, особенно члены комитета Московского общества эсперантистов д-р Корзлинский и Менцель. Они вовсе не были склонны присоединить Общество к организованному Постниковым Российскому союзу эсперантистов, и когда в мае 1909 г. был получен подписанный Постниковым призыв провести в декабре этого года в Петербурге 1-й Всероссийский конгресс эсперантистов, они весьма резко протестовали против столь незрелого во всех отношениях проекта. Благодаря этому протесту и очевидному большому риску устройства конгресса в декабре Постников перенёс дату конгресса на апрель 1910 г.

Разрешение правительства на созыв конгресса было получено только в феврале. Для подготовительной работы оставалось всего два месяца. Проведение конгресса требует довольно много денег и множества разных хлопот. Поскольку организованный Постниковым Союз был блефом, к нему примкнули лишь немногие несильные общества, а сам Постников не был богачом, то он попытался привлечь к организационной работе материальную помощь Московского общества эсперантистов. Получив его приглашение, Общество провело 16 февраля 1910 г. специальное собрание своих членов. В протоколе собрания читаем: "Принимая во внимание, что 1) оставшееся до конгресса время (около 2-х месяцев) совершенно не позволяет надлежащим образом выработать и осуществить программу, и 2) петербургские единомышленники проводят конгресс лишь по собственной инициативе, не договорившись с другими, по крайней мере с крупнейшими обществами, Московское общество эсперантистов решило: рассматривать намечаемый конгресс только как конференцию, ставящую своей целью выработать и утвердить окончательные решения по первому и последующим официальным конгрессам российских эсперантистов, и принять в ней участие только при вышеизложенном условии. Конгресс должен называться Подготовительной конференцией российских эсперантистов по организации в России периодических эсперантских конгрессов. Московское общество эсперантистов полагает, что такое название, устраняя элементы риска, полностью гарантирует безопасность мероприятия и единодушную работу российских эсперантистов." Этот протокол и объявление о конгрессе были опубликованы во 2-м номере "Ла Ондо дэ Эспэранто".

В собрании Московского общества эсперантистов участвовал сам Постников, который согласился с протоколом. Но, возвратившись в Петербург, он выпустил 5-й номер "Русланда Эспэрантисто", в котором конгресс был объявлен как "1-й Всероссийский конгресс эсперантистов". Такая предательская деятельность совершенно опровергла красивые слова петербургских руководителей о единой работе, которые они щедро использовали, создавая Союз эсперантистов и организуя всероссийский конгресс. Она серьёзно угрожала Эсперанто-движению в России. Многие москвичи предлагали совсем не участвовать в конгрессе, но тогда вышел бы большой скандал: на конгресс собралась бы

малая часть эсперантистов и пресса получила бы полное право писать о нашем беспомощном состоянии.

Волей-неволей надо было поддерживать конгресс. Для помощи конгрессу Московское общество выбрало особую комиссию из 5 человек и поручило ей переговорить с руководителями петербургского Союза. В комиссию вошли д-р Корзлинский, Девятнин, Булочкин, Валентинов и я. Чтобы увидеть, что делается в Петербурге для подготовки конгресса, лично я выехал туда. Я не ожидал обнаружить там что-то хорошее, но то, что я нашёл, не оправдало даже самые скромные ожидания. Касса Союза была почти пуста, о конгрессе хлопотал почти один Постников, петербургские единомышленники в основном ему не благоволили и т.д. Провал конгресса был очевиден, но Постников не терял своей военной отваги и на что-то надеялся. Как-то идя с ним по улице, я услышал от него очень странную фразу: "О, как бы мне хотелось триумфа Эсперанто! Не запустить ли ради этого в воду правительства какую-нибудь необычную рыбу, которая привлекла бы к нам внимание?" Эту фразу я вспомнил позже, когда Постников сделался героем уголовного процесса.

В этот раз я пробыл в Петербурге несколько дней и, познакомившись с Постниковым поближе, заметил в его душе многие странности. Однако тайна была в приготовлении пищи... людям надо есть. Чтобы помочь делу с материальной стороны, я пообещал послать на комиссию в Союз достаточное число учебников и литературы. С другой стороны, д-р Корзлинский попросил своего знакомого, директора высших курсов Паева, чтоб тот разрешил провести заседания конгресса в его училище. В общем организация конгресса без денег и без надёжных помощников очень меня беспокоила. Я настаивал, чтоб во всех газетных объявлениях и официальных документах наш "конгресс" назывался Подготовительной конференцией, но Постников хотел называть его непременно конгрессом. Видимо таким способом он хотел сделаться Мишо (организатор 1-го Всемирного конгресса эсперантистов) российских конгрессов эсперантистов.

Не встречая одобрения своих действий со стороны Московского общества, Постников решил ослабить его путём образования в Москве второго общества эсперантистов. С этой целью он специально приехал в Москву 28 марта и, объединив нескольких московских единомышленников, почему-либо неудовлетворённых работой Московского общества эсперантистов, в присутствии 12 человек открыл "Московское отделение Российского союза эсперантистов", чьим представителем был объявлен уже упоминавшийся А.И.Прагер. Этим действием он ещё подлил масла в огонь и ясно показал ценность всех "отделений" Союза. Большая часть комитета Московского общества эсперантистов кипела возмущением от Постникова.

Но что делать? Бойкот конгресса принёс бы Эсперанто-движению в нашей стране большой вред. Поэтому волей-неволей было решено по возможности поддержать конгресс. Из московских эсперантистов на конгресс поехали председатель М.С.Э. д-р Корзлинский, секретарь Р.Е.Менцель, я, В.Боднарский,

Девятнин, Валентинов, Тихомиров. Из других городов России поехало 18 человек. Кроме того на конгресс записалось 30 петербургских эсперантистов.

Участие в этом конгрессе представляется мне самым неприятным моментом всей моей работы на эсперантской ниве. Насколько приятны воспоминания о конгрессах в Женеве и Кембридже, настолько неприятно мне вспоминать эту "публичную демонстрацию нашей идеи". Все участники ощущали "раскольнический характер" конгресса и это подавляюще действовало на их идейный энтузиазм.

Уверяя в несомненном успехе конгресса, Постников уговорил приехать на него самого маэстро. Тот приехал и, вероятно, не раз потом каялся в содеянном. Несомненно он сразу заметил отсутствие единодушия и попробовал своим авторитетом примирить разные партии, но корни вражды залегают иногда очень глубоко. Глубинной почвой для них является честолюбие и из него в нашей стране позже, как я далее расскажу, вырос и расцвёл очень вредный цветок.

Петербургский конгресс проходил с 3 по 8 мая по новому стилю и выработал несколько резолюций, но большая их часть осталась неосуществлённой, ибо они не имели главной основы для реализации — денег. С другой стороны, вскоре возникли обстоятельства, заставившие совсем забыть об этом конгрессе. У меня лично конгресс оставил такое впечатление, что вернувшись из Петербурга в Москву, я, как редактор "Ла Ондо дэ Эспэранто", аллегорически прореагировал на внутреннюю сторону конгресса статьёй "Поучительная история. Грязная сторона Эсперантиды". В ней на основе опубликованных документов были подробно описаны раздоры между эсперантскими партиями в Румынии. К счастью, в нашей стране подобные раздоры разрешились внешними силами... История этого такова.

Как я уже говорил ранее. созванный в Петербурге "конгресс" не имел никакой финансовой базы. Установленные взносы участников конгресса дали только 130 рублей. Касса Российского союза эсперантистов была пуста. Расходы на помещение, в котором проходили заседания "конгресса", оплатил д-р Корзлинский из Москвы. Другие расходы частично были оплачены деньгами, полученными от продажи книг, данных на комиссию мною и другими издателями, но большей частью производились в долг. Отчёт о "конгрессе" должен был появиться в очередном номере "Русланда Эспэрантисто", но типография Сойкина, в которой в кредит печатали предыдущие номера журнала, отказалась продлить кредит. Журнальный отчёт о "конгрессе" был напечатан только в апрельском номере "Ла Ондо дэ Эспэранто". Что касается журнала "Русланда Эспэрантисто", то для него "конгресс" оказался могилой, в которой нашёл своё убежище последний его № 2–3, вышедший перед конгрессом.

Не найдя доверчивого печатника, г-н Постников начал искать другой путь, чтоб о нём говорили и писали. В этом же 1910-м году с 14 по 20 августа должен был пройти VI-й Всемирный конгресс эсперантистов в американском городе Вашингтоне. Г-н Постников воспользовался этим случаем, посетил российское

Министерство торговли и промышленности и каким-то образом сумел убедить его руководство, чтоб оно делегировало его на конгресс в качестве официального представителя министерства.

Но не буду, опережая события, дальше рассказывать о предстоящей деятельности Постникова в Петербурге и Америке и вернусь к нашей ежедневной работе в Москве. Должен искренне признаться, что "конгресс" несколько остудил наши прежние взаимно-братские чувства, что царили до "конгресса" между всеми его участниками. Но всякая напряжённая работа притупляет горькие чувства и мы, после нормализации наших нервов, вскоре вошли в свою колею. Однако, как в ходе "конгресса", так и теперь я должен был часто играть роль миротворца в атмосфере разных духовных течений и антагонизмов. Моей первой заботой было окончание составления Полного русско-эсперантского словаря, начатого 2 года назад д-ром Корзлинским, Менцелем, Смирновым и Ступиным.

Поначалу эта четвёрка работала слаженно, но скоро выяснилось, что коллектив недостаточно силён, ибо состоит из неравносильных и неодинаково думающих элементов. Через несколько месяцев совместная работа достигла такой степени, что появилась опасность развала. К счастью, окончательное редактирование словаря принял на себя сам автор языка и это спасло дело. Инициатором словаря и источником денежной поддержки был д-р Корзлинский, главной рабочей силой был Р. Менцель, а второстепенными помощниками были г-н Г. Смирнов и г-н А. Ступин. Г-н Ступин, как человек многосемейный и перегруженный собственной работой, не мог быть очень полезным для работы над словарём, а г-н Смирнов был чересчур честолюбив и не выносил критики д-ра Корзлинского. В результате оба они, Ступин и Смирнов, фактически прекратили сотрудничать в словаре и остались только Корзлинский и Менцель. Но петербургский конгресс так повлиял на них обоих, что они совершенно не могли спокойно разговаривать друг с другом. Чтобы закончить словарь, я вынужден был пригласить их для совместной работы на нейтральную территорию — в свою комнату, и только здесь словарь смог родиться.

Осенью словарь уже напечатали, переплели и сдали на хранение в наш магазин. Это сильно укрепило магазин финансово и морально, ибо издатель словаря д-р Корзлинский представил нам очень благоприятные условия продажи. Кроме того, полный словарь весьма облегчил русским использование нашего языка, явился побудителем более серьёзного его изучения и новых заказов эсперантской литературы. В то же самое время магазин осуществил второе издание полного учебника эсперанто Т. Щавинского, написанного специально для русских. Теперь магазин был полностью вооружён средствами обучения. Его клиентура всё время росла. Магазин уже знали почти все русские эсперантисты. Он обладал многими адресами. Но было очень интересно более или менее точно узнать число всех русских единомышленников.

Об этом спорили и на петербургском конгрессе, и он поручил магазину издать по возможности полный российский адресник. Выполняя это пожелание, мы попросили, чтобы задачу сбора адресов взял на себя председатель Московской студенческой группы В.С.Боднарский, который сделал это очень старательно и аккуратно. Должен сказать, что этому единомышленнику наше движение в среде русского студенчества того времени обязано очень многим. Он варился в котле нашей идеи и всегда предпринимал что-то для её триумфа. Благодаря ему при Московском университете была основана Студенческая группа эсперантистов, которая под его руководством ревностно пропагандировала Эсперанто среди студентов, вывешивая на стены объявления о нашем языке, устраивая лекции о нём, организуя беседы, побуждая к активности уставших или инертных. Благодаря Боднарскому я нашёл более подходящее жильё в Лубянской проезде, 3, и переселился туда.

После получения разрешения на открытие Московского Института Эсперанто встала очень важная задача реализации этого разрешения, т. е. где взять для него надлежащее помещение, нужных преподавателей и т. д. До сих пор я жил в маленькой комнате из числа меблированных в том же самом доме, в котором размещался книжный магазин. Разрешение заставило меня задуматься о новом помещении, где можно было бы найти место для меня и института и которое имело бы более или менее престижный вид. Но такое помещение стоило очень много в сравнении с нашими средствами.

Пока я над этим ломал голову, В.Боднарский, который со многими другими студентами почти ежедневно бывал в нашем магазине и являлся как бы нашим сотрудником, прочёл в газетах объявление о сдаваемой хорошей квартире в центре Москвы по Лубянской проезду, 3. Он сразу же обратил на неё наше внимание и узнал о цене; последняя составляла 150 рублей в месяц — абсолютно вне наших возможностей. Что делать?

Так как в то время в Москве слаженно работали магазин, журнал, Московское общество эсперантистов, Московская студенческая группа и региональный уполномоченный УЭА Ст. Шабуневич, то все мы решили объединить силы и снять это помещение для совместного использования. В результате в августе 1910 г. сначала я, а в сентябре — Московское общество эсперантистов переселились в новое помещение из 6 комнат и кухни с чуланом. Туда же был перемещён весь тираж словаря Корзлинского, занявший почти целую комнату. В новом помещении начался новый период эсперантской жизни в Москве, период, который по праву можно было бы назвать самым блестящим в истории Эсперанто-движения в России в первом полувековом существовании Эсперанто.

В этой квартире была одна большая комната, где Московское общество эсперантистов впервые организовало еженедельные собрания, на которых все обязательно должны были говорить на Эсперанто. Это давало прекрасную практику устного использования Эсперанто. Собрания посещали молодые люди, люди среднего возраста и старики, важные и простые работники,

мужчины и женщины. Молодёжь привносила свой энтузиазм, старики несли опыт, люди среднего возраста — силы. Здесь устраивались выставки, рукописные журналы, конкурсы, театральные постановки, собирались вырезки из русских газет и журналов, писавших об Эсперанто, и т. д. Комната всегда была полна. Число посетителей никогда не было меньше 30, а иногда превышало даже 100 человек. Это было место, где выковывались наши будущие активисты.

Почти всегда собрания посещали члены Московского общества эсперантистов Айспурит, Александров, Анисимов, Августин, Артёмов, Баженов, Басов, Булочкин, Былинский, Боднарский, Бреслау, Богенский, Бакушинский, Бушуев, Частопёров, Дешкин, Демидюк, Дуленкова, Данцигер, Ерошенко (слепой), Фридрихсен (Индра), Футерфас, Габрик, Голев, Хохлов, Хаджимирянц, Истомина, Иванов, Иванов-Калянов, Ярмолевич, Йодко, Жаворонков, Желтов, Житкова, Киселёва, Ковнер, Коростелёв, Котзин, Котзина, Клем, Камоликов, Клейст, Корзлинский, Кох (братья), Косминков, Кратохвила, Ландышева, Ладнов, Линдквист, Любимов, Менцель, Михайловский, Мальцева, Малофеев, Маслённикова, Некрасов, Образумов, Орлова, Оттесен, Обручев, Пятницкий, Пудовкин, Протопопова, Панкратов, Романович, Рахамяги, Разумникова, Рейнштейн, супруги Смирновы, Семионтовская, Симов, Строганов, Ступин, Судакевич, Степанова, Скальский, Шаропова, Шавковский, Шидловский, Шабуневич, Шамшев, Шульц, Шеенко, Шабарин, Тадеосьянц, Тупицын, Топорнин, Валентинов, Владимиров, Виноградов.

Как электрическая катушка индуцирует электроток в соседней катушке, точно так же участники собраний действовали один на другого, побуждая друг друга к дальнейшей работе. Часто во время собраний рождались идеи, которые затем, воплотившись, давали прекрасные результаты: то публичную лекцию, то концерт, то пропагандистскую статью в газетах, то интервью и т. д.

В этой квартире 4-го октября 1910 г. был открыт Московский Институт Эсперанто, официально зарегистрированный в качестве частного учебного заведения. Его руководителем А.Сахаровым первыми преподавателями были утверждены д-р Шидловский, д-р Корзлинский, Г.Смирнов, С.Шабуневич и г-жа Габрик (преподавательница института девиц). Начало работы института было положено на манер московского книжного магазина. Я шёл так, как идут по тонкому льду: ведь каждый неосторожный шаг мог погубить всё дело.

Прежде всего встал вопрос, как оплачивать работу преподавателей. Хотя никто из них не сказал ни слова о гонораре, всё же они ведь должны тратить свои силы и время. Курсы естественных языков компенсировали все расходы, обязывая учащихся оплачивать уроки. Но там знание языков давало учащимся некоторые практические преимущества. В совершенно других условиях находился наш институт. Его учащимися могли быть только идейные и большей частью небогатые люди. Принимая это во внимание, мы установили, что каждый курсант будет платить 4 рубля в месяц, курсант из учащихся — 1 рубль, и 10 рублей за полученный диплом. Мы ясно видели, что эти доходы никоим

образом не смогут покрыть всех расходов института, но открытия такого учебного заведения требовали интересы нашей идеи. И главной финансовой базой института стал наш московский книжный магазин.

Итак, первые шаги института носили семейный характер. Как в начале работы книжного магазина его основой была моя книга "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой", так первым резервом института были постоянные посетители магазина и Московского общества эсперантистов. Первые уроки 4-го октября я дал четверым записавшимся курсантам из завсегдатаев магазина и Общества. Они уже знали Эсперанто, но желали усовершенствоваться и затем получить свидетельство института. Уроки проходили живо, курсанты остались довольны. За ними последовали другие. Скоро в институте сформировалось несколько групп, в которых преподавали А.Э.Айспурит, О.Г.Габрик и Шабуневич. Таким образом новое предприятие пришло в движение. Коллектив преподавателей выработал программу, по которой должны были проверяться лица, желающие получить диплом о знании начального и высшего курсов. Но в 1910 г. никто из курсантов не отважился держать экзамен, ибо дело было абсолютно новое и каждый боялся предполагаемой строгости экзаменаторов.

Здесь я должен выразить особую благодарность своему сотруднику Александру Эд. Айспуриту, который с первых дней стал подлинной душой института. Он был секретарём заседаний педагогов, организатором групп, руководителем курсов, хозяйственником, кассиром и, наконец, примирителем разных мнений. Усерднейшим образом работая в институте, он никогда не отказывался помочь работам в журнале, магазине и Обществе. Одной из главных его заслуг перед Эсперанто-движением являлось то, что, будучи в среде эсперантистов, он никогда не говорил на другом языке, кроме Эсперанто, а говорил он превосходно; слушая его, люди легко вдохновлялись и тоже начинали говорить на Эсперанто. Благодаря ему и ещё нескольким молодым людям, а также объединению в одном помещении Московского Института Эсперанто, Московского общества эсперантистов и редакции "Ла Ондо дэ Эспэранто", эсперантская жизнь в Москве очень оживилась.

Председатель Общества д-р Корзлинский подарил Обществу очень хорошую мебель и даже пианино. Теперь там можно было устраивать музыкальные и вокальные выступления. Первыми руководил Александров, а вторыми адвокат Анисимов. Молодёжь устраивала весёлые игры. Издавался даже рукописный журнал, в котором пробовали свои перья новые литераторы. Самых сильных из них мы привлекали к сотрудничеству в "Ла Ондо дэ Эспэранто". Таким путём в его редакцию пришли новые сотрудники А.Э.Айспурит, Б.И.Котзин, С.В.Обручев.

Поскольку в этом году секретарь журнала Р.Менцель заканчивал курс университета и должен был много работать по подготовке к экзаменам, он попросил освободить его от секретарских обязанностей. Из-за этого октябрьский номер пришлось готовить мне одному. Но я не мог одновременно управлять институтом, редактировать журнал и руководить магазином. Поэтому

для подготовки ноябрьского и декабрьского номеров я на пробу пригласил в редакционный комитет юношей Айспурита, Котзина и С.Обручева. Все они были способными стилистами, но во многих случаях проявляли склонность к спорам. Так как к этому времени Б.И.Котзин уже закончил университет и стал помощником адвоката, т. е. был свободнее других членов комитета, я воспользовался случаем и организовал редактирование журнала таким образом, что за литературное содержание должны были отвечать двое — Б.Котзин и С.Обручев, а перед правительством, финансово и по закону — я один.

Ввиду растущего оборота торговли в магазине я нашёл возможным выплачивать Б.Котзину, как главному редактору, за его постоянную работу в редакции тысячу рублей в год. Таким образом журнал мог уже издаваться более серьёзно и утратил любительский характер.

Но чтобы любой журнал мог держаться крепко, он не должен приносить убыток своему издателю. Такое состояние обычно зависит от числа подписчиков и количества платных объявлений. Мы ещё не могли надеяться получить много объявлений, т.к. их обычно предпочитают подавать в многотиражные журналы, а наш журнал имел только около тысячи подписчиков. Для того, чтобы увеличить число подписчиков, мы решили в 1911г. давать в качестве бесплатного приложения к журналу две книги: 1) 3-й том полного собрания сочинений В.Н.Девятнина, уже изданный в 1909 г., и 2) новое оригинальное сочинение нашего алжирского единомышленника А.Ривьеры "Эн Русуйо пэр Эспэранто" (в России при помощи Эсперанто). Поскольку общие затраты на издание журнала превысили 3500 рублей (зарплата редактора, стоимость приложений, бумаги и печати, почтовые расходы), нам надо было иметь для безубыточности издания около 2000 подписчиков. Конечно мы старались достичь этого числа, однако оно постоянно убегало от нас.

Поэтому два наших предприятия — журнал и институт — жили за счёт магазина, но это нас не слишком огорчало, ибо в каждом номере журнала содержались объявления магазина о поступивших в продажу новых книгах, объявления об институте, Обществе и т.д., что значительно увеличивало их клиентуру и вообще способствовало пропаганде нашей идеи. Что касается магазина, то он продолжал безостановочно расти. Напечатанный в 1910 г. каталог содержал уже 16 страниц, в нём было объявление о восьми наших собственных изданиях и о двух хранящихся у нас полных тиражных комплектах словарей.

Хотя мой главный помощник Д.П.Романович должен был на несколько месяцев выехать из Москвы в Казань на воинскую службу, а заменяющий его бывший преподаватель Боголюбов не был, так сказать, "от природы" приверженцем нашей идеи, всё же он довольно быстро освоил наш язык и магазинную технику. Поэтому магазин работал уже как довольно крепкое заведение, имел, помимо меня, трёх оплачиваемых работников и мог функционировать независимо от того, кто в нём в то или иное время работал. В таком состоянии мы встретили 1911-й год.

1911 г.

В первом номере "Ла Ондо дэ Эспэранто" за 1911 г. я дал отчёт о нашем движении в 1910 г., где написал, что в этом году было продано и роздано 60000-100000 учебников Эсперанто. Если бы каждое семя дало всходы, у нас был бы хороший урожай. Но жизнь говорит другое. Наш журнал никак не мог приобрести желаемых 2000 подписчиков. Наш соредактор Б.И.Котзин не жалел сил для достижения этого. Чтоб побудить единомышленников увеличить подписку, мы стали печатать в каждом номере портреты эсперантистов, больше других работавших и делавших что-то для нашей идеи. Кроме того, мы очень широко использовали обменные операции, предлагая разным эсперантским журналам и авторам-издателям печатать объявления о нашем журнале в обмен на объявления о других периодических изданиях или сочинениях в "Ля Ондо дэ Эспэранто".

Несмотря на все усилия и то, что наш журнал был в России единственным эсперантским средством информации, журнал давал некоторые убытки. Но он являлся мощной силой, толкавшей вперёд наше движение. Он являлся зеркалом, в котором можно было видеть всю эсперантскую жизнь в России. К сожалению, эта жизнь, очень светлая и бурная в начале года, сильно потускнела через несколько месяцев.

На петербургском горизонте появилась туча, источником которой был капитан Постников, о котором я говорил выше. Я тогда говорил, что петербургский "конгресс" был устроен Постниковым абсолютно не обращая внимания на финансовую базу. Часть расходов была оплачена д-ром Корзлинским, часть — нашим магазином. Таким же манером он устраивал и другие начинания — Союз и журнал "Русянда эспэрантисто". Когда в марте 1911 г. состоялось общее собрание Союза, на котором присутствовало только 38 петербургских членов, был зачитан финансовый отчёт, согласно которому за два года, 1909 и 1910, доходы Союза составили 1009 рублей, а расходы — 2813 рублей. О недостающих в балансе 1804 рублях было сказано, что их в разное время предоставил г-н Постников. Другими словами, эту сумму Постников остался должен разным лицам и фирмам, которые ему доверяли как председателю Союза. Я точно не знаю, что предпринял Постников, чтобы вывернуться из финансового затруднения, но после "конгресса" действия его были следующими.

Используя доверие высших чиновников к себе как абсолютно политически благонамеренному офицеру, Постников получил разрешение, датированное 17 апреля 1910 г., основать другую грандиозную по планам организацию "Унивэрсаля лиго" (всемирный союз). § 1 устава этого Союза говорит: "Унивэрсала лиго является общемировой организацией, ставящей целью пропагандировать идею объединения всех государств". Не знаю сколько русских стало членами этого Союза, но думаю, что не более 10 человек. Приблизительно в то же время Министерство торговли и промышленности поручило ему принять участие в VI-м Всемирном эсперантском конгрессе в

Вашингтоне в качестве представителя министерства. На путевые расходы ему дали 300 руб.

Из России на конгрессе были только он и наш маэстро. Постников считал себя представителем эсперантистов России и в этой роли даже предложил, чтобы VIII-й Всемирный конгресс был проведён в России, хотя многие российские организации по этому вопросу не опрашивались. Кроме того, с этим предложением не был согласен даже маэстро. Редакция "Ла Ондо дэ Эсперанто", давая в сентябрьском номере за 1910 г. отчёт о конгрессе по информации из совершенно других источников, напечатала на стр.7: "Предлагаем наш журнал к услугам г-на Постникова, чтобы он мог опубликовать в нём отчёт о своих действиях на VI-м конгрессе в качестве представителя российских эсперантистов". Но он этого сделать не пожелал и только в апреле 1911 г. отдельной брошюрой вышел его отчёт перед Министерством торговли и промышленности, где, между прочим, читаем: "Язык Эсперанто начинают применять на практике не только отдельные эсперантисты и их организации, но также неэсперантские организации; например, созданное в России и утверждённое в Петербурге неэсперантское научное общество Унивэрсала лиго решило вести официальную зарубежную переписку на языке Эсперанто". Одновременно в той же типографии был отпечатан новый эсперантский журнал "Унивэрсала журнало" (всемирная газета), который в качестве редактора подписала жена Постникова М.М.Зике.

В новом журнале мы читаем, что 19-го августа во время Всемирного эсперантского конгресса Постников провёл отдельное заседание 1-й международной конференции Унивэрсала лиго. В "протоколе" заседания мы не обнаружили кто созвал заседание, сколько членов Союза на нём присутствовало, кто председательствовал. А в резолюции собрания записано:

"1. В качестве типового устава для всех частей Унивэрсала лиго рекомендуется первый устав Унивэрсала лиго, утверждённый русским правительством 27-го апреля 1910 г.

2. Центральный офис Унивэрсала лиго находится в Петербурге (Россия).

3. Центральный офис устраивает конкурсы с премиями.

4. Следующая конференция будет проведена в Антверпене во время VII-го Всемирного эсперантского конгресса.

5. Желательные темы конкурсов: а) Для чего необходимо объединение всех государств? б) Как можно навсегда устранить международные войны?"

Далее читаем об условиях конкурсов:

"1. Установлены: первая премия в 100 руб. и вторая — в 50 руб.;

2. Сочинения можно писать на русском, французском, немецком, английском языке и на Эсперанто;

3. Сочинения на конкурс следует направлять в закрытом конверте в Центральный офис Унивэрсала лиго (Россия, Петербург, ул. Введенская, 22, кв.9) не позднее 1 (14) мая 1911 г.;

4. Результаты конкурса будут объявлены 1-го июня 1911 г. в прессе, после чего авторы премированного сочинения смогут получить деньги в Ц.О.У.Л.;

5. Для рассмотрения сочинений Центральным комитетом русского отделения Унивэрсала лиго будет приглашено специальное жюри из представителей научных кругов и общественных учреждений".

6,7,8,9. Другие подобные условия...

"Примечание: Унивэрсала лиго образует специальный фонд организации ежегодных конкурсов. Лиц, благосклонных к целям УЛ, просят направлять денежные пожертвования по адресу: Россия, Петербург, Государственный банк, Екатерининский 32, В.К.Гвоздеву (для конкурса)."

Я дословно процитировал оговорки "протокола" и условия конкурса, чтобы можно было полно судить о предприятии, зная, что основатель помимо тысячерублёвых долгов ничего не имеет в кармане.

Конечно опытные детективы царского режима, прочтя эти строчки, сразу спросили себя: 1) Кто присутствовал на заседании 19 августа 1910 г. в Вашингтоне? 2) Кто даёт средства на поддержку столь крупнопрограммной организации, как разрекламированный Унивэрсала лиго и на его премии? Для удовлетворения своего любопытства они тут же произвели тщательные полицейские обыски в квартирах лиц, связанных с УЛ и капитаном Постниковым, а именно: у Постникова, Евстифеева, Берингер, Зике, Буркова, Волковысского, Барабановой, Трапезниковой, Косьянковской и в "Русланда эсперантисто". В результате из всех названных лиц был арестован только Постников, который занял "скамью подсудимых".

26-го августа 1911 г. завершились заседания военного суда и было оглашено следующее решение: "Военно-окружной суд под председательством генерал-лейтенанта Кириллина, заслушав дело уволенного копитана А.Постникова, 31 года, установил, что он виновен в передаче документа военным агентам Австро-Венгрии, Германии и Японии; австрийский агент кроме того получил одно сообщение. Вышеназванные документ и информация в целях внешней безопасности России должны были храниться в секрете от упомянутых государств. Постников получил денежное вознаграждение от австрийского агента, зная, что переданные сообщения должны были сохраняться в секрете от упомянутых государств. Поэтому, на основании первой части 111-й статьи, суд постановил: Постникова лишить чинов, орденов, нагрудного знака, прав состояния и осудить на 8 лет каторги с последствиями по статьям 16, 23, 25, 28, 29, 30 и 31 уголовного уложения".

Этот судебный процесс нанёс сильный и болезненный удар по нашему движению. О нём писали все русские газеты, вместе с Постниковым во всевозможных преступлениях обвиняли всех эсперантистов. Писали, что Эсперанто является ширмой для сокрытия уголовных дел. Особенно нападали на Эсперанто правые газеты. Например, ежедневная газета "Свет" даже писала, что Эсперанто выдумали католики в целях истребления православной веры и т. д. Из-за подобных клеветнических обвинений министр внутренних дел в

сентябре 1911г. совсем закрыл Русланда Лиго Эсперантиста с филиалами. Остались действовать только эсперантские общества, работавшие самостоятельно, не признавая Союз, такие как московское, ковненское (Ковно — прежнее название г. Каунаса в Литве), тифлисское, варшавское. Однако многие эсперантисты, особенно из государственных служащих, прочтя в русских газетах клеветнические статьи об Эсперанто-движении, стали избегать участия в эсперантских кружках и даже скрывать, что они эсперантисты.

Наш журнал "Ла Ондо дэ Эсперанто" вынужден был приложить большие усилия для убеждения легковерной публики в том, что преступление Постникова лишь случайно связано с Эсперанто, что подобные преступления были всегда и везде и это не значит, что вся нация, которой они касаются, тоже является преступной. Для реабилитации нашего движения в № 9-10 нашего журнала была напечатана большая статья о процессе над Постниковым, где было подробно описано поведение обвинённого. В заключительной части статьи было сказано: "Постников совершил двойное преступление: 1) по отношению к государству, 2) по отношению к Эсперанто, ибо он не мог не предвидеть, какой удар поразит эсперантистов, если председатель Союза будет обвинён в предательстве." Статью, подписанную "Веруло" (правдивый), написал Б.Котзин. Он это сделал как адвокат нашего движения, но по моей просьбе в сноске добавил, что "некоторые факты заставляют предполагать, что Постников ненормален." Лично я убеждён, что он действительно был человеком нервно-ненормальным, почти сумасшедшим. Было бы интересно узнать подробности процесса, но, к сожалению, суд не был открытым.

Постников был в заключении с 1911 до 1917 или 1918 года, когда, после революции 1917 г., он был освобождён вместе со многими политическими арестантами царского режима. Но видно тюрьма его не изменила. Не знаю почему, но уже вскоре, при коммунистическом режиме, его снова арестовали и на этот раз он получил более суровое наказание — расстрел. Вспоминая его, я часто себя спрашиваю, к какому типу относится этот человек? Был ли он "человеком идеи фикс", карьеристом или чрезмерно амбициозным человеком? Я не могу судить о нём как о простом жулике, ибо не располагаю для этого данными. Если бы он пожелал сделать карьеру с помощью Эсперанто, то будучи человеком неглупым должен был понимать, что в условиях царского режима в высших кругах Эсперанто рассматривался в общем в качестве несерьёзного развлечения. Я склонен думать, что это был человек, захваченный идеей всеобщего языка. Одновременно он желал обязательно быть генералом движения. Для этого он собрал армию — Русланда Лиго Эсперантиста. Собрав армию, он предпринял разные походы. Но они требовали денег. Членские взносы были слишком жалки. Где же взять денег? Поначалу займы давали разные кредиторы, но этот источник не безграничен. Что делать дальше? Не принять ли предложения соблазнитель — военных шпионов? Почему бы не сделать этого для форсирования идеи? И как об этом узнают? Ну, ладно, хорошо! За его поездкой в Америку, его Унивэрсала лиго уже пристально

наблюдали опытные детективы... Преступление было установлено и...русский эсперантский Наполеон получил свой остров Св. Елены. Весьма поучительный пример для многих.

На нас свалилась задача исправления результатов его походных экспериментов. С этой целью мы попытались показать в нашем журнале, что среди приверженцев нашего языка есть лица, которые никак не могут быть заподозрены в государственных изменах, например, генералы, коммерсанты, священники, университетские профессора и т.д. Портреты таких людей печатались на первых страницах каждого номера журнала. Одновременно мы тратили более значительные суммы на объявления о магазине, институте и журнале в разных русских периодических изданиях. На тумбах для объявлений в Москве мы расклеивали платные объявления о курсах Эсперанто в институте.

Благодаря этому публика всё время читала о нашем языке и видела, что Эсперанто живёт и прогрессирует. Поэтому число наших клиентов не уменьшалось, а непрерывно росло. Даже самое юное учреждение — курсы — сделало большой шаг вперёд. Среди курсантов после долгого колебания наконец нашлись два пионера, которые отважились пойти на экзамен для получения дипломов по специальному (преподавательскому) курсу. Это были студенты Московского университета В.Жаворонков и В.Оттесен. 2-го октября была создана комиссия, состоявшая из меня, Н.Корзлинского, Г.Смирнова, С.Шабуневича и К.И.Шидловского. Для письменного экзамена дали тему "Автобиография", которую экзаменуемые должны были раскрыть за один час. Затем их экзаменовали устно в рамках программы института. Оба достаточно хорошо написали автобиографии и дали удовлетворительные ответы на устные вопросы. 8-го октября комиссия присудила обоим желаемые дипломы.

Не согласился только один из экзаменаторов. По его мнению, дипломы могли получить только те, кто знает наш язык идеально. Но большая часть комиссии обратила внимание на то, что если бы все так думали, то лишь немногие заканчивали бы учебные заведения, а что касается нашего института, — никто бы в дальнейшем не желал экзаменоваться и это убило бы институт. К счастью, его мнение было единственным и не смогло отпугнуть других соискателей. В течение всего года в институте было 14 групп.

Таким образом всюду мы чувствовали себя достаточно сильными. Наши предприятия были вроде скалы, о которую разбивались волны вражды, скептицизма, клеветы, предательства. Но скала — это скала, а не континент. Каждое живое существо стремится к большей стабильности. Наши развившиеся предприятия ясно показали, что моего небольшого капитала совершенно недостаточно для всестороннего подталкивания нашего движения. Нам надо бы было осуществить многие полезные издания в разных областях науки и практики, увеличить число оплачиваемых сотрудников, но для этого нужны были деньги и деньги. Кроме того, меня никогда не привлекало название капиталиста и коммерсанта. Эти названия всегда предполагают некоторую эксплуатацию человека человеком. Я бы предпочёл, чтоб мои предприятия

стали общественными. Тем более, что я чувствовал и видел, что большая часть работы в моих предприятиях либо не оплачивалась (например, наших корреспондентов в журнале), либо почти не оплачивалась (в институте).

Это настроение подвигло меня напечатать в 1911 г. в № 4 "Ла Ондо дэ Эспэранто" статью "Практика плано" (практический план), в которой я предложил образовать в нашей стране акционерное "Общество книгоиздания и книготорговли" с капиталом в 100000 рублей. Для осуществления этого плана я хорошо изучил наше законодательство о подобных обществах, выработал устав общества и отпечатал его в большом количестве в виде брошюры под названием "Сигнифо дэ акцияй социэтой пор эспэранта мовадо" (значение акционерных обществ в Эсперанто-движении). В журнале и брошюре я приглашал единомышленников объявить о своём желании вступить в Общество. Номинальная цена одной акции составляла 100 рублей. Я предложил положить в основу Общества все мои предприятия. Но увы! Эсперантисты всегда были богаты идеями, но не деньгами. В течение 1911 и 1912 годов заявили о своём желании войти в Общество только 15 человек с общим взносом в 2000 рублей. Поэтому сбор 100-тысячного капитала мне пришлось отложить на будущее.

В ожидании того счастливого времени мы продолжали работать с теми средствами, которые имели в руках. Таким образом в 1911 г. наше издательство обогатилось новыми изданиями: 1) "Эн Русуйо пэр Эспэранто" А.Ривьеры, 2) "Ду раконтой дэ А.Чехов" (два рассказа А.Чехова) в переводе Б.Котзина и 3) "Кауказа каптито" (кавказский пленник) Л.Толстого в переводе А.Сахарова.

С этим "багажом" мы вошли в 1912 год.

1912 г.

"Успех окрыляет людей" — говорит русская пословица. Поскольку число подписчиков "Ла Ондо дэ Эспэранто" постоянно росло, мы отважились удивить подписчиков обещанием выслать им в качестве бесплатного приложения большой русский роман А.Толстого "Принцо Серебряный" (князь Серебряный) в переводе М.Шидловской. Мы смогли это сделать благодаря слишком благоприятным условиям, предложенным нам переводчицей и её братом К.И.Шидловским. Нужную для издания сумму они нам дали взаймы с тем, чтобы мы возвратили её позже из подписных поступлений по журналу. Книгу мы отпечатали тиражом в 3000 экз., намереваясь 2000 экз. отдать подписчикам, а 1000 продать.

Многие удивлялись, каким образом при неизменной подписной плате за журнал в 2 рубля мы смогли дать в качестве приложения толстую книгу ценой в 1,2 рубля. Но мы учли, что при тираже в 3000 экз. стоимость бумаги, печати и авторского гонорара не превышает 1/3 названной цены. Следовательно, издание книги, будучи для нас неприбыльным, всё же не явилось разорительным и, с другой стороны, увеличило доверие к нам.

Чтобы помочь забыть неприятную историю Постникова, вместе с нами более напряжённо работало также Московское общество эсперантистов. Нам хотелось, чтобы о нашем движении русская пресса вновь заговорила столь же благосклонно, как она это делала до уголовного процесса. С этой целью Московское общество эсперантистов ассигновало нужную сумму на приглашение и оплату дорожных расходов прекрасного швейцарского оратора Эдмона Привы, который уже не раз предпринимал пропагандистские поездки и всегда с большим успехом. Например, в 1907 г. он посетил Северную Америку и там впервые выступил в 250 городах США. В Вашингтоне его принял сам президент Рузвельт. В 1911 г. он с той же целью посетил многие города во Франции и Италии, причём получил аудиенцию итальянского короля. В 1912 г. он предпринял путешествие в Россию, осуществив по пути пропагандистские выступления в Праге (8 января), Дрездене (9), Бреслау (немецкое название польского города Вроцлав) (10), Кракове (12), Львове (15), Киеве (17) и Харькове (19).

20-го января он прибыл в Москву, 21-го было устроено публичное выступление в большом зале иностранных корреспондентов. Поскольку это выступление было хорошо разрекламировано в прессе и афишах, на нём присутствовало более 500 человек. Выступление Привы дополнили выступления на русском языке д-ра Корзлинского и адвоката Шафковского. Помимо этого был устроен хороший концерт. Вечер имел такой успех, что на следующий день шесть московских газет напечатали о нём самые благоприятные отзывы.

После Москвы Э.Прива успешно выступил также в Петербурге, где он удостоился аудиенции премьер-министра Коковцова. Эта аудиенция была для нас очень важна, ибо во время неё Коковцов заявил Э.Приве, что русское правительство никогда не смешивало процесс Постникова с Эсперанто, т. к. действия Постникова были военными преступлениями, а Эсперанто есть чисто научное дело. Это значительно сгладило влияние процесса на Эсперанто.

С другой стороны, реабилитации Эсперанто помог в Петербурге доклад нашего ковненского единомышленника А.М.Недошивина о Всемирном эсперантском конгрессе в Антверпене, на который он был официально делегирован министерством торговли и промышленности. Для изучения этого доклада, где среди прочего предлагалось ввести Эсперанто в программы средних и высших коммерческих училищ, министерство образовало специальную академическую комиссию, которая после оживлённого обсуждения решила разрешить преподавание Эсперанто. Таким образом подозрительность русского правительства к Эсперанто была несколько сглажена и мы могли работать спокойнее.

В это самое время появилось наше новое издание "Русланда адрэсаро" (русский адресник) под редакцией активного студента Московского университета В.С.Боднарского. По этому адреснику мы могли видеть где Эсперанто цветёт, а где вянет. Он показал, что больше всего эсперантистов

живёт в Москве (их имена занимают 8 страниц), а в 100 уездах из 500 не зарегистрировано ни одного эсперантиста. В эти области мы должны были бросить новые семена. С этой целью мы переговорили со многими книжными магазинами и предложили им на комиссию наши издания. Таким путём мы хотели приблизить нашу эсперантскую книгу к культурной части населения и иметь в провинции очаги, откуда эсперантские искры летели бы в разных направлениях окрест. Отыскать такие магазины нам помогли жившие там эсперантисты, например, усерднейший молодой человек Вс. Басов в Орле и т.д.

Вообще каждое наше новое предприятие опиралось на единомышленников, что придавало нам силы. В Москве — в нашем магазине, в нашем институте и в нашей редакции — всегда работали кроме меня Борис Исидорович Котзин (в качестве редактора "Ла Ондо дэ Эспэранто"), Александр Эдуардович Айспурит — студент математического факультета Московского университета (в качестве заведующего курсами в институте), Дмитрий Петрович Романович, вернувшийся из Казани и вновь занявший должность заведующего магазином. Все четверо мы жили в одной и той же квартире в Лубянском проезде, 3, и между нами царило полное согласие.

Не совсем гладко шла работа только в институте. В качестве яблока раздора были экзамены, которые должны были сдавать желающие получить свидетельства института. В 1912 г. экзамены держали И.В. Рахамяги, С.К.Шабарин, Д.П.Романович, А.И.Филатова, А.Г.Терникова и И.М.Коханов. Самыми строгими экзаменаторами были Ст. Шабуневич, О.Габрик и Г.И.Смирнов. Им обязательно хотелось, чтоб экзаменуемые давали самые лучшие ответы, абсолютно не обращая внимания на то, что во всех учебных заведениях применяются оценки знаний разной степени: превосходные, очень хорошие, хорошие, посредственные, плохие. Я и другие преподаватели находили, что даже только хорошие и достаточно удовлетворительные ответы уже достойны свидетельств института. Кроме того, если мы будем слишком строго относиться к экзаменуемым, никто не захочет подставиться под такую неприятность, не сулящую никаких материальных выгод в будущем. На этой почве происходили довольно острые споры. В конце концов разногласие достигло такой степени напряжения, что несогласные заявили о своём уходе из института. Вместо них в июле 1911 г. руководством института был принят М.А.Булочкин, чьи литературные работы неоднократно печатались в разных журналах.

К счастью, разногласия не повлекли за собой враждебные отношения и не приняли вредных форм, как это случалось иногда в политических спорах. Они только несколько нервировали нашу работу. В таких случаях я всегда предпочитал на время покинуть враждебную среду, ибо время является самой хорошей мельницей для любой вражды. Я решил несколько месяцев отдохнуть. В качестве места отдыха я выбрал родной по университету город Казань, в котором у меня было несколько знакомых и даже друзей. В марте 1912 г. я выехал из Москвы, передав все свои хозяйственные и административные

обязанности названным сотрудникам, и снял комнату с полным пансионом а одной из казанских гостиниц. Это освободило меня от всех домашних забот. В этой гостинице я уже останавливался 7 лет тому назад и там я писал свою первую книгу "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой". И на этот раз я нашёл для себя литературную работу.

В тот раз к написанию меня подтолкнули впечатления от русско-японской войны, а теперь — всевозможные внутренние распри, и в результате появился очерк из эсперантской жизни "Суперфорта амбицио" (одолевающая амбиция), героев которого я наблюдал в разных обстоятельствах своей жизни.

В Казани я пробовал найти прежних знакомых, но некоторые из них уже навсегда покинули нас. Особенно опечалило меня посещение жилища дорогого и ревностного сотрудника Павла Кирилловича Михалёва, студента Казанского университета. Там я застал только его вдову, которая, плача, рассказала мне подробности его смерти. Будучи студентом последнего семестра медицинского факультета, он ухаживал за больным, чью болезнь должен был наблюдать и описать в экзаменационной работе, заразился тифом и через девять дней умер. Об этом я поместил некролог в 5-м номере нашего журнала.

Пробыв в Казани около 2-х месяцев, я возвратился в Москву и нашёл всё в таком же порядке, как оно было до моего отъезда. В моё отсутствие произошло два важных публичных выступления московских эсперантистов: публичная лекция на Эсперанто о Калифорнии нашего американского единомышленника Пэриша с русским переводом А.Ступина и празднование 25-летия работы нашего сотрудника, профессора-филолога Московского университета Ром. Ф.Брандта, в ходе публичного чествования которого было получено много приветственных писем и телеграмм на Эсперанто. Об этих событиях и нашем языке русские газеты много писали и благоприятно отзывались. Это были очень весомые камни в основание нашего Эсперанто-движения.

Успехи нашего движения в Москве индуктивно влияли на единомышленников в провинции. Вскоре по возвращении в Москву я получил очень важное предложение единомышленника из Орла ветеринара Живописцева, владельца фабрики противооспенной лимфы, напечатать за его счёт несколько десятков тысяч пропагандистских эсперантских листовок с грамматикой и словарём с тем, чтобы он вкладывал их во все ящики с лимфой. За пожертвованные им 85 рублей мы напечатали 15000 пропагандистских материалов. Одновременно мы напечатали 10000 пропагандистских листовок с адресом магазина.

В то время вышла в свет изданная нами небольшая международная хрестоматия нашего усердного сотрудника А.Э.Айспурита с постатейным словарём на шести языках. Таким образом у нас имелись уже 16 собственных изданий и изданный в 1912 г. каталог магазина на 16 страницах. Это уже впечатляло и другие русские магазины обратили внимание на наш магазин как на значительное предприятие.

24–31 июля того же года в Москве проходил Всероссийский съезд книгоиздателей и книгопродавцов. Во время съезда работала книжная выставка, в которой участвовал и наш магазин. Эсперантскими книгами он занял одно из заметных мест выставки. Вместе с книгами были вывешены таблицы, показывающие распространение Эсперанто в мире. Это привлекло к Эсперанто большое внимание книжников. Я сделал доклад о необходимости скорейшего присоединения России к Международной почтовой конвенции, о международных респондкупонах, которые до сего времени не приняты на российской почте. Съезд единодушно одобрил доклад и вынес решение хлопотать об этом перед русским правительством.

Моё участие в этом съезде подвигло меня к новому предприятию. По "Русланда адрэсаро" мы видели, что перечень московских эсперантистов занимал 8 страниц, а петербургских — только 4, хотя Петербург был столицей России и имел вдвое большее население. Это различие я приписал основанию в Москве книжного магазина "Эсперанто" и института. Я подумал, что, если такие заведения появятся и в Петербурге, то они хорошо послужат нашему движению. В результате я начал хлопотать перед правительством, чтоб оно разрешило основать в Петербурге филиалы московских заведений. В июле я получил такое разрешение и передо мною встала новая забота, как это осуществить. В 1912 г. я был занят лишь изучением соответствующей конъюнктуры; она представлялась не слишком обнадёживающей.

Для открытия филиала нужно было иметь такого администратора, который хорошо знал бы наш язык, его историю и литературу; кроме того, он должен быть более или менее опытен в расчётах, в книготорговле и т. д. Наконец я ведь не мог выплачивать ему такое вознаграждение, которое полностью обеспечивало бы его жизненный уровень, даже если бы он был одинок. Далее стояла проблема с помещением. С одной стороны, оно должно находиться на людной улице, где можно было бы закрепить хорошо заметную вывеску и оборудовать наружную витрину (просмотровое окно или шкафчик), а, с другой стороны, не быть дорогим. Я долго ломал голову, подсчитывал и зондировал как бы всё устроить так, чтобы "не вылететь в трубу", как говорят в России о банкротствах. Основание филиала мы базировали на расчёте, что будем продавать в нём наши издания не менее, чем на 300 рублей в месяц. В общем проект был "прыжком в неизвестное пространство".

Ломая голову над проектом, мы не забывали главных "детей" — московские заведения. Как я уже говорил, мы снимали два помещения: одно на Тверской улице, 26, а другое — в Лубянской проезде, 3. На Тверской находился магазин и там в задней комнате, как Диоген, спал заведующий Д.П.Романович. Кроме него в магазине работали три мальчика: Алёша Трофимов, Василий Никифоров и Серёжа Колибанов. Все мальчики показали себя хорошими работниками, способными и верными. А.Трофимов был нашим аккуратным счетоводом, Вася и Серёжа были живыми и умелыми во всех отношениях помощниками. Все они хорошо выучили Эсперанто и часто служили для посетителей магазина представителями живого

языка. В помещении на Лубянском проезде А.Э.Айспурит руководил эсперантскими курсами института, а Б.И.Котзин полностью посвятил себя заботам о финансовой и литературной сторонах журнала "Ла Ондо дэ Эспэранто".

В марте 1912 г. наши заведения инкогнито посетил г-н Хютнер — издатель и редактор "Поля Эспэрантисто" (польский эсперантист) в Варшаве, — и вот что он написал об этом визите в 4-м номере своего журнала: "Объезжая Москву, я зашёл в тамошний эсперантский книжный магазин на Тверской, 26, чтоб купить несколько эсперантских книг, которые мне не удалось сыскать в Варшаве. Я предполагал найти здесь лишь эсперантский отдел какого-то русского книжного магазина и был весьма приятно удивлён, обнаружив довольно большой специальный эсперантский магазин, заполненный эсперантскими книгами, брошюрами, журналами и разными эсперантскими вещами, с персоналом из пяти человек, свободно говорящем на Эсперанто. Как сообщил мне владелец магазина г-н Сахаров, в магазине имеются книги на 19000 sm*. Ежедневно в провинцию отправляют книги в среднем на 40 sm. Магазин существует 4 года, значительно и постоянно расширяясь, и теперь может рассматриваться как крепко и самостоятельно преуспевающий. Развитие дела столь заметно, что нынешнее помещение уже недостаточно и г-н Сахаров приискывает более просторный магазин. Выразив своё восхищение опытными и энергичными работниками и руководителями, я пожелал им самых больших успехов. По любезному приглашению г-на Сахарова и других московских единомышленников я посетил просторное помещение Московского общества эсперантистов и института в Лубянском проезде. К сожалению, я не смог присутствовать на заседании, которое собирает многих дважды в неделю, однако сумел повидать там господ Сахарова, Айспурита, Романовича и супругов Котзиных и в их симпатичной компании почувствовал чарующую братскую атмосферу эсперантского дома.

Повидав столько людей, крепко верящих в будущее нашего дела и отдающих ему столько сил, основательную и живую работу и энергию, я простился с московскими единомышленниками с сердцем окрепшим, бьющимся сильнее и верящим больше, за что я с помощью "Поля Эспэрантисто" выражаю московским единомышленникам глубокую и сердечную благодарность. Януш."

П Р И М Е Ч А Н И Я:

Респондкупон — купон на получение почтовой марки на ответ.

Sm.(спэсмилло) = 1000 спэсо = 0,7333 гр. чистого золота (примерно 2,5 франка; 2 герм. марки; 0,5 амер. доллара; 0,95 рубля). Спэсо применялось некоторое время, начиная с 1907 г., для безналичных расчётов в эсперантском мире в рамках Международной вспомогательной денежной системы, предложенной Рене де Соссюром.

1913 г.

Наша квартира в Лубянском проезде состояла из 6 комнат, кухни и чулана возле кухни. Сначала 2 комнаты я сдавал неэсперантистам, но затем во всех комнатах жили уже только наши сотрудники: супруги Котзины, Айспурит, Романович. В январе 1913 г. мы решили объединить три заведения — институт, журнал и магазин — в одном месте и с этой целью переместить магазин в одну

из комнат нашей квартиры. Это мероприятие с финансовой точки зрения дало нам некоторую экономию и укрепило основу наших заведений, ибо таким образом контролировать торговую часть мне было удобнее, чем когда она находилась на другой улице.

Хотя с перемещением магазина мы утратили очень хорошее место на Тверской, всё же Лубянский проезд тоже находился в центре Москвы. Кроме того фасад дома позволял закрепить снаружи большие вывески по институту и магазину одновременно с двух сторон — со стороны Мясницкой и со стороны Лубянского проезда, — что внушающе действовало на прохожих. В квартире был свой телефон, связывавший нас со всей Москвой. Телефон висел на стене в магазинной комнате и его почти ежеминутное действие свидетельствовало о том, что наше движение не спит.

Наша квартира стала подлинным центром Эсперанто-движения. Наш адрес печатался во всех наших афишах, журналах, книгах, каталогах; поэтому любой интересующийся Эсперанто всегда мог получить нужную информацию по этому адресу. Люди видели в магазине заполненные эсперантскими книгами полки, а в соседней комнате — образцы почти всех 150 периодических изданий. Всё убеждало, что наш язык является "живым языком", и побуждало к изучению этого языка. С другой стороны, вся атмосфера этого помещения побуждала самих его работников к дальнейшим усилиям по углублению знания языка и его развитию.

Нашей пропаганде иногда мешали немногочисленные адепты языка Идо, которые с помощью рекламы "нового, улучшенного Эсперанто" подтачивали веру в прочность нашего языка и давали повод ленивым и пассивным людям оправдывать своё нежелание заниматься изучением Эсперанто. Мы решили бороться с этими раскольниками их же средствами, т. е. с помощью критики их устремлений. Эту задачу взял на себя наш сотрудник Б.И.Котзин, который специально изучил Идо и историю его возникновения. Результаты своего исследования он описал в вышедшей в июне 1913 г. книге "Хисторио кай тэорио дэ Идо" (история и теория Идо), которую издал наш магазин. В этой книге, встреченной всей эсперантской прессой и верными эсперантистами с большим энтузиазмом, были искусно подобраны многочисленные данные, опровергающие аргументы идистов. Это явилось как бы антитоксином от вредных нашему языку бактерий, который эффективно остановил их дальнейшее размножение.

В это же время я работал над таким учебником Эсперанто, который в одной книге содержал бы грамматику, ключ к ней, словарь и хрестоматию и по цене не отпугивал бы даже бедных покупателей. Этой работе благоприятствовала наша институтская библиотека, в которой были собраны почти все существующие грамматики русского языка и почти все национально-эсперантские учебники и словари. Первую часть учебника я назвал "Основной курс международного языка Эсперанто". Поскольку за книгу не нужно было платить авторский гонорар и печатали мы её огромным тиражом (30000 экз.), мы смогли

установить цену всего в 5 копеек. Это новое наше издание было встречено русскими эсперантистами также весьма благосклонно, ибо оно было создано специально для русских и содержало в себе всё необходимое для изучения языка. Идею издания такой книги нам внушила так называемая "красная брошюра", изданная в Париже известным издательством "Ашетт и Ко".

Для облегчения изучения Эсперанто с помощью этой книги я начал подготовку для неё ключа, который содержал бы более подробные разъяснения не вполне ясных грамматических правил и давал бы перевод упражнений с эсперанто на русский и с русского на эсперанто. Для недостаточно образованных учеников такая книга могла бы заменить преподавателя. Но подготовка учебника неожиданно была прервана телеграммой из Петербурга нашего давнего и ревностного русского единомышленника Н.П.Евстифеева.

Наши с ним отношения завязались сразу после появления моей книги "Сур войо аль кунфратиджо дэ пополой". Проживая в то время за границей, он тепло приветствовал эту работу, сразу заказал несколько экземпляров, и после того наша переписка продолжалась довольно долго. Лично мы познакомились в ходе 2-го и 3-го Всемирных эсперантских конгрессов в Женеве и Кембридже. В моей эсперантской жизни он сыграл довольно важную роль. Ему я обязан многими проектами и планами, которые, возможно, вообще бы не зародились в моей голове или, если бы и зародились, то там бы и остались неосуществлёнными. Что бы я ни предпринимал, я всегда находил его моральную поддержку. Он ободрял меня и одобрил основание книжного магазина, издание журнала, организацию института. Обладая большим красноречием, своими красивыми словами он всегда подталкивал меня вперёд и я не мог противостоять его аргументам. Я лишь удивлялся, почему он сам ничего не предпринимает?

С его слов мне было известно, что проживая в течение ряда лет за границей (в Болгарии, Швейцарии и т. д.), он истратил капитал, приобретённый в России, и если бы этот капитал он использовал более практично, то Эсперанто-движение могло бы получить дополнительные формы. Но, к сожалению, он не был рождён для этого. Истратив за границей почти весь свой капитал, часть которого, между прочим, он пожертвовал на нужды так называемой Делегации для принятия одного международного языка, совершенно не предполагая, что тем самым помогает рождению нового языка Идо, он в 1910 г. вернулся в Петербург искать какую-нибудь оплачиваемую должность. Там его ораторские способности неоднократно использовались Постниковым, но это не помешало ему продолжить хорошие отношения с московскими единомышленниками и со мной. В качестве сотрудника Постникова он имел "удовольствие" принять в своём доме полицейских агентов, которые тщательно осмотрели все его книги, рукописи, письма, и, не обнаружив криминала, оставили его на свободе.

Будучи членом Всероссийского союза эсперантистов, он стал членом также Общества вегетарианцев. Одолеваемый одновременно двумя идеями — эсперантской и вегетарианской, — он решил принести пользу обеим идеям сразу. Не раз наблюдая и слыша, что обычно любая столовая приносит

владельцу достаточно хороший доход, он решил снять в одном из домов на главной улице Петербурга большое помещение с окнами и выходом на улицу и устроить там с помощью вегетарианского повара и толстовца Дроздова общественную вегетарианскую столовую. Сперва снять это помещение хотел комитет Общества вегетарианцев, но колебался в нерешительности. Тогда Евстифеев, опасаясь как бы помещение не было снято другими, снял его за свой счёт. Сделавши это, он, вероятно, сам испугался своего смелого действия. В этом состоянии души он вспомнил, что я часто мечтал основать в Петербурге филиалы московских заведений. В результате я получил его телеграмму: "Немедленно приезжайте в Петербург организовывать филиалы магазина и института. Помещение на Невском снято. Евстифеев."

Эта телеграмма поразила меня словно гром. Я совершенно не был подготовлен к столь быстрым и рискованным действиям. Но что делать? Упустить благоприятный случай? Бросить друга в опасности? Я решил немедленно выехать в Петербург, чтоб собственными глазами увидеть что случилось. Взяв в банке в долг нужную сумму, 15 октября я купил билет и сел в поезд. Московские заведения остались под управлением Айспурита и Котзина (Романович в то время отбыл в Саратов для работы в русской газете, издаваемой его другом Сибриным).

Через 12 часов пути я уже был в Петербурге и в доме Евстифеева узнал подробности. Мы идём смотреть снятое помещение. Действительно оно очень хорошее, расположено вблизи главного вокзала в людном месте. На фасаде можно закрепить прекрасную вывеску и рекламный стенд. А как выглядит формальная сторона дела? Выяснилось, что по контракту помещение снимал Евстифеев, он же внёс предоплату, но на помещение претендует также комитет Общества вегетарианцев, одним из членов которого был Евстифеев. Если бы дело касалось только коммерции, могла бы явиться угроза судебного процесса. Начались переговоры между сторонами этого дела. Мне пришлось ждать чем они закончатся. Конечно, мне было бы приятнее, если бы владельцем помещения был признан Евстифеев. В этом случае мы были бы полными хозяевами и могли бы действовать как нам нравится.

Поскольку устройство вегетарианской столовой требовало довольно крупной суммы денег, которой Общество не располагало, помещение в конце концов уступили Евстифееву. Затем мы с Евстифеевым устно договорились, что он уступает мне одну из задних комнат под эсперантский книжный магазин, а в других комнатах будет устроена общественная вегетарианская столовая, которая будет работать днём. По вечерам в свободных комнатах можно проводить курсы Эсперанто.

Теперь мне надо было приступить к организации наших петербургских филиалов. Прежде всего надо было найти людей для руководства филиалом московского магазина и преподавания на петербургских курсах и одновременно позаботиться о стеллажах и мебели для магазина. Я не был капиталистом и должен был во всём действовать экономно.

Первые недели в Петербурге я жил в меблированных комнатах, а затем поселился в будущем петербургском книжном магазине. Там я своими силами установил стеллажи и прилавки перед ними, всё окрасил зелёной краской и магазин был готов. Для заполнения его книгами я попросил московских сотрудников прислать несколько ящиков с книгами. Получив их, я разложил книги по полкам и открыл магазин.

Но что делать дальше? Кто будет сидеть в магазине, когда я вернусь в Москву? Дело осложнялось. Много платить я не мог, а за небольшое вознаграждение никто не согласится тратить своё время. Среди петербургских эсперантистов самыми хорошими моими знакомыми, кроме Евстифеева, были инженер Дмитриев, Рахамяги, Щавинский, Иванов, Гайдовский, студенты Стоян, Дрезен. Все они по возможности пытались мне помочь, но всё было напрасно. Ведь нужный человек помимо других качеств должен был знать Эсперанто.

Наконец знакомые Евстифеева рекомендовали мне барышню Смирнову, которая закончила гимназию, но не могла найти какую-нибудь должность. Я дал ей несколько уроков Эсперанто, познакомил с техникой книготорговли и заключил с ней контракт. Контролировать её коммерческую и эсперантскую деятельность я попросил единомышленника Рахамяги. В качестве помощника барышне Смирновой я выделил мальчика Васю Никифорова из московского магазина.

Так был обустроен книжный магазин. Теперь мне нужно было организовать курсы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Эсперантские заведения в Лубянском проезде, 3, занимали квартиру № 34 с телефоном № 149-00.

2) Идо (это эсперантское слово означает "потомок, дитя") — вспомогательный язык международного общения, созданный в 1907 г. Луи де Бюфреном на базе Эсперанто. Широкого распространения не получил, но живёт до сих пор.

ОТКРЫТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ЭСПЕРАНТО

По тогдашнему российскому законодательству преподавать на курсах могли только политически благонадёжные лица, утверждённые местным попечителем учебных заведений. Поэтому мне нужно было найти людей, которые согласились бы стать преподавателями в филиале и которых бы утвердил попечитель петербургского округа. Согласие любезно дали Н.П.Евстифеев, инженер В.А.Дмитриев, д-р Немзер, Т.А.Щавинский и И.Рахамяги. Все они были утверждены кроме Евстифеева, в отношении которого полиция не дала нужного отзыва. Это очень огорчило и его и меня и не обещало ничего хорошего будущей работе курсов.

Как и в Москве, первые лекции (30/X, 2/XI — 1913 г.) прочёл лично я, 11-го ноября читал Рахамяги, 18-го — Дмитриев, и курсы заработали. Преподаватели на время моего отсутствия выбрали руководителем филиала В.А.Дмитриева, а секретарём — И.М.Рахамяги. Занятия посещали два, три, не более 4-х учеников. 17 декабря 1913 г. были организованы экзамены для Э.Дрезена и Л.Васильева, которые получили высшие дипломы (преподавательские).

Ради устройства магазина и курсов я пробыл в Петербурге более двух месяцев. В это время я много раз ходил на встречи петербургских эсперантистов и ближе познакомился с более активными из них. Я с благодарностью вспоминаю помощь наших единомышленников Евстифеева, Дмитриева, Немзера, Иваницкого, Стояна, Дрезена, Шишко, Цивинского, Саковича, Нозикова, Л.Васильева, Кремлёва, Недошивина, Гайдовского, Касаникова и др.

Услышав на одной из эсперантских встреч, что в Митаве (прежнее название г. Елгава в Латвии) группа идистов готовится в день памяти Лютера выступить с громкой пропагандой Идо, я решил осуществить поездку в этот город и со своей стороны тоже что-то сделать в защиту нашего языка. С этой целью я напечатал специальные листовки, в которых в сжатой форме опровергнул аргументы идистов и настроил публику против раскольников. Прибыв в Митаву, я обнаружил на стенах большие афиши, в которых идисты объявляли об устройстве в день Лютера публичной лотереи в пользу нового международного языка, а также танцевального вечера с концертом. Об этом были сделаны объявления также через местные газеты. Я сразу посетил редакции этих газет и попросил напечатать мои статьи против Идо. Кроме того я нанял несколько мальчиков для раздачи пешеходам специально отпечатанных опровергающих листовок и главных ключей грамматики Эсперанто. Это было хорошим противоядием от идистской пропаганды и остановило распространение инфекции. По крайней мере после идисты очень жаловались на это в своих малочисленных журналах.

По возвращении из Митавы я отчитался о своей поездке на собрании петербургских эсперантистов 26-го ноября, обращая внимание присутствовавших на это гнездо раскольников. Инициатором и ведущим идистской пропаганды в Митаве был лютеранский пастор Роуз, автор учебника Идо. В целях последующей борьбы с ним я передал на комиссию во все митавские книжные магазины учебники и словари Эсперанто. В результате одновременной пропаганды двух международных языков в Митаве почти пропал всякий интерес к нашей проблеме: очевидно публика решила подождать кто победит в братской борьбе.

После поездки в Митаву я пробыл в Петербурге ещё несколько недель, организовав за это время при филиале института эсперантскую библиотеку, содержащую более 700 томов. Теперь я посчитал мою задачу в Петербурге решённой, возложил дальнейшие заботы об организованных заведениях на

барышню Смирнову, В.А.Дмитриева и И.М.Рахамяги и в декабре выехал в Москву.

Должен признаться, что моё возвращение не было вполне радостным. В душе сидел какой-то червь, критиковавший мой новый военный ход на поле нашего движения. Я побаивался того, что довольно значительная сумма денег, изъятая из московских заведений, не полностью компенсируется пользой, которую принесут новые заведения. Но никакой военный ход не бывает без риска. Кроме того, когда я ещё был в Петербурге, я отметил значительное оживление тамошней эсперантской жизни. Об этом один петербургский корреспондент писал в январском номере "Ла Ондо дэ Эспэранто" за 1914 г.: "3-й этаж дома № 110 на Невском проспекте стал истинным петербургским местом Эсперанто. Кроме книжного магазина "Эсперанто" и Эсперанто-института (филиалы одноимённых московских заведений) там устроены офис УЭА, Коммерческое и промышленное информбюро и секретариаты обоих петербургских Эсперанто-обществ. Днём там бывает по крайней мере один хорошо говорящий на Эсперанто служащий (ибо магазин и информбюро имеют собственных профессиональных служащих), а по вечерам там бывает не менее двух встреч эсперантистов в неделю. Эти условия, как и близость к самому важному вокзалу, позволяют любому иностранному эсперантисту не ощущать информационных затруднений в Петербурге." Кроме двух эсперантских обществ в Петербурге действовали ещё 6 студенческих кружков, которые тоже группировались в этом же самом помещении. Эти факты были для меня важным утешением при мысли о возможных убытках. Ведь главной целью всех моих усилий был прогресс нашей идеи!

Вернувшись в Москву, я обнаружил такую же активную работу, что и 3 месяца назад. В ходе еженедельных встреч устраивались доклады, постановки или концерты. Словом, эсперантская жизнь кипела. В нашей квартире появились новые деятельные жильцы А.Клем и Г.Клейст. Но зато прекратил свою 100-процентную работу у нас Б.И.Котзин, который по наущению своей жены нашёл в новой отрасли промышленности — киноиндустрии — лучше оплачиваемую и более обнадёживающую на будущее работу. Из-за новой работы он уменьшил эсперантскую нагрузку почти на 50 % и вскоре снял собственное жильё на другой улице Москвы. Несомненно, это стало большим минусом для нашего движения, но мы стояли уже так крепко, что уход или отдаление того или другого сотрудника не могли потрясти наши заведения.

С внешней стороны редакционный состав не изменился, и тираж нашего журнала продолжал расти. Этому сильно способствовали бесплатные приложения "Эн Русуйо пэр Эспэранто" — в 1911 г., "Принцо Серебряный" — в 1912 г. и "Ориэнта альманако" (восточный альманах) — в 1913 г. В 1914 г. мы обещали подписчикам бесплатно дать карманный календарь, договорившись о совместном его издании с берлинским эсперантским издательством Мюллера и Бореля, не предчувствуя, что через несколько месяцев мы будем на многие годы разъединены как части двух воюющих между собою стран. Никто не мог

предвидеть катастрофы, которую вызвали несколько паразитов человеческого общественного организма, что для удовлетворения своих чрезмерных амбиций не останавливаются перед умерщвлением миллионов ни в чём не повинных людей. В то время как эти мерзавцы готовили разные орудия убийства людей, наши московские единомышленники в первую половину 1914 г. споро и дружно работали на общее благо человечества.

Эсперантская жизнь московского Общества кипела. Особенно оживляла её студенческая молодёжь. В субботние встречи устраивались разные доклады, ораторские или литературные конкурсы. Это было самой хорошей школой Эсперанто. Непременными активистами этих встреч были молодые Айспурит, Демидюк, Александров, Клем, Клейст, Ярмолович, Иванов, Косминков. Они словно торопились жить перед грядущей катастрофой. Между развлечениями не раз обсуждалось устройство в Москве третьего конгресса русских эсперантистов. В конце концов был избран оргкомитет этого конгресса, в который вошли профессора Московского университета Р.Ф.Брандт и И.И.Жегалкин, адвокат О.С.Анисимов, помощник профессора А.И.Пудовкин и я. Временем проведения конгресса определили 27/ХІІ-14 г. — 2/І-15 г. Выработали программу. Осталось получить разрешение правительства.

Мы уже начали обдумывать финансовую сторону конгресса, но главную часть организационных работ отложили до осени, на время после десятого всемирного конгресса в Париже. Этот конгресс обещал стать грандиозной манифестацией нашего языка: до июня на него записалось уже более 3000 человек, в том числе 66 из России. Открытие конгресса было намечено на 1-е августа, и многие русские уже выехали для участия в нём. И вот в тот момент, когда вся подготовительная работа была закончена и конгресс должен был открыться, внезапно была объявлена германская война, и главные организаторы конгресса, надев военную форму, должны были поспешить к французской границе. В Париж не смогли приехать многие эсперантисты, которые вследствие мобилизации вынуждены были остановиться в Германии. Те немногие, что своевременно прибыли в Париж, собрались в месте проведения конгресса и в трауре разошлись, услышав объявление, что конгресса не будет.

Война опрокинула все планы, в том числе и наши. Многие активные сотрудники сразу были призваны на поле боя, других арестовали в качестве пленных, поскольку они относились к враждебным нациям. Среди последних был взят и неперменный участник наших субботних встреч немец Клейст. Его загнали в какую-то восточную губернию и больше мы его не видели, ибо там он заболел и умер.

С № 8–9 (авг. — сент.) наш журнал наполнился военными сообщениями. Уже в сентябрьском номере мы читаем о двух раненых единомышленниках — Шамшеве и Петражевском. На субботних встречах присутствующие печально готовят бандажи, собирают денежные пожертвования на помощь мученикам войны. Прежние веселье и бодрость пропали. Один из самых активных сотрудников А.Э.Айспурит выехал из Москвы в Латвию хлопотать об

унаследованном именице. В Саратов на работу в газете "Копейка" выехал заведующий книжным магазином Романович. В магазине остались работать только я и два мальчика — Трофимов и Колибанов. Доходы магазина сильно уменьшились.

Нас тогда очень удивило одно новое обстоятельство: в магазин часто приходили незнакомые покупатели, которые спрашивали недорогие учебники, например Кара и Панье по 20 коп., платили за них непременно бумажными деньгами, а сдачу просили серебряными монетами. Потом это дело прояснилось. Покупатели таким способом хотели обменять бумажные деньги на более безопасную ценность — серебряную.

Началась денежная спекуляция, и вскоре золото и серебро уже совсем исчезли из денежного оборота. На рынке были видны только бумажные деньги. Многие товары стали исчезать, а цены бесконечно росли. Наше правительство вскоре прекратило свободный обмен золота и законодательно потребовало, чтобы люди сдали золотые монеты в банки. Был установлен государственный контроль заграничных заказов. Правительство разрешало переводить денежную плату за границу лишь в ограниченном количестве после долгих официальных хлопот.

К сожалению, мы на это не обратили внимания и продолжали продавать книги по ценам, которые были указаны в январском каталоге. Должен заметить, что наши каталоги ежегодно утолщались сообразно увеличению оборота магазина: 4-страничный в 1909 г., 8-страничный в 1910 г., 16-страничный в 1911 и 1912 гг., 20-страничный в 1913 г. и 24-страничный в 1914 г. В 14-м году у магазина было самое большое количество книг. Таким образом мы продавали книги за бумажные деньги, ценность которых ежедневно падала. Мы боялись поднимать цены, чтоб нас не обвинили в спекуляции. В результате мы обессиливали себя и наносили вред нашему движению. Мы распродали имевшиеся запасы и не могли их восстанавливать в связи с новой конъюнктурой международных финансовых отношений и внутренними трудностями. Например, мы не могли уже печатать в нашем журнале объявления в отделе переписки, ибо каждый заказчик, согласно предписанию нашего правительства, был обязан получить особое разрешение полиции на публикацию своего объявления.

Одним словом, после объявления войны наши предприятия, до того непрерывно прогрессировавшие, теперь покатались вниз.

1914 г.

В августе моё тревожное состояние ещё усугубило следующее обстоятельство. Однажды я получил из Петербурга телеграмму Н.П.Евстифеева, настоятельно просившего, чтобы я вывел книжный магазин из вегетарианской столовой. Поскольку наш магазин был там устроен без какого-либо письменного соглашения, я был обязан подчиниться этой просьбе. Во

второй половине месяца я выехал в Петербург, чтоб лично изучить вопрос, выяснить причину и т. д.

Оказалось, что между Н.П.Евстифеевым и его главным помощником и товарищем по вегетарианской столовой Дроздовым случился конфликт. В качестве вегетарианского повара Дроздов был техническим устройщиком столовой, а Евстифеев участвовал в деле капиталом и администрированием. Никаких письменных соглашений между ними заключено не было и, естественно, вскоре появились поводы для разных недоразумений. В эти раздоры оказались втянутыми и работники магазина. В результате все работники столовой и магазина настолько перессорились, что их совместная жизнь сделалась несносной, а я должен был "расхлёбывать заваренную кашу".

Положение моё было ужасно неприятным. С одной стороны, война опрокинула мои планы в Москве, с другой стороны, мне надо было что-то делать с петербургскими филиалами. Закрывать их означало бы потерю моей почти трёхмесячной работы в Петербурге год назад. Оставить их — масса новых хлопот, связанных с руководством и помещением. Наша заведующая магазином Смирнова совсем отказывалась продолжить работу, мальчик Вася Никифоров тоже нашёл себе другую должность, курсы посещало очень мало учеников. Я колебался что предпринять.

К счастью, во дворе того же дома № 110 по Невскому проспекту располагался другой дом, в котором сдавалось не слишком дорогое помещение. Кроме того, я познакомился с одним из наших посетителей полуэсперантистом — полуфотографом В.К.Васильевым. В шутку я предложил ему: не хотел бы он стать заведующим магазином и съёмщиком дворового помещения? Он отнёсся к моему предложению абсолютно серьёзно и в конце концов 26 августа 1914 г. был составлен контракт, согласно которому он обязался снять помещение и управлять магазином на комиссионных условиях, получая 30 % выручки от продажи наших собственных изданий и 20 % от продажи других изданий, но не менее 30 рублей в месяц. Под магазин и курсы он выделяет комнату из своей квартиры. После подписания контракта он переехал в новую квартиру и переместил магазин. Для устройства этого дела я снова вынужден был провести в Петербурге около трёх недель.

Выезжая в Москву, я чувствовал, что лишь отсрочил смерть филиалов, но у меня не было другого выхода. Поскольку новый заведующий не совсем владел нашим языком, было понятно, что пропаганда языка не могла быть достаточно успешной. Кроме того, все интересы в то время были обращены к войне. Из наших ревностных сотрудников в Петербурге в армию тогда был призван И.М.Рахамяги, который до того много помогал как в магазине, так и на курсах. Таким образом, здешний магазин стал просто складом от московского магазина.

Возвратившись в Москву в весьма плохом состоянии духа и видя везде общий кризис, я пытался держаться внешне спокойно, но внутри "во мне сидели и скреблись кошки", как говорится по-русски. Чтоб наше скатывание вниз не обнаружилось слишком неожиданно, я поместил в октябрьском номере

нашего журнала тревожную заметку "Ла милито кай Эсперанто" (война и Эсперанто). В ней я привёл следующую цитату из книги Берты фон Зутнер "Долой оружие!", с помощью которой я заменил описание нынешнего положения всех сражающихся народов: "Всё встало: работа на фабриках, работа на полях, бесчисленное число людей лишено заработка и хлеба. Бумажные деньги обесцениваются, ажио (биржевая наценка) растёт, всякое желание к начинанию исчезает, многие фирмы банкротятся — одним словом, нужда нищета". Вслед за этой цитатой я написал: "Кризис не проходит мимо и эсперантской жизни. Эсперантисты, которые призваны на войну, уже не имеют возможности работать для Эсперанто. А непризванные эсперантисты столько переживают из-за войны, что читают лишь известия о боях, покупают разные военные карты и совершенно забыли об обычной культурной работе. На своих постах остались лишь немногие эсперантисты... Но их силы не беспредельны. Поэтому я призываю: Вспомните о нашем эсперантском долге!" В другом месте того же самого номера я обращаю внимание клиентов нашего магазина на то, что у магазина долгов на сумму около 300 sm., которые могут быть выплачены своевременно только в случае, если заказы продолжают поступать как прежде. Однако заказов нет.

К этому добавилась новая неприятность. Канцелярия московского головы сообщила оргкомитету третьего всероссийского конгресса эсперантистов, что "министр внутренних дел, по согласованию с министром народного просвещения, счёл несвоевременным разрешать организацию конгресса в Москве с 27/XII-1914 г. по 2/I-1915 г." Московские эсперантисты однажды уже получали отказ в проведении конгресса в Москве. И тогда отказ возмутил нас, ибо был мотивирован политическими соображениями. Нынешний отказ был тоже неприятен, но к нему мы отнеслись спокойнее, т. к. действительно было бы очень трудно хорошо провести конгресс, когда везде гремели пушки.

Нас немного утешал только один единственный факт: против Германии, первой объявившей войну, уже воевала почти вся Европа. Это внушало надежду, что война продлится лишь несколько месяцев, Германия со своими союзниками скоро будет побеждена и вновь воцарится мир. Никто не мог предвидеть, что война продлится четыре года.

В первые недели наши войска пересекли германскую границу и довольно неосторожно углубились во вражескую страну, не обеспечив себе тыл. Германские войска хорошо использовали эту ошибку, быстро перебросив туда большие силы и захватив в плен большую часть вторгшихся. Эта победа сильно ободрила германские войска и напугала наши. Вскоре немцы перешли нашу границу и стали завоёвывать один город за другим. Жители городов вынуждены были укрываться внутри страны. Многие из них бежали в Москву.

Из-за военных неудач наш рубль ежедневно терял покупательную способность, одновременно росли цены на все товары. Народ спешил, как я уже говорил обеспечивать себя более реальными ценностями и запасаться разными товарами. Товары исчезали с рынка и паника усиливалась. Покупатели нередко

посещали и наш магазин, поэтому выручка в бумажных деньгах будто бы не уменьшалась, но вместе с тем запас книг заметно таял. Таким образом мы жили за счёт прежних средств.

В начале подписного периода на 1914 г. мы пообещали нашим подписчикам бесплатно, в качестве премии, выдать карманный календарь на 1915 г., надеясь получить его от берлинской фирмы Мюллера и Бореля. Но теперь это уже было невозможно, поэтому мы заменили календарь книгой Тимковского "Салайро" (заработная плата) в переводе Щавинского и брошюрой "Русланда адрэсаро".

1915 г.

Таким образом наше обязательство перед подписчиками мы выполнили, но для следующего 1915 г. мы уже не могли выделить никакой премии, хотя твёрдо решили продолжить выпуск журнала. Понятно, что нельзя было надеяться иметь столько же подписчиков, как прежде, ибо мы уже лишились многих подписчиков в Германии, Австрии, Турции и Болгарии. Однако мы не желали следовать примеру многих заграничных коллег, которые сразу после начала войны прервали свои издания. Нам следовало лишь как-то приспособиться к новым обстоятельствам.

Чтобы облегчить бремя квартирной платы, мы объединились с другим обществом, родственным идейно, а именно с обществом туристов. Они, взяв на себя часть квартплаты, устроили в нашей гостиной свой офис и иногда проводили там общие собрания. Кроме того, мы сдали одну комнату, в которой прежде жили Айспурит, Клейст и Клем. Таким образом плата за помещение была снижена до минимума. Помимо этого, в книжном магазине после отъезда Романовича в Саратов остались только я, Трофимов и Колибанов, чья зарплата не слишком отягощала бюджет. С помощью таких действий мы смогли сбалансировать безубыточный бюджет и продолжить работу всех наших предприятий.

В начале этого года война ещё не ощущалась столь остро, как позже; на фронт призывались только кадровые части армии и те, кто уже прежде служил. Ещё не трогали "привилегированных" и учащихся. Они продолжали посещать и оживлять наши субботние собрания. К ним присоединялись беженцы из оккупированных областей западной России и Польши. На собраниях появились беженцы Футерфас (из Лодзи), Бреслау, Чарновский и другие. Поскольку они были хорошими эсперантистами, я воспользовался их прибытием в Москву для усиления института.

Его состояние было таково. После ухода из института в 1912 г. Шабуневича, Габрик и Г.Смирнова и прихода в него Булочкина его педсостав включал меня, д-ра Н.В.Корзлинского, д-ра К.И.Шидловского и студента А.Э.Айспурита. Согласно моему отчёту перед московским попечителем учебных заведений, за период с 4 октября 1910 г. до июня 1912 г. курсы посетило 78 человек, а за период с 1 июня 1912 г. по 1 августа 1913 г. — 49 человек. В 1913 г. выдержали экзамены и получили дипломы З.И.Рейнштейн, А.П.Слюсаренко,

К.П.Козлятников, Н.П.Житкова, Г.Р.Клейст. В качестве преподавателя был утверждён Д.П.Романович. За период с августа 1913 г. по 1 августа 1914 г. курсы посещало 23 человека. Экзамены выдержал Г.Н.Илларионов. В качестве преподавателей были утверждены г-жа Н.П.Житкова и Г.Р.Клейст. За период с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. курсы посещало 32 человека, проэкзаменованы и получили дипломы А.Л.Тадеосьянц, Г.П.Демидюк, И.А.Иванов, А.А.Клем. С 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. курсы посетило только 9 человек, а с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г. — только 12. Эти цифры показывают как мы скользили вниз.

Наши активисты непрестанно исчезали. На арене оставались немногие, но мы продолжали бороться и даже иногда выступали публично. Например, в марте 1915 г., во время съезда преподавателей географии и природоведения, нашим магазином с помощью студентов Демидюка и Виноградова была устроена хорошая эсперантская выставка, о которой благоприятно отозвались многие русские газеты.

Несмотря на кажущуюся бодрость жизни в стенах нашего помещения, война не переставала ощущаться. Общее собрание Московского общества эсперантистов от 8 мая констатировало, что из-за войны финансовое положение Общества неважное и есть опасение, что Обществу придётся оставить занимаемое помещение и поискать какую-нибудь комнату. Но тогда был предложен список доброжелателей и 20 человек пообещало регулярно в течение 6 месяцев делать такие взносы, которые полностью обеспечивали бы оплату аренды. Я и Шабуневич гарантировали регулярное прихождение этих взносов.

Во второй половине года из активных членов Общества уже были призваны на фронт Артёмов, Беликов, Бушуев, Демидюк, Б.Котзин, Козырев, Менцель, Нехорошев, Романович, Смирнов, Шабарин, Шамшев, Шульц. Общество даже осталось без председателя. На общем собрании Общества 11 октября вместо мобилизованного председателя Менцеля избрали меня, а в качестве членов руководства избрали И.И.Камоликова, А.А.Смирнова, О.Г.Габрик, Э.С.Истомину, М.Д.Александрова. На нас легла задача вести Общество так же бодро, как прежде. По возможности мы это исполняли, а в декабре даже устроили публичную демонстрацию Эсперанто, о которой много писали разные русские газеты. Это были публичные лекции об Эсперанто, которые читались известным парижским учёным Шарлем Рише и профессором Московского университета Р.Брандтом. Лекции были вызваны войной.

В это время германские войска завоевали уже многие наши западные города. Наши войска были недостаточно оснащены и нуждались в вооружении. Это очень волновало наших союзников, особенно французов. Чтобы приободрить наши войска и правительство, Франция направила в Россию особую делегацию, в которую, среди других, вошёл известный парижский профессор и академик, председатель Французского общества мирного урегулирования споров между странами (национальное отделение пацифистской Международной ассоциации арбитража и мира) Ш.Рише. В Москве было организовано несколько его лекций

на французском языке, которые всегда привлекали многочисленных слушателей. Московское общество эсперантистов и Студенческая группа эсперантистов при Московском университете воспользовались случаем, послали к г-ну Рише приветственную депутацию, пригласили его в своё помещенье и по любезному предложению гостя устроили 9 (22) декабря специальный публичный пропагандистский вечер, посвящённый Эсперанто.

Вечер открылся речью профессора Р.Ф.Брандта на русском языке. За ней последовало выразительное выступление Ш.Рише на французском языке. Оратор горячо защищал Эсперанто и с воодушевлением призвал везде и всегда пропагандировать наш язык. После речи Рише г-жа Габрик и г-да Йодко и Ковнер искусно сыграли несколько сцен из драмы Ш.Рише "Сократ", переведённой на Эсперанто Куто. В аудитории была устроена богатая эсперантская выставка почти всех периодических изданий (более 300) и наиболее важных сочинений Эсперантской литературы. О лекции известного учёного и об Эсперанто на следующий день напечатали большие благосклонные отчёты все русские газеты, даже те, которые прежде относились к нам лишь с насмешкой. В 1915 г. это было нашим большим плюсом, который несколько компенсировал минус, связанный с петербургскими курсами и петербургским филиалом книжного магазина, дальнейшая судьба которых была такой.

ЗАКРЫТИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ КУРСОВ И КНИЖНОГО МАГАЗИНА

В мае этого года я неожиданно получил официальное извещение попечителя петербургских учебных заведений о закрытии наших курсов "ввиду отсутствия моего контроля в отношении этих курсов". Закрытие произошло вот почему. В марте курсы посетил служащий Министерства народного просвещения. В это время я был в Москве, а наш заведующий курсами инженер В.А.Дмитриев выехал на месяц для лечения. Не найдя никаких заведующих курсами, служащий доложил об этом своему руководству и в результате курсы закрыли. Я протестовал, но безуспешно. Вот так пропали все мои хлопоты по курсам. Об этом я написал по-русски статью в № 9-10 нашего журнала. За полтора года существования курсов в них занималось 60 человек, 8 из которых получили дипломы: Л.Д.Васильев, Э.К.Дрезен, О.В. де Мезер, М.А.Волк, В.А.Иванов, В.Е.Борман, С.М.Гайдовский и Г.Е.Дикк.

Закрытие курсов побудило меня выехать в Петербург для ревизии филиала нашего книжного магазина. Там я убедился, что филиал даёт лишь финансовый убыток и почти не служит пропаганде нашей идеи. Поэтому я решил совсем его ликвидировать. Часть книг я отдал на комиссию в петербургский книжный магазин Тяпкиной, а большую часть упаковал в ящики и отправил в Москву по железной дороге.

Убытки (несколько тысяч рублей) я вписал в бухгалтерские книги как оплату за полученный жизненный урок, ибо всегда считал, что "все уроки должны быть оплачены". Кроме того, я рассматривал убыток как свою часть общей

катастрофы из-за войны. Если бы не было войны, я может быть не ликвидировал бы филиал книжного магазина даже до сих пор, ибо одни петербургские покупатели могли бы оплатить все расходы филиала.

Как я уже говорил, большую часть дохода книжный магазин получает от продажи своих собственных изданий. У нас уже было 21 собственное издание, но из них наиболее покупаемыми были учебники и словари, особенно первые. Например, учебник Кара и Панье мы ежегодно продавали по 10000 экземпляров. Покупателей привлекала главным образом их низкая цена — 20 коп. Но этот учебник был написан для французов и был для них лёгким, ибо почти в каждом слове они находили уже знакомый корень. А для русских выучить материал одного урока за раз было трудно и поэтому им надо было делить его на два или три урока. Принимая это во внимание, я, как было сказано, создал в 1913 г. учебник специально для русских и назвал его "Основной курс языка Эсперанто". Издав его в большом количестве (20 000 экз.), мы смогли установить цену в 5 коп. Из-за низкой цены и многочисленных объявлений о нём всё издание было распродано за два года.

Практика однако показала, что для необразованных или недостаточно просвещённых читателей этот учебник содержал некоторые сложности. Для облегчения изучения нашего языка с помощью этого учебника я в течение 1913–1916 гг. создал ключ с комментариями к нему, в котором все эсперантские упражнения были переведены на русский, а русские — на Эсперанто. Кроме того, более детально были разъяснены некоторые грамматические правила. Таким путём учебник стал вполне понятным для всех — как для образованных, так и для необразованных. Далее, к этим двум частям я дополнительно написал международную хрестоматию, для которой выбрал отрывки из сочинений авторов 41-й национальности. Читая эту хрестоматию, можно усвоить поистине интернациональный стиль. Кроме того, в качестве четвёртой части этого учебника я придал эсперанто-русский разговорник. Эти книги появились в декабре 1915 г. Одновременно было набрано второе издание первой части, которое я решил выпустить тиражом в 30000 экз.

1915 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Видя, что мировая война не обещает скорого окончания, и принимая во внимание революционное настроение русского народа, который очень возмущали поражения на военном фронте и глупое поведение царской семьи и её приближённых, я в 1915 г. закупил большой объём типографской бумаги, благодаря чему названное издание могло своевременно осуществиться. Чтоб охарактеризовать финансовый хаос того времени, отмечу как любопытный факт, что за приобретённую бумагу через несколько месяцев, пока она лежала в типографии в ожидании печати, мне уже предлагали двойную цену. Но так как покупательная ценность нашего рубля ежедневно уменьшалась, я торопил типографию как можно скорее напечатать книги. Получив их, мы ощутили себя стоящими на весьма прочном фундаменте.

Книжным магазином в то время уже заведовал новый активист В.Н.Басов, студент Московского университета. Он уже много поработал для Эсперанто, будучи гимназистом в Орле. Прибыв в Москву на учёбу в университете, он сразу вошёл в студенческий кружок эсперантистов и принял живое участие в наших субботних встречах. Поскольку все наши сотрудники из-за войны находились вне Москвы, я предложил ему заведовать книжным магазином, что он и осуществлял в 1915 и 1916 гг.

Он также помогал мне готовить сентябрьский, октябрьский, ноябрьский и декабрьский номера "Ла Ондо дэ Эспэранто", т.к. в августе призвали на военную службу моих прежних соредкторов Б.И.Котзина и С.В.Обручева. Из-за этого сентябрьско-октябрьский номер я редактировал один, а два последних номера — вместе с Марией И.Шидловской, переводчицей книги "Принцо Серебряный". К сожалению, она проживала вне Москвы, не обладала хорошим здоровьем и смогла помогать мне только несколько месяцев. Таким образом, из-за войны состав моих сотрудников почти полностью изменился. В конце 1915 г. в магазине работали Басов, Алёша Трофимов и Серёжа Колибанов, в редакции — я, М.И.Шидловская и Басов, в институте курсами руководил я один.

Я потерял очень сильных помощников Айспурита, Романовича, Котзина, Обручева. Основная тяжесть управления тремя предприятиями легла на меня. Я должен был заботиться как о финансах, так и об обучении и политике. Время было очень тревожным и для меня весьма утомительным. Приближался подписной период. Как мы будем издавать журнал в 1916 году? Надо как-то устроить так, чтоб число подписчиков не снизилось. С этой целью я решил выдавать бесплатно нашим подписчикам новую научную книгу.

Я всегда размышлял о нашей малочисленной научной литературе. Поскольку наш рынок был слишком узким, более или менее дорогие книги не находили достаточного числа покупателей и ни одна издательская фирма не рисковала издавать такие сочинения. Поэтому, чтобы цена будущей книги не оказалась слишком высокой, её тираж не должен быть менее 3000 экземпляров. И я выполнил следующий подсчёт. Если наш журнал будет иметь около 2000 подписчиков и мы разошлём им 2000 экземпляров книги, у нас останется только 1000 на продажу. Размышляя так, я договорился с нашим постоянным сотрудником и горячим эсперантистом д-ром Андреем Фишером из Тифлиса о переводе очень красиво и популярно написанной научной книги "Жизнь растений" проф. К.А.Тимирязева. И эту книгу мы пообещали бесплатно выдавать тем нашим подписчикам на журнал, которые подпишутся на него в 1916, 1917 и 1918 гг.; об этом мы объявили уже в ноябрьском и декабрьском номерах журнала.

Мы хорошо понимали, что журнал с этой книгой принесёт нам убыток, но мы надеялись возместить его путём продажи моих новых учебников. Помимо уже выпущенных четырёх частей учебника, я ещё раньше начал готовить эсперанто-русский и русско-эсперантский словари с тем, чтоб все шесть частей

дали полный материал для изучения нашего языка. Объединив их в одну книгу, я решил дать ей название "Тута лингво Эсперанто" (весь язык Эсперанто).

С такими видами на будущее мы вступали в 1916-й год.

1916 г.

Человечество будто взбесилось. Почти все государства мира втянулись в отвратительную взаиморезню. Оба воюющих лагеря желали биться до полной и окончательной победы. А победа не приближалась. Почти все профессиональные военные были уже похоронены. Бог войны требовал новых и новых жертв. На линию битвы непрерывно направлялись новые категории "пушечного мяса", даже учащиеся высших учебных заведений. Соответственно этому редели полки нашей мирной армии. Наши общества иногда сокращались наполовину, некоторые вообще прекратили работу. К последним относились почти все польские и литовские общества.

Однако у нас были общества, которые не только не уступили своих позиций из-за нужды и трусости, но сумели занять новые, как в Астрахани, Москве, Петрограде, Саратове и т. д. Эти общества поддерживались нашим книжным магазином, который тогда служил как бы барометром нашего движения в России. Магазин пунктуально чертил графики своих доходов и эти графики показывают, что сразу после объявления войны наше движение круто свалилось вниз. В этом положении оно оставалось в течение нескольких первых месяцев войны, а затем кривая линия стала подниматься. Причиной тому были два фактора: непрерывное обесценение рубля и появление наших новых учебников.

В марте 1916 г. вышло 2-е издание моего основного курса тиражом в 30000 экз. и появились два словаря: эсперанто-русский и русско-эсперантский. Вместе они образовали полный учебник нашего языка для русских, которому я дал название "Тута лингво Эсперанто" (1-я часть — "Основной курс языка Эсперанто" — выдержала 9 изданий, а полный учебник вышел в 1928 г. пятым авторским изданием.). Соответственно затратам на печатание книги я установил на неё цену в размере 1 рубль 60 коп. Кроме того, отдельно были сброшюрованы каждая из шести частей. Номинальная стоимость всех отпечатанных книг в сумме составила около 12000 рублей. Если бы нам удалось быстро продать весь тираж, мы получили бы деньги, вполне обеспечивающие существование магазина, журнала и института.

Чтобы способствовать этому, мы истратили более тысячи рублей на объявления в разных изданиях. Объявления печатались на первых страницах изданий и мы нарочно придавали им такие формы и размеры, чтобы их непременно нужно было печатать перед всеми другими объявлениями. Благодаря этому читатели периодических изданий обязательно видели и поневоле читали наши объявления. Это было прекрасной пропагандой нашего языка. После каждого такого объявления мы обычно получали столько заказов, что их сумма втрое или даже впятеро превосходила стоимость объявлений. Наши большие и маленькие объявления были столь многочисленны, что

Эсперанто сделался частой темой домашних бесед и публика постепенно приходила к убеждению, что Эсперанто является уже действительно общим международным языком, изучение которого даст практические результаты.

В наше учебное заведение часто приходили люди, желавшие с помощью Эсперанто то снестись со своими родственниками, оставшимися во враждебных странах, то найти пропавших воинов. Объявления также подбадривали наших единомышленников, не призванных на фронт. Они продолжали посещение субботних встреч и оживляли их. Некоторые из них (например, Басов Р.А.) даже устроили в марте довольно большой открытый концерт в зале вегетарианской столовой, пригласив на него известных артистов Москвы.

Но довольно часто наши встречи печалились сообщениями об убитых активных единомышленниках. На поле боя погибли студент Фенин и только что окончивший университет наш способный сотрудник журнала Ярмолович, умер от чахотки помощник профессора А.И.Пудовкин, умер интернированный Густав Клейст. Их смерть вселила в наше движение ощущение большой потери. При жизни они очень оживляли наши субботние встречи и общество их сильно оплакивало.

Каждая новая жертва войны всё больше и больше возмущала нас и весь народ, настраивала против её зачинщиков. Люди видели главную причину войны и поражений в тупости и продажности правителей. Народный гнев бурлил и искал выхода. Только близорукие не видели приближающуюся катастрофу. Как японско-русская война породила революцию 1905 года, точно также и германская война готовила новую русскую революцию. Во второй половине 1916 г. царское правительство как бы вовсе утратило благоразумие. Главным его советником сделался проходимец Распутин, который, действуя под маской "святого старца", полностью дискредитировал царский режим. Его поведение возмущало даже самых близких друзей и сторонников царского двора. 17 (30) декабря 1916 г. три высокопоставленные персоны, желая отстранить этого проходимца и спасти трон, заговорщически убили его. Но это лишь подлило масла в революционный огонь. В течение трёх дней после убийства газеты были заполнены подробностями жизни этого "святого" и его влияния при дворе. На четвёртый день царский режим нашёл, что "такие подробности относятся к категории военных секретов", о которых не должен знать никто, кроме правительства, и запретил упоминать в прессе имя Распутина и что-нибудь писать об убийстве. Ещё один толчок к росту народного гнева. В таком положении оказался весь русский народ, и мы в том числе, в канун нового, 1917 года.

В период с 1 августа 1915 г. по 1 января 1917 г. курсы посетило только 23 человека и никто не пожелал держать экзамен: все варились в политическом и военном котлах.

1917 г.

В 1-м номере нашего журнала за 1917 г., завершая новогодний обзор всемирного эсперантского движения, я писал: "В прошлом году из-за войны мы не добились больших завоеваний; однако мы удержали и укрепили ранее достигнутое. Война лишила нас многих сотрудников, но одновременно открыла нам новые горизонты, где мы можем привлечь бесчисленных сторонников нашего языка." Эти новые горизонты я видел в смешении наций: в разные страны прибыли иностранцы, которые срочно нуждались в средстве общения. Поэтому мысль об Эсперанто поневоле привязывалась к всякому, кто неожиданно впервые ощутил себя глухонемым. Кроме того, наши единомышленники, будучи мобилизованными, взятыми в плен и будучи беглецами, конечно не упустили и не упустят случая, чтоб проповедовать наш язык. В результате появился большой спрос на учебники Эсперанто на всех языках. Продолжая мысль, я писал: "Если мы энергично используем это благоприятное обстоятельство, то через несколько лет наше поле станет неузнаваемым." Мой оптимизм несомненно оправдался бы, если бы на нашем пути не встало событие, полностью опрокинувшее все наши соображения и выводы. Как война в 1914 г. на несколько месяцев почти остановила наше движение, так то же самое совершила в нашей стране разразившаяся революция.

В январе и феврале газеты ежедневно сообщали о трениях между царским правительством и народными представителями. Народ через Государственную Думу, земства и городских представителей требовал от царя новую конституцию, но царь упрямылся. Перед хлебными лавками выстраивались большие очереди. Это очень возбуждало людей. 8 марта (по новому стилю) нехватка хлеба произошла во многих окраинных районах Петербурга, где жили по преимуществу фабричные рабочие. Вечером того дня с криками "Хлеба! Хлеба!" по улицам стали ходить толпы народа, состоящие главным образом из женщин. На следующее утро движение усилилось, массы людей проникли уже в центр. Между ними и полицией в нескольких местах произошли кровопролитные столкновения. 10-го марта началась общая революция. День 12-го марта был апогеем революции. К революции примкнули почти все полки, находившиеся в то время в Петербурге. Они решили судьбу революции. С того момента революция приняла уже организованные формы. 13-го марта был днём полной победы. Все царские министры уже были арестованы. В эти дни царь находился вне Петербурга — в Витебске, в Ставке действующей армии, — и никак не мог вернуться в Петербург. Там /точнее — во Пскове/ он вынужден был подписать своё отречение от трона.

В Москве всё казалось спокойным до утра 11 марта. В этот день многочисленные колонны демонстрантов с красными флагами и революционными песнями направились к центру. Когда утром этого дня я вышел из дому, я сразу был захвачен демонстрацией и вместе с ней прибыл к зданию Городской Думы. В это здание пропускали только по мандатам

организаций. Меня пропустили как корреспондента журнала. Там уже образовался Совет рабочих депутатов под председательством Прокоповича и Хинчука, которые были известны в Москве как активные кооператоры.

Между прочим, я встретил там человека, который неоднократно посещал наш магазин и наше Общество, называл себя благожелателем Эсперанто, интересовался подробностями нашей жизни и т. д. Наблюдая его нынешнюю активность, я предположил, что он является одним из революционных руководителей. Но спустя несколько месяцев я прочёл в газетах, что он был осуждён как царский детектив и приговорён к суровому наказанию. Следовательно, навещая наше Общество, он следил за нами и возможно благодаря его сообщению в жандармских архивах позже был обнаружен донос о том, что в моей библиотеке имеются анархистские издания (в библиотеке лежали различные эсперантские журналы, в том числе анархистского направления). Вероятно он проник в Городскую Думу со специальной целью своей детективной службы. Впрочем, в это беспорядочное время в крупное здание Думы могли проникать разные подозрительные личности.

В первое время заседания Московского Совета носили основополагающий характер и зачастую проходили неорганизованно. Но через несколько дней, когда революция вошла в берега, когда царь был свергнут с трона, а в Петербурге было избрано Временное правительство, заседания Совета приняли более или менее нормальный характер. Главной задачей Совета в то время было обеспечение в городе и губернии необходимого порядка и снабжение жителей продуктами. В качестве корреспондента я мог посещать заседания Совета довольно часто, но я был привязан к эсперантским предприятиям.

Прежде всего надо было выпустить февральский и мартовский номера "Ла Ондо дэ Эспэранто". Ввиду революции эсперантская общественная жизнь совсем остановилась, и, чтобы заполнить очередной номер, я начал срочно писать исторический эскиз по причинам революции. Я назвал статью "Фало дэ цара реджимо эн Русландо" (падение царского режима в России). Одновременно я попросил своего старого сотрудника С.В.Обручева описать его революционные дни. Эти две статьи заполнили весь 2-3-й номер журнала. После они были переведены на многие языки — шведский, японский и другие.

Революционные дни опрокинули один мой очень важный план. Я уже говорил, что в прошедшем 1916 г. вышел мой новый учебник в 6 частях "Тута лингво Эспэранто". С помощью этой книги уже многие выучили наш язык и нашли книгу весьма подходящей для этой цели. Теперь я решил распространить книгу по нашей стране с помощью многочисленных газетных объявлений, упомянутых выше. В провинциальных газетах такое объявление стоило не слишком дорого: 30-50-80 рублей. А в московских и петербургских газетах оно стоило уже около 150 рублей. Несмотря на это я решил сделать такое объявление в самой массовой газете России "Русское слово". Будучи напечатанным перед всеми другими объявлениями и охватывая все колонки страницы, оно непременно обратило бы на себя внимание всех читателей

газеты и вызвало бы массу заказов. Я уже оплатил через контору 150 рублей и объявление должно было появиться 1/14 марта 1917 г. Но из-за революции газета не вышла и объявление не появилось. Газета вернула деньги. В последующие дни объявление никого бы уже не привлекло, ибо все россияне были вовлечены в революцию.

Я лично искренне приветствовал революцию, ибо сильно надеялся, что она принесёт нашей стране и нашей идее многие преимущества, тем более, что она была почти бескровной.

Тем временем царский трон падал, как падает сгнившее старое дерево. Довольно было небольшого толчка, и он опрокинулся. В марте, апреле и мае мы ощущали двойную весну: сезонную и политическую. Это время было временем полной свободы. Всюду можно было видеть митинги и на них каждый мог говорить и проповедовать что хотел. Одни защищали продолжение войны, другие говорили о полном её прекращении, кто-то одобрял действия Временного правительства, другие ругали их и призывали к истинной социалистической революции (большевики). Каждый хотел выстроить новый общественный порядок согласно своей собственной модели и своему идеалу. Появились вожаки, которые объединяли более или менее единомыслящих в одну партию. Граждане разделились по партиям. Эсперантисты — тоже: некоторые объявили себя меньшевиками, некоторые — большевиками, некоторые — эсерами, некоторые — анархистами и т. д. Но все хотели, чтоб их партия приняла один общий язык Эсперанто и по возможности пропагандировали его. Наш магазин был тогда неким звеном, не входящим ни в одну партию, но связывающим их посредством одной идеи международного языка.

Видя партийное разъединение и оставаясь нейтральными, мы лишь пытались найти такие точки соприкосновения, где можно было бы с большей пользой для нашего языка учесть новую политическую обстановку. Поскольку в то время в российском воздухе парили социалистические тенденции, девизом которых было "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", мы широко использовали этот лозунг, принимая во внимание, что многоязычие является его естественным врагом и что для борьбы с многоязычием необходимо принять в качестве общего средства взаимопонимания язык Эсперанто.

Прекрасный повод для такого рода пропаганды в середине апреля дал визит французских и английских социалистических делегатов. Московский Совет рабочих депутатов по этому случаю устроил специальное торжественное заседание. Поскольку делегаты не могли говорить по-русски, а наши рабочие не понимали их язык, мы решили, что это заседание представляется наилучшим моментом для пропаганды нашего языка. В заседании принимал участие наш единомышленник А.Прагер и книжный магазин выдал ему 500 экземпляров моего учебника и такое же количество пропагандистских листовок, чтоб он роздал их всем депутатам. То же самое мы проделали 1-го мая, когда группа московских эсперантистов по инициативе товарищей Малофеева и Шеенко

участвовала в торжественной манифестации, с помощью которой свободный российский рабочий класс отмечал международный день рабочих.

Но, как говорит наша пословица, ни радость, ни горе не продолжаются вечно. В апреле нас настигла напечатанная в одной из русских газет телеграмма из Копенгагена о смерти автора Эсперанто Заменгофа. Когда немецкие войска оккупировали Польшу, он оставался в Варшаве и мы уже не могли сноситься с ним непосредственно. Мы не хотели верить сообщению, но вскоре поступили дополнительные сведения из нейтральных Швейцарии и Швеции, которые окончательно подтвердили ужасное известие. Смерть маэстро Московское общество эсперантистов оплакало в двух открытых торжественных собраниях, одно из которых было проведено в Московском университете, где покойный изучал медицину в 1879–1880 гг.

По случаю смерти нашего маэстро я написал некролог и поместил его в № 100–101 журнала "Ла Ондо дэ Эспэранто". И судьба определила так, что одновременно со смертью автора Эсперанто умер и наш журнал. Почему и как это произошло? Раньше я уже не раз говорил, что мировая война расстроила экономическую жизнь не только воюющих, но и нейтральных стран. Например, издающийся в США "Америка Эспэрантисто" (американский эсперантист) написал в сентябрьско-октябрьском номере за 1916 г.: "Администрация "Американского эсперантиста" просит прощения подписчиков за поздний выход нескольких последних номеров и их сдваивание. Это произошло по нескольким причинам: с одной стороны, из-за недостатка и высокой цены бумаги, с другой — из-за отсутствия рабочих в отделе печати." И это писали наши единомышленники, живущие в нейтральной стране. Что же должны были терпеть наши издания в воюющих странах! По тем же причинам, но возможно в тройном размере, мы, объявляя подписку на журнал на 1917 г., обещали дать за прежнюю цену в 2 рубля только 8 номеров. Но тогда мы не предполагали, что в марте в нашей стране произойдёт революция. Но любая революция — это вторая война. Если война порождает панику, то двойную и тройную панику порождает война, связанная с революцией.

Сразу за мартом товары на рынке начали таять как весенний снег. Рубль падал вниз с ужасной скоростью. Золотые и серебряные монеты совсем пропали. Новое правительство заменило их бумажными банкнотами, которые с каждым днём теряли свою ценность. Главным руководителем нашей страны в то время был социалист-революционер Керенский. Он образовал Временное коалиционное правительство. В него вошли министры от всех политических партий. Этому правительству пришлось делить власть с другими учреждениями — Советами рабочих, что породило анархию в стране. Организовали специальную комиссию, которая должна была выработать "устав учредителя", но она не торопилась это делать.

В то же самое время энергично работала руководимая Лениным самая левая социалистическая партия — партия большевиков, утверждавшая, что данный момент является самым благоприятным для введения в России

социалистического режима. В июле эта партия осуществила первую попытку свержения "буржуазного" правительства Керенского и взятия всей власти. Это выступление не было успешным, но всё же заставило население задуматься о новых вещах.

Поскольку исчезли и царские банкноты, Временное правительство печатало новые банкноты, прозванные населением "керенками". Это были сорока-и двадцатирублёвые банкноты квадратной формы в один дециметр. Их покупная способность не превышала одной десятой золотого рубля и публика зачастую получала целые неразрезанные листы таких банкнот. Уже сам внешний вид их не внушал большого доверия, а их ценность ежедневно всё более и более падала. Соответственно этому росли цены товаров и услуг.

Так как у нас не было запаса бумаги для журнала, нам нужно было заплатить за неё по таким ценам, которые совершенно не соответствовали 2-рублёвой стоимости подписки на год. То же самое мы испытали в типографии. Я уже подготовил материал для выпуска 6-7-го номера "Ла Ондо дэ Эспэранто", но его печатание стоило так дорого, что пришлось это отложить до лучших времён.

В это время наш единомышленник московский делегат Всемирной эсперантской ассоциации (УЭА) Ст. Шабуневич решил устроить собственную типографию. Он уже купил латинский шрифт, печатные станки и другие вещи, необходимые для типографии. Недоставало только букв с надстрочными знаками, которые можно было выплавить вне Москвы. Он заказал и ждал. Я решил напечатать журнал в его типографии, когда буквы будут готовы.

Время бежало незаметно, как вдруг в России произошло другое событие, которое "за 10 дней потрясло весь мир", — Октябрьская коммунистическая революция. Нам пришлось приспособливаться к совершенно новым условиям жизни. Ни в октябре, ни в последующие месяцы мы не могли найти бумагу и наш журнал больше не выходил.

Теперь вернёмся к работе магазина. В течение нескольких недель февраля и марта, когда Февральская революция взбудоражила всю Россию, магазин, конечно, работал очень мало и мы вынуждены были подавать множество газетных объявлений, чтоб вновь пробудить интерес публики к нашему движению. Покупали главным образом учебники и словари, изданные в России. Заграничные издания имели уже меньший спрос, т. к. издавая новый каталог в январе — восьмой и последний, — мы указали цены по курсу 1 французский франк = 50 копеек вместо прежних 40 копеек. Кроме того, мы уже не могли получать многие заграничные издания, ибо наше правительство слишком скупно выдавало разрешения на перевод наших денег за рубеж. Благодаря этому для продажи мы располагали только тем запасом заграничных книг, который создали в предыдущие годы. В результате в конце года в магазине осталось очень мало заграничных книг, хотя наш последний каталог был самым объёмным и содержал 32 страницы. Мы могли бы гордиться этим каталогом, ибо он был самым большим эсперантским каталогом во всём мире, если бы могли свободно получать из-за границы все издания

Однако в январе 1917 г. мы подсчитали цены по курсу 1 фр. фр. = 50 коп., а в декабре он был уже намного ниже. Поэтому, продавая книги по старому курсу, мы обменивали дорогие вещи на ежечасно обесценивающиеся банкноты. Но мы не могли очень часто поднимать цены на книги, как это делалось в лавках, ибо тогда нас обвинили бы в спекуляции. Таким образом, частью из-за специфичности нашего движения, частью из-за нашей неопытности, мы шаг за шагом двигались к банкротству. Но мы продолжали барахтаться.

Не прекратил работу и наш институт. В первую половину 1917 г. курсы совсем не работали, но экзаменационная комиссия свою работу не прекращала. В апреле сдали экзамены и получили дипломы А.Р.Йодко, Р.Н.Бакушинский, Н.М.Желтов, а в сентябре — Н.В.Некрасов, Н.И.Футерфас, Б.Бреслау, Т.Г.Фридрихсен, С.М.Чарновский, Т.Н.Голев.

Поскольку после мартовской революции все государственные учреждения утратили свой авторитет и царила полная гражданская свобода, я воспользовался этим и без каких-либо формальностей пригласил в институт в качестве преподавателей новых людей: Фридрихсена (Индру), Чарновского, Бреслау, Футерфаса — беженцев из западной части России. В сентябре я вместе с новыми преподавателями возобновил работу курсов. До 1 января 1918 г. у нас было 65 курсантов. Большая их часть состояла из беженцев. Курсы действовали до сентября.

В октябре (по старому стилю) произошла Октябрьская революция. Началась гражданская война. Пять дней мы сидели в своём доме как в осаждённой крепости. Стреляли из ружей и пулемётов, гремели пушки. К счастью, в нашем доме никого не убило. Через пять дней большевики победили и между борющимися наступило перемирие. Власть большевиков была признана, и на стенах Москвы были расклеены первые декреты. Они объявляли, что в России образовано новое правительство. Высшим учреждением был назван Совет народных комиссаров в Петербурге. В других городах были образованы Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые осуществляли местное управление. Вся земля была объявлена государственной собственностью. Все земельные владения были бесплатно переданы пахарям. Основой нового режима были объявлены диктатура пролетариата и рабочий контроль, когда вся деятельность капиталистов, владельцев фабрик и заводов подлежала контролю представителей рабочих. Этот контроль был промежуточным шагом к последующей национализации всех фабрик и заводов.

Новый режим дал много поводов думать, что уже пришло время для обобществления всего имущества. В первые месяцы после большевистской революции много смятения произвела партия анархистов, в которую записывались люди зачастую совершенно чуждые идейной доктрине этой партии и думавшие, что членский билет даёт право на всякие скидки. В газетах мы часто читали, что то на одной, то на другой улице появлялась группа лиц, называвших себя анархистами, которая занимала целый дом какого-нибудь богача, прогоняла хозяина и раздавала всё его имущество. Подобным образом

часто атаковали разные магазины и т. д. Потребовались многие месяцы прежде чем новая власть смогла обуздать таких "социалистов".

К счастью, наш магазин был довольно защищён от подобных лиц полной непривлекательностью для них наших товаров и имущества. Поэтому в этом отношении я был спокоен. Меня больше заботила пищевая проблема, ибо в то время крестьяне очень неохотно продавали зерно и муку за ежедневно обесценивающиеся бумажные деньги. Ценность рубля упала почти в сто раз и чтобы купить хлеб, мясо, молоко, масло и т. д., надо было всегда потратить массу времени. Зачастую, не найдя никакой пищи, мы ложились спать полуголодными. Началось похудение и так называемое "мешочничество". Мешочниками называли людей, которые, взяв с собой мешки, садились в поезда и ехали в деревни, где можно было найти зерно или муку в обмен на разные нужные предметы — одежду, золотые монеты, карманные часы и т. д. Наполнив мешки, они возвращались в города и там или поглощали пищевые сокровища в своих семьях, или продавали их по высокой цене другим.

Ввиду голода я тоже решил выехать на некоторое время в провинцию. Я выбрал город Лихвин в 200 км от Москвы, где жили мои друзья супруги Викторовы. Прибыв на вокзал для посадки в поезд, я увидел там кучу людей, которые стояли, сидели или лежали на покрытом толстым слоем грязи полу. Одни были нагружены мешками и чемоданами с подлежащими обмену вещами, другие были с ружьями и в солдатской форме, третьи были случайными пассажирами. Солдаты возвращались домой, самовольно покинув фронт и пробивая себе дорогу силой захваченного оружия. Всюду царил невообразимый хаос. Когда подошёл наш поезд, все в беспорядке бросились занимать места в вагонах. Ругань, крики, стоны, драка. Через несколько минут вагоны были забиты людьми как бочки — сельдью. Те, кто не смог проникнуть в вагоны, заползли на их крыши или даже уселись на буфера между вагонами. Когда поезд тронулся, мы слышали ужасные крики: кто-то упал под вагон и был разрезан колёсами.

Меня втокнули в купе в середине вагона и я стоял, вернее висел, сжатый со всех сторон. В таком положении мы ехали всю ночь до первой большой станции — Серпухова. Некоторые чувствовали себя так плохо, что их надо было как-то вывести наружу. Но как это сделать? Перебросить через головы стоящих в коридоре? К счастью, среди пассажиров оказался слесарь, у которого был универсальный ножик с разными приспособлениями. С помощью этого ножика он выставил оконную раму, что позволило вывести через окно тех путешественников, которые не могли больше терпеть. После их затащили в вагон тем же путём.

Через 20 часов мучений я наконец достиг вожделенного городка Лихвина. Тамошние жители не голодали так, как в Москве, а на базарах можно было купить или выменять зерно, муку, крупу, молоко и другие продукты. В этом раю я провёл один месяц и несколько укрепил своё тело. В январе 1918 г. с теми же "удобствами" я вернулся в Москву.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1) "Устав учредителя" — этап в подготовке Учредительного собрания.
- 2) Формально Керенский возглавил Временное правительство после его кризиса 15–20 июля.
- 3) Эсперантский алфавит состоит из 28 букв, из которых 6 имеют надстрочные знаки.
- 4) Лихвиним до 1944 г. назывался г. Чекалин Тульской области РСФСР.

1918 г.

Здесь положение с продовольствием стало даже хуже, чем то, которое я оставил месяц назад. Хотя частные магазины ещё работали, чтобы купить хлеб надо было подняться с постели и встать в очередь с ночи, ибо зачастую купить хлеб могли только стоящие в голове очереди. Другим приходилось искать хлеб и покупать его по высокой цене у уличных спекулянтов. Мясо, масло и молоко стали крайней редкостью. Проблема пищи занимала все мысли.

Однако я ещё не утратил мысль осуществить 4-й выпуск "Ла Ондо дэ Эспэранто" за 1917 г., но типография Шабуневича ещё не получила буквы с надстрочными знаками. Очень слабо продолжал работать наш книжный магазин. Там трудились только я, З.И.Рейнштейн и Трофимов. Чтоб выплачивать им зарплату, мы могли продавать лишь остатки прежних изданий. Надо было бы переиздать мой учебник "Тута лингво Эспэранто", но не было бумаги и денег не её покупку у спекулянтов. Все банки в это время были уже национализированы, и из сбережений, помещённых в банки, выдавали лишь небольшую часть, притом со многими стеснительными формальностями. Частные лица совсем не давали займы, т. к. бумажные деньги ежедневно утрачивали свою ценность.

Я был в огромном затруднении и, если бы магазин был в совершенной изоляции, меня бы захватило полное уныние. К счастью, магазин помещался в квартире, которую как клуб всегда навещали члены Московского общества эсперантистов. По большей части это были молодые люди, которых революция материально совсем не затронула и которые относились к ней с энтузиазмом и интересом. Это их настроение невольно передавалось окружающим и возбуждало живость духа. Возможно под их влиянием я сделал следующий смелый шаг.

Поскольку за набор моего учебника типография, где его прежде печатали, требовала слишком большую сумму наличными, я решил печатать учебник фотоспособом. С этой целью я договорился с одной из цинкографических фабрик, чтоб там изготовили клише всех страниц учебника. С помощью этих клише я мог отпечатать учебник в любой типографии независимо от наличия шрифта и в сколь угодно большом количестве. Необходимую сумму для внесения аванса мне любезно ссудил мой брат. Благодаря этой ссуде я смог также по случаю купить печатную бумагу в расчёте на 6000 экз.

Изготовление клише длилось почти целый год, и лишь в августе я смог приступить к печатанию книги. В течение первых месяцев этого года мы влачили жалкое существование с помощью реализации имевшихся остатков. Что касается пищи, то мы получали небольшое количество хлеба по государственным карточкам, но этого количества не хватало для нормального питания. Недостаток мы покрывали покупкой на улицах у крестьян, скрытно приезжавших в Москву для продажи своих запасов по высоким ценам, либо от наших единомышленников, получавших хлеб в больших количествах, чем требовал их организм. К этой категории, например, относились некоторые чиновники военных учреждений или училищ. С большой благодарностью, к примеру, я вспоминаю единомышленника Кратохвила, чешского военнопленного, который всегда любезно делился с нами своей порцией хлеба. Единомышленники Клеверов из Симбирска и Алтунин присылали немного хлеба из провинции по почте.

Когда пришло лето, я выехал в провинциальный город Курмыш, где жила моя мать. Там ещё можно было купить хлеба в достатке и цены не были слишком высокими: 3 рубля за полкилограмма. Чтобы судить о значении этой цены, я должен сказать, что раньше полкило хлеба стоили около 5 золотых копеек, т. е. 1/60 нынешней цены. И в то же время мы продавали, например, книгу "Фараон" в переводе Кабе согласно каталогу 1917 г. тоже по 3 рубля, учебник Кара и Панье — по 20 коп., т. е. 15 учебников за полкило хлеба.

В Курмыше я прожил около полутора месяцев и использовал это время для пропаганды нашего языка. Между прочим, там жило несколько военнопленных чехов и венгров. Я навещал их с целью привлечь к изучению нашего языка. А эти визиты могли бы закончиться для меня роковым образом, если бы, к счастью, я вовремя не вернулся в Москву, ибо через несколько недель в Курмыше произошло восстание жителей против советского режима, было убито несколько советских руководителей, а после подавления восстания — много восставших. Это восстание совпало с известным мятежом полков военнопленных чехов. Естественно в участии в восстании подозревали всех чехов а также тех, кто имел к ним отношение. Если бы я оставался в Курмыше до самого восстания, то конечно мои посещения чехов закончились бы трагически, хотя благодаря Эсперанто я ко всем политическим направлениям относился абсолютно нейтрально. Я сказал "благодаря Эсперанто", ибо эта идея в течение всех беспокойных лет, пережитых Россией, совершенно заполняла мою душу и все другие направления касались меня лишь поверхностно. Таким образом, Эсперанто много раз избавлял меня от больших опасностей и потому я ощущал к нему невыразимую благодарность. Если бы не эта идея, я вероятно давно бы не жил на земле, как многие мои знакомые.

В моё отсутствие в книжном магазине работали З.И.Рейнштейн и А.Трофимов. Сразу после моего возвращения в Москву Рейнштейн объявила, что нашла работу машинистки в учреждении, которое даёт своим служащим хороший рацион (необходимое дневное питание), и потому не может работать в

нашем голодном магазине. После неё вскоре ушёл и А.Трофимов, мобилизованный в армию. Я остался один и должен был в одиночку спасти магазин от дальнейших случайностей. А они были такими.

После перехода государственной власти к большевикам началась национализация земель, банков, фабрик, заводов и коммерческих предприятий. Таким образом в августе в один день были опечатаны все книжные магазины и их владельцы обязаны были предъявить своё имущество реквизиционной комиссии. С этого дня книжные магазины стали бесплатной собственностью государства. Поскольку наш магазин был учтён в качестве издательства, он не был опечатан и продолжал работать, хотя я ждал реквизиции каждый день. Ожидая реквизиции, мы однако не прекращали работать.

Ещё в мае я решил издать русский перевод "Плена Эсперанто-Эсперанта кай Франца вортаро" (полного эсперанто-эсперантского и эсперанто-французского словаря) Э.Буарака. Для подготовки перевода я попросил единомышленников Н.П.Житкову и З.И.Рейнштейн выписывать на карточки все технические термины с тем, чтобы затем раздать их специалистам, а сам начал переписывать все слова оригинала с эсперантскими разъяснениями, как технические, так и нетехнические, в одну рукопись для последующего перевода на русский

В то же время я хлопотал об изготовлении клише для издания моего учебника и об его печатании. Недалеко от нашего магазина я нашёл небольшую типографию Венгерова, которая согласилась печатать книгу с клише и уже в августе приступила к исполнению контракта, хотя ещё не все клише были готовы.

До сих пор я писал о своей работе в книжном магазине и издательстве. Что касается института, то курсы работали только до июня. Ими руководили я, Фридрихсен (Индра) и Бреслау. Было 37 курсантов. Во второй половине года (20 октября/2 ноября) там прошло только одно заседание экзаменационной комиссии, которая присудила высшие дипломы С.А.Алексееву, Н.И.Давыдову, В.И.Петрашень, Б.И.Перельштейн и В.П.Старининой. Этот экзамен стал последним делом, которым завершилась моя работа в качестве стопроцентного эсперантиста.

РЕКВИЗИЦИЯ КВАРТИРЫ

Через 10 дней (1/14 ноября) я получил официальную бумагу отдела жилых помещений Московского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с требованием за 10 дней освободить всю квартиру, т. к. в ней нуждается другое учреждение, некая "диктаторская лесная коллегия", задачей которой является снабжение Москвы топливом. Я уже говорил, что в первые месяцы большевистского режима, когда он ещё не вполне укрепился, во многих сферах царил полный хаос. Рождались совершенно новые учреждения, права которых не были точно очерчены, прежние законы утратили силу и часто у жителей не было никакого основания для защиты своих прав. Что делать? За 10 дней мне нужно было найти какую-нибудь квартиру, где я мог бы поместить все книги

магазина, весь архив редакции "Ла Ондо дэ Эспэранто", архив института и его библиотеку и, кроме того, мои вещи, мебель и т. д. Всё надо было упаковать и перевезти. А я был один. Положение было ужасным. Дело усложнилось ещё тем, что тогда трамваи не работали из-за недостатка электроэнергии, извозчиков было мало и они запрашивали такую плату, какую я не мог заплатить. Поэтому я вынужден был всюду бегать пешком и терять много времени.

Первым делом я заявил протест против реквизиции, но на него не обратили внимания. Тогда я побежал в Комиссариат народного просвещения с просьбой защитить хотя бы библиотеку института, ибо её грозили выкинуть и она совсем бы погибла. К счастью, там к моей просьбе отнеслись очень благосклонно и выдали мне так называемую охранную грамоту — "защитное предписание", по которому никто не мог реквизировать ни саму библиотеку, ни помещение. Но предписание было выдано после принятия решения о реквизиции квартиры и породило конфликт между двумя государственными учреждениями. Пользуясь этим обстоятельством, я вместе с господами Рейнштейн и Кратохвила быстро перенёс библиотеку, книжный магазин и свои вещи в две угловые комнаты и кухню, откуда имелся отдельный выход, и вывесил на дверях охранную бумагу. Это спасло всё от полного уничтожения. Диктаторская коллегия, заняв другие комнаты квартиры, не решилась насильно выбросить хранящиеся в двух комнатах книги и ограничилась лишь еженедельным направлением мне официальных бумаг, настаивающих на скорейшем освобождении всей квартиры.

Защитившись таким способом от немедленного выдворения, я начал хлопотать о другой квартире и готовить книги к перевозке. Но мы тогда жили в таких условиях, когда все средства — финансовые, продуктовые, вещевые, топливные — были мобилизованы на фронт гражданской войны. Из-за недостатка хлеба жители бежали в провинцию, чтоб искать там необходимое пропитание; свои квартиры они оставляли нетопленными, ибо не было топлива; в результате трубы, по которым в дома поступала вода, лопались; квартиры затоплялись и требовали срочного ремонта. Из-за этого я нигде не мог найти более или менее подходящую квартиру и выбрал её в таком доме, на который не позарилось бы никакое учреждение с тем, чтоб снова реквизировать. У этого дома было хорошее дворовое строение — подвал, где я мог бы хранить мебель и часть книг. Этот дом находился вблизи от реквизированной квартиры и это облегчало переселение.

Реквизированную квартиру я окончательно покинул в последние дни декабря 1918 г. Ещё раньше из неё были вывезены вещи Московского общества эсперантистов. Главная забота об этом легла на председателя Общества Желтова. Он должен был в течение 10 дней найти помещение, хорошо упаковать книги, архив, мебель, пианино, нанять транспорт и т. д. К счастью, у одного из членов Общества, Н.В.Некрасова, в квартире была сверхнормативная комната. Было решено перевезти в эту комнату всё имущество Общества. К нему я добавил несколько упаковок, которые были временно помещены в наш

книжный магазин на сохранение некоторыми его клиентами: военнопленным Каичак, Айспуритом и другими. Я полагал, что в Обществе они сохранятся лучше, чем в любом другом месте.

Но инвентарь Общества пролежал в квартире Некрасова лишь несколько недель. Я уже говорил, что в то хаотическое время никакая квартира и никакой дом не были защищены от реквизиции. И каждый владелец старался каким-нибудь образом так заселить своё помещение, чтоб его не могли отобрать. На одной из маленьких улиц — Сивцевом Вражке, — довольно далеко от центра Москвы, некий богач владел роскошным многокомнатным домом, в котором он жил лишь со своей семьёй. Когда произошла революция, он, опасаясь ареста, сбежал из Москвы и доверил беречь дом одному полуэсперантисту Барону. Этот товарищ решил, что если в этот дом вселится какое-нибудь культуронаправленное общество, то никто не сможет его реквизировать. И вот из этих соображений он убедил товарища Желтова переселить наше Общество в этот дом и назвать новое помещение Домом Эсперанто. Эту идею очень отстаивал и другой молодой эсперантист Розенблат. Таким путём Общество вселилось в большой отдельный дом.

Так как этот дом имел множество комнат, туда вскоре переселились беженцы, наши единомышленники Бреслау, Йодко, Евстифеев и Иванов-Кальянов. Дом стал как бы Эсперанто-отелем. В нём от владельца осталась роскошная обстановка, к которой добавилась мебель Общества. Никто не знал, кто является владельцем и хозяином дома и его обстановки.

Это был истинный эксперимент анархической жизни. Административные функции в Обществе взяли на себя Желтов и Розенблат. Они решили торжественно отпраздновать открытие нового помещения для Общества. Об этом было объявлено через московские газеты. Объявления прочли несколько жуликов, которые нашли это торжество весьма хорошим случаем для применения своей профессии. По объявлениям собрались многие московские эсперантисты. Их попросили раздеться в вестибюле, который никто не охранял. В ходе встречи вдохновенные речи произнесли Евстифеев, Футерфас и другие. Казалось, всё было в порядке, но когда встреча закончилась и гости пожелали одеться, некоторые из них не обнаружили своих пальто. Среди пострадавших оказался наш ревностный единомышленник Демидович. Он настаивал, чтобы пальто ему вернули. Но кто является ответственным лицом? Поскольку главным инициатором встречи был несчастный Желтов, он стал первым объектом гнева пострадавших. После ему пришлось потратить много времени, чтобы где-нибудь найти пальто взамен украденного; дело осложнялось тем, что в это время все частные магазины одежды были уже реквизированы и одежду нельзя было найти нигде, кроме государственных складов.

Схожий случай произошёл со мной в прошлом году, когда какой-то жулик явился в наш институт в Лубянском проезде, чтоб получить информацию о курсах Эсперанто и, уходя, стащил пальто одного из курсантов. Но тогда ответственным лицом был я и в то время ещё существовали частные магазины

одежды. Для удовлетворения потерпевшего мне пришлось заплатить за пальто сумму, которая поглотила годовой доход от курсов.

Но возвращусь к жизни в Доме Эсперанто. Поскольку я перевёз имущество книжного магазина в новое помещение (Уланский переулок), которое совершенно не подходило для продолжения работы магазина, я переложил эту работу на жителей Дома Эсперанто и добровольцев, желавших там работать. Среди них был уже упоминавшийся Розенблат. Для облегчения их работы я переместил туда небольшой запас учебников и эсперантской литературы. Учебники оказались у меня в то трудное время следующим образом.

Я уже говорил, что в 1918 г. заказал клише на все части своего учебника "Тута лингво Эспэранто" и по случаю приобрёл бумагу для печатания 6000 экземпляров. Типография Венгерова согласилась печатать книгу с этих клише, не требуя денег вперёд. В ноябре книга была напечатана и я должен был заплатить типографии 7500 рублей. Деньги в банке у меня имелись, но тогда все банки были национализированы и выдавали деньги только по частям. Таким образом, всю сумму заплатить я не мог, а типография требовала, ибо ей самой деньги были срочно нужны для закупки хлеба для рабочих. Грозил опасность утраты всего издания. В долг тогда никто не давал, ибо деньги теряли свою ценность ежедневно. В этой безнадёжной ситуации помог наш единомышленник д-р Корзлинский. Имея многих богатых знакомых в Москве, он где-то достал нужную сумму и книга была выкуплена. Часть тиража я сразу продал государственному книгохранилищу и полученными деньгами вскоре расплатился с заимодателем и своим братом. Таким образом мой риск не вызвал чьих-либо денежных потерь, а у меня осталось некоторое количество книг для продажи.

1919 г.

Благодаря этому изданию пропаганда нашего языка продолжалась безостановочно. Из провинции почтовые заказы шли на мой прежний адрес и исполнялись мною лично, а в Москве интересующихся направляли в Дом Эсперанто. На некоторое время этот дом стал как бы центром российского Эсперанто-движения. В одной из его комнат была устроена небольшая экспозиция, были поставлены шкафы Московского общества эсперантистов с довольно хорошей эсперантской библиотекой и шкаф с книгами на продажу.

В первые месяцы после переселения туда Московского общества эсперантистов жизнь в этом доме была довольно активной несмотря на то, что по всей стране голод всё более и более обострялся. Жильцы Дома Эсперанто организовали несколько групп по обучению нашему языку. Поскольку моё новое жилище совершенно не годилось для каких-либо встреч, я использовал помещение Общества для проведения там 11-го мая экзаменов от имени института. Экзамен держали С.В.Сарычев, В.А.Эпштейн, Г.И.Розенблат, М.Д.Иванова, Н.М.Иванов-Кальянов, С.Ф.Чирков, А.Н.Архангельский. Все они получили дипломы. Это были последние дипломы, выданные институтом.

Всего Московский Институт Эсперанто выдал 40 дипломов, а петербургский филиал — 8.

Вскоре после этих экзаменов голод заставил меня выехать из Москвы сначала в деревню Мухортово Костромской губернии, а затем в деревню Языково Симбирской губернии. Но прежде, чем рассказать об этом, я вернусь немного назад.

После реквизиции нашей квартиры в ноябре 1918 г. всё моё время было посвящено спасению книжного магазина и библиотеки института. Я говорю "спасению", ибо тогда все книги хранились в беспорядке в разных домах, мало отапливаемых. Там они часто намокали и совсем теряли свою ценность. Кроме того, из-за недостатка топлива необразованные сторожа зачастую топили ими печи. Я немного успокоился лишь тогда, когда перенёс книги в мою новую квартиру (Уланский, 17).

Пока я таким образом барахтался, в декабре московский эсперантист и идист д-р Л.Титов направил в Комиссариат народного просвещения письменную просьбу, чтоб там организовали специальную комиссию по проблеме международного языка. Поскольку в Наркомпрос от эсперантистов было послано уже много подобных просьб, то он решил такую комиссию создать. Она приступила к работе 17 января 1919 г. и состояла из профессоров Московского университета Ушакова, Пржезинского, Брандта, Н.П.Евстифеева, который сбежал из Петрограда и жил в Доме Эсперанто, д-ра Титова и представителей Наркомпроса Комаровского, Щелкана и Цилко. В качестве председателей комиссии избрали Титова и Евстифеева, которые должны были председательствовать поочерёдно.

На первом заседании проф. Пржезинский поставил 6 вопросов: 1) Есть ли статистический материал для суждения о том, какие системы международного языка наиболее распространены? 2) Есть ли авторитетное решение какой-нибудь организации по какой-либо системе, которая могла бы быть принята для международного использования? 3) Может ли решить поставленную проблему одна страна? 4) Обсудить проблему в том смысле, что почин может сделать любая нация, но окончательное решение должно остаться за некоей международной организацией. 5) В каких границах мыслится применение международного языка? и 6) Не следует ли нам окончательное решение о превосходстве той или иной системы отложить до момента конкретного её применения? Ответить на эти вопросы было поручено Евстифееву и Титову.

В докладе на шести машинописных страницах д-р Титов говорил в пользу Идо, который, по его словам, даст ответы на все вопросы. В докладе на сорока трёх машинописных страницах Н.П.Евстифеев говорил в пользу Эсперанто, приводя подробную критику Идо и других систем. Много страниц в этом докладе было посвящено личной полемике с инициатором Делегации, породившей Идо, Л.Кутюра. На заседании комиссии 19 февраля в неё были привлечены Сахаров (т. е. я), Дрезен, Лойко, Обручев. Комиссия работала несколько месяцев.

Вспоминаю, что этот год был одним из самых трудных годов революции. Советская Россия была атакована и блокирована со всех сторон. Армии белогвардейцев, поддерживаемые отрядами интервентов, всё более и более приближались к Москве. Ими были оккупированы самые зерновые районы — Украина и Сибирь. Бумажные деньги совсем обесценились. В России был объявлен так называемый военный коммунизм. Всё самое необходимое из пищи и одежды выдавалось жителям бесплатно, но каждый был обязан работать по указанию правительственных органов. Деньги употреблялись только для расчётов между частными лицами или для приобретения предметов не первой необходимости. Всё, что получали крестьяне со своих полей, за вычетом нормы на собственное питание, они обязаны были передавать государству. Это же относилось к фабрикам и заводам. Но поскольку запасы государства не были достаточны для того, чтоб удовлетворить всех, жители получали весьма скудный рацион: около 100 граммов хлеба в день и немного других необходимых продуктов питания. Наши желудки всегда были пусты и это отражалось на работе. Кроме того, нам всегда приходилось много ходить, ибо ни трамваи, ни автомобили не двигались из-за отсутствия топлива, а немногочисленные извозчики требовали такую плату, которая была совершенно вне наших возможностей. Например, для участия в заседании комиссии мне каждый раз приходилось совершать почти пятикилометровое путешествие.

В таких условиях мы являлись на комиссию сильно уставшими. Естественно, заседания посещались не вполне аккуратно. Некоторые члены комиссии (Брандт, Лойко, проф. Пржезинский) заболели и совсем не могли посещать заседания. В марте из-за невозможности работать в комиссии попросил отставку проф. Ушаков. Комиссия таяла вместе с весенним снегом. 2-го апреля на 11-м заседании комиссии присутствовало только шесть человек: Евстифеев, Титов, Щелкан, Комаровский, Обручев, Сахаров. После долгих споров на предыдущих десяти заседаниях о распространении и ценности Эсперанто и Идо было решено на этом заседании просить Наркомпрос об организации особого отдела международного языка. Но Наркомпрос в это время был в состоянии становления и многие его отделы хорошо не знали собственных функций. Для них наша комиссия была лишь грузом, который все пытались сбросить. Члены комиссии это чувствовали и на одном из ближайших заседаний вшестером решили: "Учитывая, что Эсперанто является языком уже живущим и пригодным для всех практических целей, просить Наркомпрос ввести его в программы советских школ в качестве учебного предмета. Все материалы комиссии передать Наркомпросу."

На этом комиссия завершила свою задачу и передала все материалы в комиссариат, в архивах которого они нашли свою могилу. Однако эсперантисты использовали комиссию для объявления в прессе, что "комиссия Наркомпроса решила ввести Эсперанто в школах в качестве факультативного учебного предмета".

Вскоре после завершения наших заседаний я выехал из Москвы в провинцию на несколько месяцев, чтоб немного подкормиться, ибо хотя провинция тоже голодала, но не в такой степени как Москва. Я нашёл убежище у единомышленника С.М.Мартынова, вернее у его жены О.И.Мартыновой. Вот как это случилось.

После Октябрьской революции она работала учительницей в деревне Мухортово, а он занимал какой-то административный пост в другом месте. Из-за какого-то конфликта с революционными органами ему угрожал арест и пришлось спасаться бегством. Он бежал к жене и прятался несколько месяцев в подвале под полом. Чтобы занять себя, он через жену получил от меня из Москвы эсперантские учебники и литературу. Я об этом ничего не знал, посылал книги на адрес его жены и писал ей письма на Эсперанто. Можете представить моё удивление, когда я неожиданно получаю от него письмо, в котором он пишет, что моя корреспондентка совершенно не знает язык Эсперанто и книги заказывает для него. После этого мы стали переписываться и он пригласил меня в Мухортово для эсперантской практики, ибо тогда он уже получил свободу. Я с благодарностью принял это предложение.

Но в то время граждане России все государственные услуги получали бесплатно, в том числе и железнодорожные билеты; им только требовалось доказать, что они едут для исполнения государственной службы. Мы устроили дело так, что его жена прислала мне официальное приглашение директора школы руководить обучением Эсперанто в школе, а Московский институт Эсперанто дал мне официальное поручение по этому случаю. После этого я мог сесть в поезд и далее на пароход и в конце концов благополучно попасть в школу.

В этой школе я провёл около двух месяцев, вёл курс Эсперанто для хозяйки и нескольких учительниц, но понял, что и там дело с пищей обстоит неважно и потому поспешил освободить хозяев от пансионера. Я вернулся в Москву, чтоб влачить там полуголодное существование.

Бумажные деньги в то время уже настолько обесценились, что все мы стали миллионерами. К примеру, я купил солдатский рюкзак, стоивший прежде 1,2 рубля, за 100 миллионов рублей. А рюкзак был необходим, ибо все граждане России должны были сами искать пищу или получать её на государственных складах и пешком тащить домой на собственной спине. С этим рюкзаком я часто путешествовал по подмосковным деревням в поисках зерна, картошки, овощей в обмен на одежду, золотые или серебряные монеты, часы, книги и т. д. Он служил и для того, чтоб складывать туда еловые и сосновые плоды (шишки), необходимые для отопления комнаты и разогрева самовара. Нужда в топливе была настолько велика, что для подогрева своих жилищ люди жгли мебель, книги, а административные органы даже ломали деревянные дома. Один остряк об этом сказал: "Прежде грели дома печками, а теперь печки — домами". На улице часто можно было видеть павших от голода лошадей. Каждый житель пытался убежать из Москвы куда-нибудь в провинцию к своим родственникам

или знакомым. Но железнодорожные билеты давали лишь тем, кто получал особое разрешение на поездку.

Зимой этого года умерла моя мать, жившая с братом в Симбирской губернии. Телеграмма об этом дала мне право выехать из Москвы на её похороны. Эту поездку я вспоминаю с ужасом. В качестве пассажирских использовались совершенно не отапливаемые товарные вагоны. Все они были набиты людьми до отказа. Многим доставались лишь стоячие места. Поезд делал не более 20 километров в час и я ехал двое суток. Когда мороз становился слишком сильным, люди крали на вокзалах дрова и жгли их на полу вагонов с большим риском пожара. Температура немного повышалась, но люди страдали от угара.

Свободно я вздохнул только тогда, когда вышел из вагона на своей станции. Тут по крайней мере я мог купить такой кусок хлеба, который меня полностью насытил. Пройдя 20 километров пешком до деревни Базилово, где жил мой брат, я наконец нашёл отдых. Но запас пищи у брата, кроме овощей, был тоже невелик. К счастью, для товарообмена я приобрёл в Москве несколько десятков катушек ниток, несколько метров кружев и другие вещи; в обмен на это я мог получать хлеб и молоко.

На удачу директором сельской школы оказался мой знакомый П.В.Архангельский. Я посетил его вскоре после прибытия. Одной из тем беседы стал Эсперанто. Когда я рассказал о решении комиссии при Наркомпросе, ему пришла мысль пригласить меня в школу в качестве преподавателя Эсперанто. Сказано — сделано.

В то время сельскими школами управлял Отдел народного просвещения районного Совета, который находился в районном центре Курмыше. Он обладал довольно большими и не совсем ясными правами. Получив официальное отношение Архангельского о моём приглашении, он не долго думал и утвердил это приглашение, вероятно внимая словам революционного гимна: "Мы новый мир построим!" Сразу по получении этого одобрения я был зачислен в список оплачиваемых и получающих рацион преподавателей школы в качестве учителя Эсперанто и начал учить. Но после нескольких уроков санитарный начальник закрыл школу на некоторое время, т. к. в самой деревне и в округе (да и вообще в стране) из-за голода, гражданской войны и общего беспорядка распространилась эпидемия тифа. Кроме того, для школы не хватало топлива. Она занимала реквизируемый большой дом помещика. Пока школа была закрыта я поселился в одной из комнат этого дома и с особого разрешения местного врача продолжил курс Эсперанто со школьниками старшего класса. Кроме того, я организовал курс Эсперанто для учителей и нескольких посторонних, пожелавших изучить этот язык. Так я провёл в Языково пять месяцев.

1920 г.

К сожалению, 25-го марта 1920 г. в школе из-за повреждения печных труб произошёл пожар и весь дом сгорел. Школа была переведена в другие

помещения и обучение затруднилось. В апреле я провёл официальный экзамен своим ученикам и получил свидетельство школы об исполнении своей задачи; по этому свидетельству мне выдали железнодорожный билет и 5 мая я возвратился в Москву.

Передо мной вновь остро встал вопрос, как дальше жить? Все денежные сбережения, что у меня были, утратили свою ценность. Мы уже превратились в миллионеров и миллиардеров. Для каждого советского гражданина основой питания сделался "пищевой рацион", получаемый рабочими и служащими по месту работы. Я стал серьёзно размышлять о работе в каком-нибудь учреждении. Но стать снова финансовым или другим служащим, как раньше, я не хотел. Мне очень хотелось, чтоб моя новая должность каким-нибудь образом была связана с применением Эсперанто.

В этом направлении мне помог старый знакомый В.Ф.Жаворонков. Во время гражданской войны он был мобилизован в Красную Армию и послан сопровождать санитарные поезда. Служба требовала от него постоянного передвижения и поиска более или менее подходящих вагонов для комплектования санитарных или военных поездов, т.к. в то время железнодорожный транспорт был так разрушен и дезорганизован, что никто точно не знал, сколько и где находится хороших или отремонтированных вагонов. Во время своих путешествий он не пропускал случая пропагандировать наш язык. Летом 1920 г. судьба забросила его на московскую железнодорожную станцию, забитую разными вагонами и паровозами. Возле станции располагалась железнодорожная начальная школа. Между дел он навестил эту школу, познакомился с директрисой и учителями и предложил сделать доклад о международном языке. Поскольку в то хаотичное время школы пребывали в положении экспериментальных организаций, старые программы были отвергнуты, а новые ещё не выработаны, учительство не боялось, как прежде, испытывать разные новые методы.

Итак, прослушав доклад и обратив внимание на актуальный характер международной идеи, учителя решили ввести обучение языку Эсперанто в старшем классе школы. Жаворонков, из-за своей службы, не мог принять это обучение на себя и направил в школу меня. Однако решение школы нуждалось в одобрении Отдела народного образования Городского Совета. На удачу, у меня уже был опыт языковой школы, выдавшей мне соответствующее свидетельство. Это свидетельство ускорило одобрение и я стал штатным учителем Эсперанто с такой же зарплатой и таким же рационом, что у других учителей.

В школе я преподавал несколько месяцев: с сентября 1920 г. до марта 1921 г. Благодаря этой работе я не умер с голоду, но школа была далеко от дома и мне приходилось терять целые часы на ходьбу туда из-за бездействия трамваев и извозчиков. Кроме того, в школе была полностью расстроена дисциплина учащихся. Они чувствовали себя хозяевами школы и позволяли себе на уроках всё, что могут выдумать 12-14-летние дети. Из-за такого отношения к дисциплине учителя стонали и при первой возможности оставляли работу. К

Эсперанто ученики относились как к другим обязательным предметам и весьма неохотно загружали мозги новыми словами и грамматическими правилами. Наиболее сильное средство привлечения к изучению Эсперанто — международная переписка — тогда не было возможным, ибо Россия была блокирована со всех сторон. Кроме того, некоторые родственники не благоволили к Эсперанто и эти чувства не прятали от потомков. Я видел, что разбрасываемые мною семена падали на бесплодную почву, и при первом благоприятном случае через несколько месяцев прервал уроки в этой школе.

А случай был такой. Мне надо было отдавать в школу своего племянника. Обходя с этой целью ближайšie к дому школы, в одной из них я встретил знакомого полуэсперантиста. Когда он узнал о цели моего визита, то сказал, что школа примет племянника, если я найду недостающего учителя, ибо тогда, как я уже говорил, учителя бежали из школ. Я в шутку ответил, что могу предложить только самого себя, т. к. никого другого не знаю. Но моя шутка дала предлог для дальнейшего разговора на эту тему и дело кончилось тем, что я согласился вести четвёртый класс по всем предметам при условии, что школа позволит мне ввести в программу класса язык Эсперанто. Отдел народного образования с радостью утвердил меня в этой должности и таким образом я стал профессиональным учителем. Первый год я преподавал все науки — математику, русский язык, историю, географию, Эсперанто, — а затем я обучал уже только математике, как закончивший математический факультет университета.

Многим мой рассказ покажется не вполне заслуживающим доверия, но следует помнить, что то было время революции и гражданской войны.

С того времени прекратилась моя 100-процентная эсперантская деятельность. Из-за новой должности мне приходилось много времени посвящать преподавательской работе и заниматься Эсперанто только в свободное время. Однако Эсперанто так укоренился в моей душе, что я даже среди забот о ежедневно необходимом хлебе никогда не забывал о нашей дорогой идее. Я верил, что когда закончится гражданская война и в России наступит нормальное состояние, Эсперанто станет развиваться даже живее, чем прежде.

С этой надеждой я старался, чтоб не погибли корни основанных мною книжного магазина, журнала и института. Хотя в маленьких комнатах моей новой квартиры я не мог устраивать групповые курсы, официально институт продолжал существование и был внесён в список новых государственных образовательных учреждений в качестве учебного заведения. Его преподавательский коллектив состоял теперь, помимо меня, из д-ра Корзлинского, С.Обручева и Футерфаса. Д-р Шидловский в марте 1920 г. тяжело заболел и умер, а остальные преподаватели были втянуты в войну.

Во время моего почти полугодового выезда в провинцию в Москве оставалась секретарь института З.И.Рейнштейн-Сахарова. После моего возвращения в мае 1920 г. я старался как-нибудь оживить курсы. И тут вовремя представился очень хороший случай. В почтовом комиссариате весьма

заинтересовался и вдохновился нашей идеей один из важных чиновников Н.Д.Моденов. Он пожелал организовать курсы Эсперанто для почтальонов. Меня познакомили с ним и в результате мы устроили в одном из почтовых домов курсы Эсперанто под моим руководством. Группа состояла из 20 человек и была оформлена как один из курсов института. Деятельность института была восстановлена, но возникло новое затруднение: исчерпались все издания учебников. Что делать?

Прежний порядок издательской деятельности был уничтожен. Все частные типографии были реквизированы и стали госсобственностью. Бумажные склады — тоже. Все издания подлежали контролю особого госучреждения — Главлита. Чтобы что-то издать, надо было прежде получить разрешение нескольких учреждений. Эти учреждения были новые и располагались в разных местах Москвы. Там сидели чиновники, которые ничего не знали об Эсперанто. Их надо было долго уговаривать, чтоб в конце концов они выдали испрашиваемое разрешение.

После долгих хлопот в июле я получил для института разрешение переиздать учебник Кара и Панье в типографии, принадлежавшей прежде Сытину, где уже печатали учебник Девятнина. Наш учебник набирали четыре месяца. Пришло время его печатать. Но когда я пришёл просить, чтоб отпустили бумагу, чиновник, распределявший типографскую бумагу, перечеркнул все прежние разрешения и заявил, что не может тратить бумагу на такую бессмыслицу. Один никчемный человек одним росчерком пера обесценил все мои хлопоты!

Тогда я написал письмо Н.К.Крупской, жене Ленина, с которым я учился в Казанском университете и который тогда болел из-за ран, полученных в ходе покушения на его жизнь. В письме я обратил внимание на вредное поведение чиновника, который неправомерно аннулировал предыдущие решения несмотря на то, что книга была набрана. В результате было отдано распоряжение о выдаче бумаги. Книга была напечатана в январе 1921 г. и мы запаслись учебниками на несколько лет. Часть издания забрал государственный книжный склад и заплаченными им деньгами я расплатился с типографией. Остальные книги я сложил в своей квартире, забив ими одну из комнат.

1921 г.

На меня теперь навалился большой груз. С одной стороны, я стал профессиональным учителем в школе, а с другой стороны, мне надо было продолжать работу книжного магазина, распределяя учебники среди эсперантских пропагандистских обществ и отдельных лиц. Кроме того, официально ещё работал Институт Эсперанто, чьим директором был я.

Политическая обстановка в тогдашней России была туманной. Гражданская война продолжалась во всех концах страны. Украину захватили польские и германские войска, Кавказ и Крым оккупировали наши бывшие союзники —

англичане, французы и др. Наши деньги безостановочно обесценивались. На самом маленьком дензнаке было напечатано "1000 рублей". За эти деньги почти ничего нельзя было купить. Служащие и рабочие питались в основном получаемым рационом, который равнялся иногда 100 граммам хлеба. Обеды мы получали в общественных столовых. Они состояли из тарелки кипячёной воды с небольшим количеством крупы и печёного картофеля, приготовленного так, чтоб не пропала кожура. Все влачили полуголодное существование. Мы переживали так называемый период военного коммунизма.

Частные предприятия постепенно национализировались. Меня не трогали только потому, что с точки зрения неэсперантистов все наши предприятия были ничего не стоящими забавами. Что касается эсперантистов, то никто из них не отваживался запятнать себя каким-нибудь насилием по отношению ко мне. Кроме того, я ещё раньше неоднократно выражал желание сделать мои предприятия "общей собственностью" и с этой целью даже предлагал образовать акционерное общество, но лишь немногие выразили желание стать его членами. И теперь я абсолютно не мешал тем, кто хотел устроить какие-то общественные предприятия, полезные нашему движению. Напротив, давая таким людям солидный кредит, я только желал им помочь.

Например, в Петрограде (теперешнем Ленинграде) тогда какое-то время энергично работали единомышленники Пилев, А.Ф.Ашанин и Н.К.Каратаев, которые даже начали издавать эсперантский журнал "Агитанто" (агитатор).

15 сентября 1921 г. я дал им в порядке кредита 3000 экземпляров учебника Кара и Панье. Кроме того, я им передал клише для напечатания в Кронштадте моего русско-эсперантского словаря. В итоге я не получил ни платы, ни клише, и лишь позже с большим трудом, благодаря помощи М.С.Валентинова, я смог получить из кронштадтской типографии неиспользованные клише.

В Москве, когда Московское общество эсперантистов переселилось в Дом Эсперанто и там некоторые активисты пожелали выполнять функции моего книжного магазина, я тоже выдал в кредит разные книги и всегда шёл навстречу каждому их начинанию.

Такая манера держаться никому не давала повода для каких-либо насильственных действий против меня и таким образом моё "частное предприятие" — книжный магазин — плавно слилось с аналогичными общественными предприятиями и наконец ликвидировалось. Может быть нашлось бы несколько единомышленников, которые с удовольствием бы реквизировали мою эсперантскую библиотеку в институте, но для этого требовались довольно большое помещение и такие люди, которые могли бы посвятить ей бесплатно много времени. Кроме того, она была защищена охранной грамотой Наркомпроса (гарантийная бумага от реквизиции). Если бы это случилось, несомненно её постигла бы участь библиотеки Г.Давыдова в Саратове, которую реквизировали несколько "единомышленников" и которая в конце концов из-за беспризорности и легкомыслия почти пропала.

Итак, моя библиотека осталась нетронутой, и я хотел её и институт передать государству. В 1920, 1921 и 1922 годах я много хлопотал в Наркомпросе и его подразделениях, чтоб наш институт приняли и превратили в государственное образовательное учреждение. 27 июня 1921 г. я представил (за № 17) целый проект такого учреждения с годовым финансовым бюджетом в 10.640.000 рублей (о значении миллионов смотри выше), но все мои хлопоты утонули в море архивных документов.

Здесь я должен отметить один довольно неприятный, но характерный для некоторых эпизод. Когда я в первый раз пришёл вместе с сотрудником нашего института С.В.Обручевым на заседание в Наркомпросе, где предполагалось обсудить проект передачи института государству, туда явились также наши эсперантисты-коммунисты Э.Д. и С., которые принесли свой собственный проект, не знаю какой, и пожелали без согласования с нами защищать его на заседании. Ожидая пока придёт наша очередь, они вели себя по отношению к нам столь странно, что я даже был доволен, когда объявили, что наш проект на этом заседании не будет обсуждаться из-за недостатка времени. По их поведению я заключил, что стою на чьём-то пути, и чтоб не навредить им, предоставил им полную возможность трудиться на нашем поле как им хочется. После этого я совсем прекратил хлопотать об институте и он умер от бездействия. Таким же образом прекратил существование журнал "Ла Ондо дэ Эспэранто".

Как я уже говорил, последний номер 4–5 вышел в мае 1917 г. Из-за отсутствия бумаги, обесценения бумажных денег и недостатка пищи я не смог издать в этом году все объявленные номера. Но в 1918 г. были установлены уже новые правила издания. По ним газеты и журналы могли издавать лишь общественные организации и по заранее утверждённой программе. Поскольку я не относился ни к какой политической партии и хотел оставаться верным Булоньской Декларации, я уже не мог продолжать издание своего журнала и он прекратил своё существование. Таким образом с 1921 г. прекратилась моя деятельность в качестве 100-процентного эсперантиста. Эсперанто я посвящал теперь только часть своего времени, как любитель.

Функции моих эсперантских предприятий перешли к разным эсперантским общественным группам: сначала к Московскому обществу эсперантистов, а затем к другим новым эсперантским организациям — ОКТЭФу (Организа Комитато дэ Тутрусланда Эспэранта Фэдэрацио) (оргкомитет всероссийской эсперантской федерации), ЭсКИ (Эспэрантиста Комуниста Интэрнационало) (эсперантский коммунистический интернационал), Либра экспэдэйо дэ пошто-тэлегграфо-тэлефоно (книжная экспедиция почты-телеграфа-телефона), "Нова Эпоко" (новая эпоха), СЭСРу (затем названному СЭУ, т.е. Союз советских эсперантистов). Активно работать в этих организациях я не мог, ибо, во-первых, принятая мною должность педагога проглатывала почти всё моё время, а во-вторых, все они на первое место ставили политические цели, которым должно было служить Эсперанто. Но, принимая во внимание недостаточно широкое

распространение Эсперанто, я полагал, что на каждом языке сначала учатся читать, а после уже читают книги разных направлений. Следовательно, эсперантисты прежде всего обязаны заботиться о пропаганде нашего языка; его применения придут после сами. Поэтому мне был более симпатичен фундамент Булоньской Декларации, чем что-либо другое.

Конечно, я приветствовал любое приложение нашего языка, только если оно не выходило за рамки обычной человеческой морали, но прежде всего мне бы хотелось по возможности широчайшего и быстрее распространения нашего языка. Такое мнение предопределило моё отношение к различным политическим направлениям. Я не избегал отношений с ними, но оценивал каждое из них с нейтральной точки зрения. Из-за такого поведения некоторые политические фанатики презрительно называли меня "нейтралом" и даже были склонны использовать это в качестве козыря, когда подозревали, что я могу стать преградой на пути их устремлений; но я всегда шёл своим собственным путём и был убеждён, что был прав.

Перед моими глазами прошли многие наши деятели, которые поднялись на высокие политические посты, а затем с шумом свалились, оставив по себе неприятные воспоминания об эсперантских связях. Из этих соображений я полагал, что в новой политической обстановке я могу быть более полезен Эсперанто в качестве автора и издателя нейтральных учебников Эсперанто и, при случае, учителя Эсперанто, чем в качестве активного члена какой-нибудь политической организации.

В первые годы после революции русские эсперантисты располагали только нейтральными учебниками Л.Л.Заменгофа, моим ("Тута лингво Эспэрэнто"), Кара и Панье, Щавинского, Кабанова. Само собой понятно, что они не могли удовлетворить тех, кто обязательно жаждет чего-нибудь политического. Тогда стали появляться новые учебники с политическим содержанием: Волевича, Тихонова, Лидина, Валентинова, Дрезена, Свистунова, Рублёва, Курбатова и других. Я видел, что такие учебники тоже нужны и даже помогал некоторым авторам в их работе. Один из таких учебников (Свистунова) я даже редактировал по настоятельной просьбе автора. Благодаря этому россияне могли выбирать по своему вкусу, и это только ускорило наше движение.

Понятно, что новые эсперантские организации предпочитали распространять учебники с политическим содержанием и продавали нейтральные учебники лишь тогда, когда их специально требовали. Свои издания я распространял в 1919, 1920 годах и в дальнейшем преимущественно по почте. Заказчики находили мой адрес или на обложках наших изданий, или в старых каталогах московского книжного магазина "Эсперанто", или в моих объявлениях в нескольких русских газетах. Все заказы я выполнял лично, используя немногие свободные часы после работы в московской школе.

Но я также пытался воспользоваться своей работой учителем для проникновения Эсперанто в школу. Поскольку я был учителем и руководителем группы в школе, а школы в то время находились в состоянии реорганизации, я

использовал своё влияние на то, чтобы организовать из своих учеников (27 мальчиков и девочек 13–15 лет) кружок, названный мною "Молодёжным авангардом". Наряду с другими предметами я обучал кружковцев языку Эсперанто. Уроки Эсперанто были указаны в расписании как обязательные. Это была одна из попыток внедрить наш язык в школы. Но я должен признаться, что этот эксперимент не был особо успешным. Во-первых, тогда все мы переживали ужасный голод и мысли любого были направлены в основном на то, как бы наполнить наши голодные желудки. Во-вторых, наша страна была отрезана от заграничной жизни ввиду гражданской войны и интервенции. Следовательно, Эсперанто не мог быть широко применён в международных связях. В-третьих, во всех школах дисциплина среди учащихся была столь расстроена, что учителям приходилось напрягать всю волю, чтоб побудить их учиться.

Тем не менее среди школьников нашлось несколько человек, усердно учивших язык. Чтоб оживить учёбу, я предложил кружку напечатать и издать пропагандистскую брошюрку. Для этого мы использовали клише моего учебника "Тута лингво Эспэранто" и напечатали 20-страничную книжечку, содержащую основную грамматику Л.Л.Заменгофа, несколько рассказов из моей хрестоматии и эсперантский словарь, подготовленный тремя самыми лучшими учениками. Книжечка была издана тиражом в 10000 экз., и ученики распространяли её среди своих знакомых.

Наш язык я преподавал в этой школе два или три года, но затем вынужден был закончить обучение по следующей довольно смешной причине. В нашей школе тогда вводили обучение французскому языку, но из-за отсутствия дисциплины ученики абсолютно не были склонны его изучать. Кроме того, учительница французского языка не пользовалась необходимым авторитетом среди учеников. И вот, перед одним уроком они устроили в классе баррикады из скамей и заявили, что не желают терять время на изучение столь трудного языка, когда существует уже международный и лёгкий язык Эсперанто. Происшествие свалили на мою пропаганду Эсперанто и в результате администрация настоятельно попросила меня прекратить обучение нашему языку. Кроме того, некоторые родители учеников относились к Эсперанто очень неблагоприятно и находили обучение ему совершенно бесполезным. Из-за этого я вынужден был прекратить уроки Эсперанто в школе и преподавать там только математику.

В это время я испытал ещё одну попытку принудительного введения Эсперанто в школу. Тогда Комиссариат почты-телеграфа-телефона основал в Москве специальный институт по подготовке телеграфистов. Заместителем директора института был наш единомышленник Китлер, имевший служебные связи с ранее упомянутым активным нашим единомышленником Н.Д.Моденовым, занимавшим довольно важный пост в этом комиссариате. Этим обстоятельством хорошо воспользовался наш активист В.Ф.Жаворонков, о котором я уже писал несколько раз выше. Он сделал в институте доклад об

Эсперанто для студентов и преподавателей и убедил администрацию ввести Эсперанто в программу института в качестве обязательного учебного предмета.

Первые лекции читал он сам, но вскоре вынужден был выехать из Москвы по своим военным делам и попросил меня продолжить чтение лекций. Я согласился на это и вёл курс несколько месяцев. Но обучение было чрезвычайно трудным, т.к. учащиеся были разных способностей и большей частью мало образованными. Для них изучение нашего языка было очень трудным. Они плохо знали даже русскую грамматику и были слишком загружены специальными техническими предметами и заботами о пропитании. Кроме того, некоторые слышали скептические разговоры о нашем языке вне учебного заведения и с удовольствием освободились бы от необходимости учить Эсперанто. Однажды, когда я зашёл в классную комнату, я даже прочёл на чёрной доске такую запись: "Долой Эсперанто — еврейское изобретение." Такое отношение к Эсперанто делало его преподавание очень неприятным и я при первом удобном случае, в мае 1921 г., передал преподавание единомышленнику Екименко, но он тоже недолго вёл курс и "обязательное обучение" в этом институте вскоре прекратилось.

Эти факты убедили меня, что человечество и наш язык ещё не созрели для того, чтоб наш язык был в обязательном порядке введён в учебные заведения. Об этом мы сможем говорить лишь тогда, когда будем иметь в парламентах достаточное число своих единомышленников. Но это случится только тогда, когда наш язык будет широко распространён среди людей и обогащён применением во всех областях науки и жизни. Поэтому нам нужно прежде всего пропагандировать и пропагандировать наш язык. А пропаганда будет успешна лишь тогда, когда мы сможем показать людям богатую литературу и многочисленные практические приложения.

Когда существовал наш эсперантский книжный магазин, он являлся в России главным центром пропаганды и главным источником нужных денежных средств. После его закрытия его роль переняли разные эсперантские организации. К сожалению, ни одна из них не имела каких-либо денежных средств и пропаганда продолжалась в первые после этого годы лишь путём продажи книг, оставшихся в нашем магазине, которыми я снабжал эти организации в кредит и зачатую без отдачи. Но этот источник не был продолжительным.

Я уже говорил, что в последние годы перед революцией наш магазин широко развернул кредит для многих провинциальных книжных магазинов, которым мы посылали наши издания на комиссию, т.е. деньги мы получали лишь по продаже книг. Эта операция конечно была сопряжена с некоторым риском даже в нормальное время, а во время мировой войны и революции она принесла нам большие потери. Когда в 1918 и 1919 годах были реквизированы все частные магазины, ни один из наших дебиторов не выплатил нам долги и не вернул комиссионные книги. Из-за этого наш запас книг на продажу вскоре исчерпался

и мы оказались перед опасностью остаться вовсе без словарей. У нас был лишь достаточный запас учебников Кара и Панье.

К счастью, на горизонте появился новый деятельный единомышленник Н.Д.Моденов. Занимая важный пост в почтовом комиссариате, он выхлопотал некоторое количество денег для организации при почтовых учреждениях книжных экспедиций и издательств. Будучи одним из руководителей этого предприятия, он обязал издать, используя мои клише, мой учебник "Фундамента курсо дэ Эспэранто" и мой эсперанто-русский словарь. Это издание я обменял на изданный мною учебник Кара и Панье; таким образом экспедиция получила достаточный запас эсперантских учебников, а я смог снабжать заказчиков помимо учебников также и словарями.

Этот запас заложил основу нового центра пропаганды Эсперанто в почтовых учреждениях. Сначала он занимал маленькую комнату в Чудовом переулке, а в 1922 г. был перенесён в большой дом, названный "Дворцом труда", в котором были сконцентрированы все главные конторы российских профессиональных союзов. Экспедиция вскоре приобрела вид внушающего уважение книжного магазина с четырьмя служащими. Одним из его сотрудников стал после демобилизации наш не единожды упоминавшийся единомышленник Жаворонков, который безотлагательно устроил там очень активный эсперантский отдел. Этот отдел оказался как бы продолжателем нашего книжного магазина и я всюду объявлял о нём, как о главном складе наших изданий.

С помощью этого магазина я распродал почти весь остаток книг нашего книжного магазина и смог осуществить даже новое издание своего полного курса Эсперанто "Тута лингво Эспэранто". Я использовал слово "почти", т. к. другие эсперантские организации, некоторые из которых я назвал раньше, развёртывали свою деятельность очень медленно и не имели достаточно крепкой базы. Это вполне понятно, ибо там работали только активисты-любители, которые могли посвящать нашему движению лишь свободные часы. Кроме того, руководители этих организаций всегда находили какие-нибудь причины для ссор.

Конфликты начались вскоре после переселения Московского общества эсперантистов в Дом Эсперанто в Сивцевом Вражке. Как я уж говорил, дом имел много комнат и некоторые из них занимали наши единомышленники. Позже к ним присоединились другие, неэсперантисты. Административные функции в доме исполнял тов. Барон. Между ним и другими жителями дома вскоре возникли многочисленные конфликты, которые, к сожалению, вышли из стен нашего домашнего очага и сделались объектами разбирательств в госучреждениях.

В течение некоторого времени ядром всех новых русских эсперантских организаций, рождённых революцией, было Московское общество эсперантистов, в котором в основном работал тов. Желтов. Он положил много трудов на переселение Общества после реквизиции нашего помещения в

Лубяньском проезде; он же руководил Обществом в новом помещении, но вскоре стал одной из жертв революции. Как я уже говорил, 1917–1920 годы были годами всеобщего голодания и разных эпидемий. В основном голодающие умирали от тифа. Он скосил и нашего единомышленника Желтова. Его жизни в эсперантском журнале СЭУ была посвящена специальная статья Н.В.Некрасова под названием "Джиба кавалиро" (горбоносец).

Кроме Н.Желтова в Доме Эсперанто в Сивцевом Вражке в 1918–1921 годах работали Розенблат, Некрасов, Бреслау, Йодко, Евстифеев, Темерин, Футерфас. Лично я, из-за моей работы в школе, мог иметь с ними связь только тогда, когда им нужны были учебники, словари или эсперантская литература. Их внутренняя жизнь меня не слишком интересовала. Таким образом в 1920–1922 годах я находился между двумя московскими эсперантскими центрами: с одной стороны — Дом Эсперанто, с другой — отдел Эсперанто в книжном магазине почты, которым управлял тов. Жаворонков под покровительством тов. Моденова. Из них несомненно более сильным был последний, ибо в нём работали оплачиваемые служащие. Тов. Жаворонков вскоре развернул там внушающую уважение эсперантскую работу и даже издавал особый эсперантский каталог. Я по возможности помогал этому магазину своими изданиями и иногда заграничными книгами.

К этим двум центрам вскоре присоединилась её одна организация — ЭсКИ, или полностью — Эспэрантиста комуниста интэрнационало. ЭсКИ создали эсперантисты Охитович (Сунман) (по другим данным: Орт Суннам) и Дрезен. Но эта организация долго не просуществовала, ибо Центральный комитет Российской коммунистической партии нашёл её совершенно лишним дополнением к III-му Коммунистическому интернационалу и вскоре ликвидировал.

Главным инициатором создания ЭсКИ был Э.К.Дрезен. Он стал эсперантистом в 1908 г. Будучи гимназистом он уже много делал для Эсперанто в Кронштадте. Став затем студентом высшего учебного заведения в Петербурге, он пропагандировал Эсперанто среди студентов разных институтов. В 1913 г. он выдержал экзамен в Петербургском филиале Московского Института Эсперанто и получил высший диплом. В ходе мировой войны его мобилизовали, но работал он в тылу и руководил эсперантским движением в Петрограде (Петербурге). Во время гражданской войны его призвали в Красную Армию, но там за какие-то дела привлекли к уголовной ответственности. Деталей этого дела я не знаю, но он каким-то образом избежал наказания и в 1921 г. прибыл в Москву для жительства и работы. Вскоре он стал членом Российской Коммунистической Партии и занял довольно важный пост в одном из высших учреждений нового Советского правительства. Занимая этот пост, он однако продолжал работать для Эсперанто, но хотел непременно стать главным руководителем нашего российского движения. Он был у меня, и мы договорились так. Поскольку я хотел быть обязательно политически внепартийным и как таковой не мог иметь многочисленные связи с главными

лицами нового правительства, то просил тов. Дрезена, как члена компартии, взять на себя эту роль, а себе я оставил более скромную роль поставщика книг и преподавателя. Урегулировав таким образом отношения со мной, Дрезен поначалу хотел руководить организованным им ЭСКИ, но тот был вскоре закрыт ЦК компартии. Тогда Дрезен пожелал руководить Московским обществом эсперантистов, состояние которого в то время было следующим.

Как я уже говорил, оно в 1918 г. переселилось в Дом Эсперанто. Но там между жителями Дома начались конфликты, которые несколько раз передавались на разбирательство в госучреждения. В ходе судебных процессов некоторые лица утверждали, что Эсперанто вовсе не заслуживает того, чтоб занимать отдельный дом, и просили, чтоб часть комнат была передана неэсперантистам. В конце концов Правительство решило отдать строение под детский дом, а эсперантистов выселить. Кроме того, для нужд детдома была реквизирована часть инвентаря — несколько дюжин хороших стульев, столы и т. д.

Перед Обществом встала трудная задача подыскания нового приличного помещения. Её выполнили единомышленники Футерфас, Темерин и Валентинов. Новое помещение было найдено в центральной части Москвы, на ул. Б.Дмитровка, и состояло из нескольких комнат. В одной из них была устроена выставка и продажа книг, в другой — гостиная для эсперантских встреч. По местоположению помещение было прекрасным, но оно требовало довольно много денег и специального персонала. Ни тем, ни другим Общество не располагало.

В новом помещении работали наши добровольцы Футерфас, Темерин, а затем вернувшиеся из армии Валентинов и Романович. За помещение надо было платить, но денег было очень мало. В первое время, когда действовал так называемый военный коммунизм, когда жители получали за свою работу всё бесплатно, Общество могло владеть помещением, но в 1921 году, когда закончилась гражданская война и начался период русской революции по восстановлению и построению, ситуация стала совсем другой.

Военный коммунизм бы необходим только во время гражданской войны 1918-20 годов. Тогда советская власть была вынуждена забирать у крестьян все излишки зерна на питание для Красной Армии и рабочих. По окончании войны эта политика уже потеряла свой смысл. Дальнейшее её продолжение могло погубить революцию. В России — стране в основном аграрной — прежде всего нужно было восстановить сельское хозяйство. С этой целью обязательное изъятие всех сельскохозяйственных продуктов было заменено зерновыми налогами, что позволило крестьянам свободно продавать по рыночным ценам все остатки. Как результат новой системы, появились рынки и ярмарки со свободной продажей. Далее, во время военного коммунизма были национализированы все промышленные предприятия. Но при расстроенном сельском хозяйстве и недостатке сырья государство не могло заставить их работать в полном объёме. Поэтому правительство в июле 1921 г. предоставило

всем право свободно заниматься малым промышленным производством и свободно продавать продукцию своих предприятий.

Этот период революции называют "НЭПом" — новой экономической политикой. Свободная торговля требует более или менее стабильной денежной единицы — рубля. Для достижения этого государство собрало довольно большой запас золота и других ценностей и под их гарантию напечатало новые банкноты, заменившие прежние из расчёта: 1 копейка = 1/100 рубля = 2 миллиардам прежних рублей. С этого момента все финансовые отношения между частными лицами, а также ими и госпредприятиями, базировались на новом рубле.

Для того, чтоб государство могло меть бездефицитный баланс, были утверждены новые налоги и арендные ставки. Поэтому Московское общество эсперантистов должно было тоже вносить за своё помещение довольно большую сумму. Поскольку оно не могло этого делать, то вынуждено было уступить часть хорошего помещения другой организации. У Общества остались только две комнаты, где были сложены остатки его имущества и иногда устраивались встречи эсперантистов.

Но эти встречи совсем не были похожи на те, какие были у нас в Лубянском проезде. Политика разделила эсперантистов между разными партиями. Каждая из них стремилась приспособить наш язык к своему направлению. Одним из этих направлений был анархизм, но он вскоре стал официально преследуемым и его последователи были изгнаны из Москвы (Футерфас и др.). Остались беспартийные и коммунисты. Коммунисты желали главенствовать, но среди них не было единодушия и вскоре завязалась борьба. Образовались две партии: Дрезена и так называемых новаэпоканов, которые основали журнал "Нова эпоко". Пока они боролись между собой, самую большую комнату администрация забрала для другого использования, а вторую комнату заняли под частное жильё. Имущество Общества было роздано разным людям, и Общество прекратило существование.

Часть имущества снова была перевезена в квартиру Некрасова и превратилась в основу нового самостоятельного предприятия "Нова эпоко", которым руководили товарищи Некрасов и Демидюк. Предприятие издавало журнал "Нова эпоко" и выполняло некоторые функции эсперантского книжного магазина.

В это время, в октябре 1921 г., в Москву вернулся старый деятельный эсперантист Валентинов. В последнее время он энергично работал для Эсперанто в г. Херсоне и там издал свой учебник и хрестоматию. Возможно по тем же соображениям, что руководили мною в 1907 году, он хотел поселиться обязательно в Москве и мечтал основать в ней разновидность нашего книжного магазина "Эсперанто". В эту сторону его подталкивала новая экономическая политика. Он уже приобрёл собственную эсперантскую клиентуру и установил довольно много связей с иностранными заведениями, между прочим с газетой "Герольдо дэ Эспэранто" (глашатай эсперанто), которая поручила ему

получение абонементной платы в России. Но отсутствие финансовой базы принесло ему много неприятностей со стороны клиентов и вскоре он был вынужден ликвидировать своё коммерческое предприятие.

После него попробовал основать подобное предприятие другой старый эсперантист А.Прагер, но тоже неудачно. Никогда между всеми названными предприятиями не было хороших связей и они зачастую принимали форму заслуживающих сожаления конфликтов.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

1) На 1-м Всемирном конгрессе эсперантистов во французском городе Булонь-сюр-Мер в 1905 г. была принята так называемая Декларация о сущности эсперантизма, назвавшая эсперантизм стремлением распространять во всём мире использование нейтрального языка.

2) "Нова эпоко": Международный литературно-художественный журнал на Эсперанто.

3) СЭСР: Союз эсперантистов Советских республик.

4) Центральный книжный склад ЦК профсоюза связи находился в комнате 201 "Дворца труда" по ул. Солянке, 12.

5) По другим данным Э.К.Дрезен вступил в партию в 1918, а с 1921 г. работал в Кремле заместителем управляющего делами ЦИК.

ПОСЛЕ 1921 г.

Видя это и будучи под впечатлением новой экономической политики, я решил восстановить все мои заведения и в 1922 г. уже сделал об этом объявления в разных эсперантских изданиях. Но в июне этого года в моей квартире случилась катастрофа, которая опрокинула все планы. В соседней комнате одна из жительниц выпекала лепёшки на керосиновой лампе и по неосторожности опрокинула её. Вылившийся керосин загорелся и пламя моментально распространилось по всей комнате. Спасаясь, обожженная женщина хотела перепрыгнуть через пламя, но оно охватило её платье. Несчастная выбежала из комнаты в коридор, затем во двор, зовя на помощь. Там её повалили и с большим трудом загасили огонь на одежде. Обожженную отвезли в больницу, где после ужасных мучений в течение дня она умерла.

Огонь из её комнаты быстро распространился на всю квартиру и прежде всего проник в мою комнату, где стояли шкафы с эсперантской библиотекой. Я смог спасти в моей комнате лишь несколько предметов из одежды и пишущую машинку. Всё остальное было охвачено пламенем. К счастью, вскоре прибыла бригада пожарных и пламя загасили. Но пожар уже успел съесть и испортить все предметы, которые находились вне шкафов. Дым проник и в закрытые шкафы, но лежащие там книги только покрылись сажей. Таким образом большая часть библиотеки не погибла, но я потерял почти все свои вещи. Пока тушили пожар, были разворованы все ценности и я остался без денег и одежды в полуразрушенной квартире.

Моё ужасно трудное положение усложнялось ещё тем, что вся страна после войн и революции являла собой ту же самую картину, но в большем масштабе. Страховых учреждений не было, и я вынужден был бороться со своим несчастьем собственными силами. В течение трёх месяцев мне пришлось жить в полуразрушенном помещении, и лишь осенью нашёлся человек, который согласился отремонтировать его на том условии, что я уступлю ему большую часть квартиры. Таким образом я волей-неволей вынужден был занимать только две комнаты общей площадью 17 кв. м, из которых одна совсем не имела окон. На этой площади нужно было расставить пять повреждённых снаружи шкафов библиотеки, три ящика с книгами, кровать и немного другой мебели. Переселиться в другое место я не мог, ибо не имел нужных средств.

Пожар разрушил все планы восстановления книжного магазина, журнала и института. Во второй половине 1922 г. и в 1923 г. мне пришлось барахтаться, чтоб как-нибудь урегулировать свои финансовые дела. В пожаре сгорели почти все бухгалтерские книги магазина и многие архивные документы. К счастью, остались несгоревшими несколько ящиков книг, которые лежали в подвале во дворе. Их продажа вывела меня из нищенского положения. Много помогли мне в то время товарищ Жаворонков, руководивший эсперантским отделом почтового книжного магазина, и тов. Н.Н.Темерин, организовавший эсперантский отдел в книжном магазине "Новая деревня". Через эти магазины были проданы почти все остатки моего издания. Сразу после пожара я хотел передать их одной акционерной компании и уже подготовил проект контракта, но к нему присоединилось так много лиц, что я вынужден был совершенно бросить свой план.

Итак, я поплыл по течению. Моей главной работой была школа, где я обучал математике. Моему дорогому Эсперанто я мог посвящать лишь немного свободного времени.

Главная моя работа для Эсперанто в это время была нацелена на издание переведённого мною на русский полный эсперанто-французского словаря Буарака. Эту работу я начал ещё в 1917 г., привлекая к ней многих сотрудников. Мною и единомышленниками Житковой и Рейнштейн были заведены карточки на все технические термины, вошедшие в словарь. Затем эти карточки были розданы многим специалистам-учёным с тем, чтобы они сделали русский перевод этих терминов соответственно переводам на Эсперанто и французский. Выполнить это любезно согласились известные профессора Московского университета Карузин (анатомия), Голенкин (ботаника), Кожевников (зоология), моряк П.Ю.Орас (морские термины), музыкант М.Александров (музыка), Рублёв (химия) и многие другие. В 1924-25 гг. словарь был уже готов, но я не мог найти человека, который согласился бы его издать. Я предложил словарь государственному издательству, но оно отказалось из-за дефицит бумаги. Сам я не мог издать словарь, ибо не располагал местом для складирования тиража. Из-за этого рукопись осталась ненапечатанной и пропали большие труды, а также довольно большая сумма денег, истраченных

на его подготовку. Если бы действовал наш книжный магазин, то без сомнения словарь был бы издан и принёс нашему движению большую пользу.

Пока я хлопотал об издании этого полного словаря, все другие словари были почти распроданы. Видя это, я решил переиздать мой учебник "Тута лингво Эсперанто", изменив несколько параграфов в соответствии с новым строем нашей политической жизни и пополнив словарь новыми словами, которые не вошли в прежние издания. Новая экономическая политика это ещё разрешала. В 1926 и 1927 гг. я смог это осуществить с большим трудом, но издание стоило мне слишком много душевных мук. Я не знал, где хранить десятитысячное издание. Лишь благодаря любезному разрешению заведующего почтовым книжным магазином Э.П.Соколова и его сотруднику Жаворонкову я смог сложить часть издания в этом магазине. Но я видел, что мои книги очень стесняют магазин и долго думал, как выйти из трудного положения. К счастью, в главном государственном издательстве нашлись наши единомышленники Х.С.Ружанский и Хенкин, которые согласились взять на комиссионную продажу почти весь тираж, а также единомышленники А.И.Шилов и Выменец, которые отрегулировали наши финансовые счёты. Это вывело меня из затруднительного положения.

После этого я уже не отваживался делать столь рискованные шаги. Впрочем вскоре после этого новая экономическая политика был свёрнута и частные лица были лишены права что-либо издавать, даже собственные произведения. По новым правилам что-либо могли издавать лишь официально зарегистрированные издательства, которые работали по специальным планам, утверждаемым высшей администрацией на весь следующий год. До 1938 г. для эсперантских сочинений существовало только одно такое издательство — Союза советских эсперантистов (С»Е), - но оно в том году распоряжением администрации было закрыто вместе с самим СЭУ.

До сих пор я писал об этой организации лишь между прочим, ибо мои контакты с ней были очень редки. Сейчас я должен написать побольше, ибо она играла всеобъемлющую роль в Эсперанто-движении в нашей стране. Она образовалась уже после 1922 г., когда в Москве рухнули предприятия ЭСКИ, Валентинова, Прагера, мои планы после пожара в квартире и когда было изгнано из своего помещения Московское общество эсперантистов. Не сомневаюсь, что последнее местопребывание Московского общества эсперантистов могло бы быть защищено, если бы все московские эсперантисты действовал заодно. Но, к сожалению, перед изъятием оно стало ареной столкновения общественных и личных интересов Футерфаса, Валентинова, Дрезена и новаэпоканов (Демидюк, Некрасов, Поляков и др.). Началась довольно жестокая борьба, из которой победителем вышел Дрезен. Я не принимал участия в их спорах, т. к. был полностью поглощён работой в школе и борьбой за существование после пожара, не говоря уже о личном отвращении к любым военным действиям. Поэтому я не могу много написать об этом и лишь скажу, что в конце концов между новаэпоканами и Дрезеном был заключён

мирный договор и родилась новая организация — СЭУ — с ясно выраженным политическим направлением и Дрезеном в качестве избранного генерального секретаря. Эта организация в период с 1923 по 1938 год руководила всем Эсперанто-движением в нашей стране, организуя Эсперанто-группы, курсы, издавая периодику, книги, созывая конгрессы, сносясь с инстанциями. Сначала она находилась на Рождественском бульваре, а после конфликта между некоторыми членами Центрального комитета СЭУ и заведующим его издательством и книжным магазином И.Г.Лидиным (Моховым) она переехала на ул. Спиридоновку,15.

Поскольку у меня было много работы в школе, я не мог принимать активное участие в работе этой организации и лишь аккуратно платил членские взносы. В первые годы мои отношения с СЭУ были довольно хорошими, но потом, из-за некоторых действий её руководителей, отношения сильно испортились. Мне не нравились частые конфликты между некоторыми членами Центрального комитета, конфликты, которые лишь вредили общему делу. Например, среди членов комитета был прекрасный и активнейший профессиональный труженик нашего движения И.Г.Лидин (Мохов); однако из-за этих конфликтов он вынужден был покинуть наше движение и выбрать менее симпатичное для себя занятие. И часто такие конфликты имели совершенно не товарищеские мотивы.

Отмечу лишь один эпизод, который мог бы создать сложный конфликт, если бы этого пожелала другая сторона. В 1923 г. в Москве проходил конгресс советских эсперантистов. На одном из его заседаний меня избрали кандидатом в члены Международного языкового комитета, председателем которого был Т.Кар. Согласно уставу Комитета я послал ему свою анкету, с которой должны были познакомиться члены Комитета в ходе выборов. Так как в Комитет надо было избрать больше людей от России, г-н Кар в 1928 г. послал в так называемую Языковую комиссию советских республик при СЭУ предложение "о выборе пяти кандидатов в языковой Комитет на 1929 г., в число которых включить тов. А.Сахарова, уже заполнившего вопросник". Слова в кавычках я дословно выписал из протокола заседания комиссии, проходившего 1-го января 1929 г. Председательствовал на заседании Э.Дрезен, секретарствовал В.Поляков и одним из членов был Г.Демидюк. И что решила комиссия? Она выбрала пять кандидатов, из которых трое участвовали в заседании, добавив: "... отменить кандидатство тов. Сахарова в Языковом комитете от имени Языковой комиссии советских республик".

Итак, комиссия, избранная на конгрессе, не выбрала кандидата, избранного тем же самым конгрессом! Копия протокола была любезно послана мне. Конечно такое действие в других случаях обязательно стало бы "казус белли" (поводом к войне), но мне оно напомнило лишь войну 1910 г. между румынскими единомышленниками, о которой я уже писал и на которую я пожертвовал весь 6-7-й номер "Ла Ондо дэ Эсперанто". Абсолютно не желая растрчивать силы на бесполезные споры, я просто проигнорировал вызов и предпочёл вспахать на нашем просторном поле такую борозду, которая не

пересекалась бы с бороздами других пахарей и не вызывала бесполезные столкновения.

Я написал это не для умаления многих положительных заслуг членов комиссии, которые они имели в нашем движении, а только для привлечения внимания к ошибочным путям, которыми, к сожалению, следовали наши единомышленники, привнося в движение свои личные интересы и забывая, что сумма положительного всегда снижается, когда складывается с некоторым количеством отрицательного. Впрочем, если бы я был суеверным, я бы очень благодарил судьбу за то, что она внушала членам комиссии такое решение, ибо благодаря ему через десять лет я избежал ужасных личных неприятностей и сохранил силы для дальнейшей работы на эсперантском поле. Детали этого я оставляю истории, ибо они касаются политики, и напишу здесь лишь о том, что в 1937-38 гг. неожиданно был арестован весь Центральный комитет СЭУ, а затем была закрыта и сама организация, как не оправдавшая своих целей. Это имело катастрофические последствия для отечественного движения.

Поскольку судебный процесс не был открытым, никто не знал о причинах арестов и многие, думая что это вызвано языком Эсперанто, даже опасались называться эсперантистами. Напрасно я убеждал, что такое объяснение ошибочно, ибо многие эсперантисты не были затронуты; ничто не помогло, и отечественное движение замерло более чем на два года. Лично я продолжал связи с границей, получал эсперантскую периодику, по возможности пропагандировал наш язык среди знакомых, но публично не мог ничего предпринимать, т. к. этому совершенно не благоприятствовала международная политическая обстановка.

Это время напоминало мировую войну 1914-18 гг. Япония воевала с Китаем, Германия — с Польшей, а затем с Францией, Англией, Норвегией, Бельгией, Нидерландами; наконец начался военный конфликт нашей страны с Финляндией. К счастью, последний длился лишь четыре месяца и завершился в марте 1940 г. удовлетворяющим обе страны мирным договором. После этого наша страна, одна из немногих в мире, находилась вне военного безумия. В то время как воюющие страны занимались убийством ни в чём не повинных людей, разрушением ценностей, потоплением военных и торговых судов, сожжением городов и сёл, мы продолжали мирное строительство во всех областях общественной жизни. В городах вырастали гигантские дома, в провинции основывались новые фабрики, дающие работу и товары, на полях прокладывались новые оросительные каналы т. д. Всё способствовало общественной работе.

Я счёл, что это время благоприятно для оживления нашего движения. Для этого мне нужно было убедить наше Правительство в том, что, во-первых, Эсперанто не более опасен для общественного порядка, чем другие языки, и, во-вторых, что Эсперанто является уже живым языком, распространённым во всём мире, обладающим обширной литературой и имеющим много практических приложений. С этой целью 18 августа я подал в высшее советское

правительственное учреждение — Совет Народных Комиссаров — предложение о создании в Москве за счёт госбюджета специального Эсперанто-музея, в котором было бы собрано всё относящееся к нашему языку. В качестве основы музея я предложил бесплатно свою эсперантскую библиотеку, занимающую пять комнатных шкафов, и свои услуги по организации. Я просил лишь предоставить под музей помещение площадью примерно 100–150 кв. м и выделить из госбюджета сумму (приблизительно 50000 руб.), необходимую на организационные расходы.

Как отреагирует наше Правительство на моё предложение, покажет будущее. Но в любом случае с этого момента в нашей стране должен начаться новый период в истории советского Эсперанто-движения. Ведь всякое живое дело не может долго оставаться в обморочном состоянии. Всякое жизнеспособное семя, брошенное в плодородную землю, лишь ожидает подходящих условий для прорастания.

На этом я заканчиваю первую часть воспоминаний. Вторая часть носит характер дневника, в который я по мере возможности буду заносить все факты нашего движения, которые появятся на горизонте наблюдения.